МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Медведева Арина Алексеевна

ЖАНРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЧАСТУШЕК ШЕКСНИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л. Г. Яцкевич

Вологда – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. Проблемы исследования жанровой и региональной специфики языка частушек 15

1.1. История развития лингвофольклористики и актуальные проблемы изучения языка частушек 15

1.2. Культурно-исторические особенности Шекснинского района Вологодской области 18

1.3. Выбор источников материала, методы сбора и исследования 22

1.4. Вопрос о границах жанра частушек 26

Выводы по первой главе 40

ГЛАВА 2. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК 42

2.1. Особенности строения текстов шекснинских частушек 42

2.2. Тематические и функциональные типы шекснинских частушек как факторы, определяющие лексических состав текстов 53

2.2.1. Тематические разновидности частушек 55

2.2.2. Функциональные типы частушек 77

2.3. Традиционные поэтические формулы шекснинских частушек 84

2.3.1. Структурные типы фольклорных формул 86

2.3.2. Семантика и генезис общефольклорных формул в шекснинских частушках 93

2.3.3. Семантика и функции собственно-частушечных формул 108

2.4. Поэтика шекснинской частушки 111

2.4.1. Словообразовательные особенности языка шекснинских частушек 112

2.4.2. Средства художественной выразительности шекснинских частушек .. 118

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ 142

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК 144

3.1. Диалектные фонетические особенности языка шекснинских частушек..... 144

3.2. Специфика грамматических форм языка шекснинских частушек 153

3.3. Лексические особенности языка шекснинских частушек 163
3.3.1. Диалектная лексика шекснинских частушек 164
3.3.2. Имена собственные в шекснинских частушках..... 171
3.3.3. Региональные особенности фольклорных формул 186
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ..... 191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 193
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 197
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 198
СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СПРАВОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 217
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Коллекция частушек Шекснинского района Вологодской области……222
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Указатель исполнителей частушек……..……334
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Указатель населённых пунктов Шекснинского района, в которых фиксировался материал…….….352
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Карта Шекснинского района Вологодской области (с указанием исследуемого района)…….…353
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Материалы к словарю диалектных слов, выражений, окказионализмов, использованных в текстах шекснинских частушек……..……..…….…354

ВВЕДЕНИЕ

Произведения устного народного творчества активно исследуются лингвистами в наши дни.

Язык фольклора является предметом лингвофольклористики – науки, опирающейся на методы как лингвистики, так и фольклористики. Термин «лингвофольклористика» введён в научный оборот основателем курской школы лингвофольклористики, профессором А. Т. Хроленко в 1974 году [Хроленко 1974].

Интерес к языку фольклора начинали проявлять поэты, писатели и учёные уже в XVIII век (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков и пр.). В XIX веке шло активное собирание произведений устного народного творчества, отдельные наблюдения над языком фольклора приводились в работах Ф. И. Буслаева [Буслаев 1844], А. А. Потебни [Потебня 1990], А. Н. Веселовского [Веселовский 1989]. Активно исследовался язык произведений устного народного творчества в трудах учёных XX века: А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1963], П. Г. Богатырёва [Богатырёв 1971], И. А. Оссовецкого [Оссовецкий 1975], В. Я. Проппа [Пропп 1998; 1999; 1999а; 1999б; 2001], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1960; 2001] и др.

Наиболее часто предметом исследования учёных становится язык таких жанров устного народного творчества, как сказки, былины, лирические (необрядовые) и календарные песни, пословицы и поговорки.

Гораздо меньше работ посвящено языку частушки. К данному жанру в начале XX века сложилось двойственное отношение. С одной стороны, некоторые деятели культуры (например, Ф. Шаляпин) видели в частушках упрощение и разложение народной песенной традиции [Цит. по: Белов 1982: 242]. Однако другие исследователи фольклора утверждали, что частушка – это самобытный, уникальный фольклорный жанр, показывающий не падение, а новый виток развития народной культуры, при этом лаконичность частушки раскрывает талант народа, его умение запечатлеть в небольшом тексте и сюжет, и глубину

переживаний [Белов 1982: 242-244]. Именно эти особенности русской частушки позволили П. А. Флоренскому сравнить её с краткими жанрами японской поэзии [Флоренский 1994: 663], традиции которой также уходят в фольклорное прошлое, а достоинства признаны исследователями всего мира.

Предметом наиболее содержательных исследований языка частушек является поэтика (изучаются основные мотивы, средства художественной выразительности, некоторые особенности строение текста) [Зырянов 1964; 1974; Кулагина 2004], а также вопрос происхождения жанра [Лазутин 1960].

Исследование памятников традиционной культуры невозможно в отрыве от конкретного локуса, в котором формировалась специфика жанра, особенности его языка [Флоренский 1994: 663].

Объектом настоящего исследования являются частушки (более 3200 текстов), зафиксированные в Шекснинском районе Вологодской области в период с 1963 по 2017 годы.

Предмет исследования – язык шекснинских частушек, его региональные и жанровые особенности.

Источниками фактического материала являются коллекции шекснинских частушек, зафиксированных в 1963, 1964 и 1995 годах профессором Вологодского государственного университета Л. Г. Яцкевич [ЯСРД], летом 2002 года – сотрудниками Череповецкого цетра традиционной народной культуры [МЧЦТНК], в 2003, 2005, 2006 и 2014 годах – сотрудниками Вологодского областного научно-методического центра культуры под руководством А. В. Кулёва [МОНМЦ], в различные годы (начиная с 1991 г.) – сотрудниками Сиземского центра традиционной народной культуры под руководством В. В. Егорова [МСЦТНК], в 1991-1992 годах учениками Чаромской средней школы под руководством Т. С. Ивановой [КЧШР], летом 2017 года – автором настоящего диссертационного исследования [КЧШР]. В поле нашего зрения оказались также частушки, включённые шекснинскими писателями А. А. Карабановым и К. А. Павловым в свои автобиографические произведения [КТАР; ПВБ].

Актуальность исследуемой темы определяется:

- во-первых, высоким интересом к традиционной культуре в науке и обществе;
- во-вторых, необходимостью исследования фольклора как «уникальной сферы существования языка» [Климас 2009: 3], что включает в себя изучение территориальной дифференциации языка фольклора как части духовной культуры регионов; создание системы регионально ориентированных лексикографических форм, в частности конкордансов к корпусам фольклорных текстов, которыми отечественная и зарубежная наука пока не располагает, введение в научный обиход новых, конкретных фактов, идей и наблюдений, полученных в ходе апробации новых технологий лингвокультурологической направленности и др. [Праведников 2010; Хроленко 2010].

Актуальность всестороннего изучения частушки, её жанровой и региональной специфики подтверждается также и большим количеством исследований по данной теме, выполненных за последние десятилетия учёными (лингвистами, фольклористами, искусствоведами), изучающими частушки Южного Урала, Тамбовской, Ивановской области и др. [Батырева 2013; Вершинина 2013; Друцкая 2014; Кулёва 2008а; Мешкова 2000; Ованесян 2011; Семьянинов 2016; Судаков 2016; Яцкевич 2017].

История собирания и исследования вологодской частушки начинается с середины XIX века. После работы по сбору материала в Череповецком уезде (западная часть современной Вологодской области) Г. И. Успенский пишет заметки с названием «Новые деревенские стишки», в которых обозначает известный теперь каждому термин «частушка» [Успенский 1889].

Севернорусские частушки (в том числе и вологодские) как культурный феномен описаны в работах А. Белова [Белов 1902], А. Бурцева [Бурцев 1898], И. Я. Львова [Львов 1891].

Вологодские поэты, писатели в советский период отмечали достоинства частушки как поэтического жанра народной культуры. В середине XX столетия опубликованы сборники частушек, составленные поэтом С. Викуловым

[Частушки 1952; Вологодские… 1957], писателем и журналистом К. Коничевым [Частушки 1954; Песни… 1955].

Более пятисот частушек Вологодского края, записанных Н. А. Иваницким, Г. И. Успенским, И. А Львовым, собрано в книге «Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки. Песни. Частушки» под редакцией В. В. Гуры [Сказки, 1965].

В наши дни вологодские частушки собирают любители старины и традиционной культуры [Вологодские… 2003; Ехалов 2005; Частушки 1999]. Рукописные сборники частушек хранятся в музеях вологодского края, издаются в краеведческих альманахах [Устюженская… 1995; Устюженские… 2000].

Более 30 лет записью вологодского песенного фольклора (в том числе и частушек) занимаются сотрудники областных и районных центров традиционной народной культуры, а также преподаватели и студенты факультета музыкальной педагогики (в настоящее время – отделение музыкальной педагогики факультета иностранных языков культуры и искусств) Вологодского государственного университета.

Язык вологодских частушек впервые стал объектом внимания искусствоведа С. Р. Кулёвой: в диссертационном исследовании «Частушки в культурных традициях Белозерья. Опыт комплексного исследования» и монографии «Неизвестная частушка» автор ставит задачу – всесторонне исследовать частушку как феномен культуры, обращает внимание на функционирование белозерской частушки в системе культурных традиций [Кулёва 2008а; 2008б].

Исследованием языка вологодских частушек занимались учёные Вологодского государственного университета – профессор Г. В. Судаков и профессор Л. Г. Яцкевич. В статье Г. В. Судакова «Названия любимого человека в вологодских частушках» [Судаков 2016] излагаются результаты исследования наименований любимого человека в вологодских частушечных текстах первой половины XX века: обозначаются лексико-семантические свойства, структура, мотивационные признаки, особенности употребления в корневых гнездах. Ещё

одна статья Г. В. Судакова «Образ народа – защитника отечества в частушке» раскрывает особенность языка военной частушки (афористичность, метафоричность, словесная изобретательность, повышенная эмоциональность, соответствие языку своего времени и пр.) [Судаков 2016а].

Работы профессора Л. Г. Яцкевич посвящены изучению языка частушек (745 текстов) д. Квасюнино Шекснинского района Вологодской области [Яцкевич 2011; 2013; 2016; 2017]. В монографии «Квасюнинская поговорочка: Язык малых жанров фольклора» автор даёт жанрово-тематическую классификацию частушек, подробное описание лексики, словесных образов и символов квасюнинских частушек; исследователем созданы «Словарь диалектных слов и фольклоризмов, употребляемых в квасюнинских частушках», «Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино», «Словарь традиционных поэтических формул в языке квасюнинских частушек» [Яцкевич 2017].

Новизна данного диссертационного исследования заключается в следующем:

- впервые в научный оборот вводится исследуемый материал (значительная часть текстов шекснинских частушек не публиковалась ранее и не подвергалась специальному изучению);
- впервые ставятся задачи всестороннего изучения языка частушек одного региона (Шекснинского района Вологодской области);
- впервые выявляются доминирующие языковые средства, используемые в шекснинских частушках.

Теоретико-методологическую основу данного исследования составили разработки учёных в сфере лингвофольклористики (Е. Б. Артеменко; М. А. Бобунова; И. С. Климас; З. К. Тарланов; А. Т. Хроленко), фольклорной диалектологии (С. П. Праведников), истории русского языка (В. В. Виноградов; В. В. Иванов).

Вопрос границы жанра частушки (Шекснинского района) решался, основываясь на исследованиях В. П. Аникина, Н. В. Дранниковой, И. В. Зырянова, С. Р. Кулёвой, С. Г. Лазутина.

Анализ особенностей композиции текстов шекснинских частушек основывается на теоретических разработках В. П. Аникина, З. И. Власовой, И. В. Зырянова, И. О. Клагге, Н. П. Колпаковой, А. В. Кулагиной, С. Г. Лазутина.

Определение в текстах частушек различных средств художественной выразительности, выделение традиционных поэтических формул базировалось на исследованиях фольклорных текстов таких учёных, как С. Б. Адоньева, Е. Б. Артеменко, А. Н. Веселовский, И. В. Зырянов, С. Г. Лазутин, А. Н. Кулагина, Г. И. Мальцев, Н. Рошияну, М. Перри, С. М. Толстая, А. Т. Хроленко.

Методы исследования. В ходе изучения языка частушек Шекснинского района Вологодской области использовались общенаучные эмпирические методы исследования (наблюдение, сравнение, описание, измерение), теоретические методы познания (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), при этом опирались на общелогические методы и приёмы (обобщение, аналогия, системный и структурный анализ, статистический метод и пр.). Поскольку наша работа выполняется в русле такой научной дисциплины, как лингвофольклористика, в исследовании мы опирались на методы как лингвистики, так и фольклористики: описательный метод; структурный метод; лингвогенетический (исторический) метод; метод количественного анализа (статистический).

Исследователи фольклорного слова обращают внимание на то, что региональные особенности языка фольклора проявляются на различных ярусах языка. Для определения таких особенностей мы применили ряд частных методов и приёмов. Для выявления и количественного анализа языковых фактов использовался метод сплошной выборки: в текстах частушек определялись лексемы и формы слов, фольклорные формулы, лексико-синтаксические и синтаксические конструкции, обладающие теми или иными региональными особенностями. Выборка производилась как вручную, так и с применением

автоматизированных поисковых функций электронных редакторов. Далее применялся сопоставительный метод, с этой целью использовались материалы Национального корпуса русского языка [НКРЯ], а также диалектные и исторические словари [ВС; Герасимов; Даль; ДКСБ; ЗР; СВГ; СРНГ]. При анализе фонетических и грамматических особенностей языка использовался также сравнительно-исторический метод. Определяя специфику языка частушек на различных ярусах, мы использовали приёмы синтаксического, лингво-поэтического анализа текста, а также приёмы фонетического, словообразовательного, морфологического анализа слова.

Главная **цель** исследования заключается в том, чтобы определить жанровые и региональные особенности языка шекснинских частушек на разных его ярусах. Поскольку мы предполагаем монографическое изучение языка шекснинских частушек, то основная цель подразумевает ряд частных **задач**:

- выявление жанровых особенностей шекснинских частушек, отражённых в их тематике и их лексических особенностях;
- определение жанровых особенностей словообразовательных средств в шекснинских частушках;
- характеристика жанровых особенностей синтаксиса и изобразительно-выразительных средств шекснинских частушек;
- исследование региональных фонетических особенностей языка шекснинских частушек;
- описание региональных грамматических черт языка частушек;
- определение региональных лексических особенностей языка частушек.

Гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: шекснинские частушки являются особой сферой функционирования языка на данной территории, в силу этого обладают жанровыми и региональными особенностями как в построении текста, так и в своих языковых средствах.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Исследование жанровых и региональных особенностей языка и речевой структуры частушек является актуальной задачей лингвофольклористики в силу того, что данные формы фольклора в указанном аспекте недостаточно исследованы. Вместе с тем шекснинские частушки являются национальным культурным достоянием, в них отразилась история развития словесной культуры русского народа и её своеобразие.

2. Язык шекснинских частушек, коллекция которых рассматривается с позиций лингвофольклористики впервые, отражает эволюцию данного жанра и его взаимодействие с другими фольклорными жанрами.

3. Язык шекснинских частушек и построение их текста характеризуются традиционностью, которая обнаруживается в следующих особенностях. Во-первых, для данного жанра характерен постоянный репертуар тем, наличие тематических циклов, что способствует созданию устойчивых поэтических формул и устойчивых композиционных форм текста. Во-вторых, в связи с этим в текстах частушек сохраняется значительное количество диалектных слов, выпавших из активного запаса жителей данного района.

4. Для фольклорных текстов данного жанра характерна импровизация, тесная связь с ситуацией исполнения, что также находит отражение в построении текста и языке шекснинских частушек. Во-первых, создаются серии (циклы) вариантных частушек, обычно связанных общими устойчивыми поэтическими формулами (или их вариантами) и мотивами, участвующими в построении лирического сюжета. Во-вторых, при импровизации в шекснинских частушках используются различные иносказания и слова-символы, выполняющие роль смыслового вектора, разъясняющего назначение частушки в данной ситуации.

5. Жанрообразующими для частушек в основном являются темы любви, разлуки, ревности, брака. Это определяет частотные характеристики словаря данного жанра: существительные – названия любимого человека, соперницы (соперника), термины родства, отвлечённые существительные, слова других частей речи, называющие эмоциональные состояния человека.

6. В силу небольшого объёма текста, шекснинские частушки имеют сжатый сюжет, в котором отражена кульминация событий, что определяет повышенную экспрессивность частушки. С целью передачи экспрессии используются следующие языковые средства: эмоционально-оценочные лексические и словообразовательные языковые единицы, традиционные и индивидуально-авторские тропы и стилистические фигуры, средства поэтического синтаксиса.

7. Шекснинские частушки являются ценным памятником диалектной речи, так как сохраняют многие (порой уже утраченные в живой речи) особенности местного говора на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

8. Тексты частушек отражают местные условия бытования, что находит отражение в использовании региональных топонимов и антропонимов, создаёт определённые культурные традиции в сфере народного творчества данной местности.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты дополняют имеющиеся знания о языке русской частушки, могут служить базой для исследования эволюции и специфики шекснинских говоров, а также использоваться специалистами в области лингвофольклористики для уточнения тех или иных научных выводов и концепций.

Практическая значимость. Результаты настоящего исследования могут использовать культурные центры и фольклорные коллективы, т.к. региональные особенности языка фольклора (отражающие местный колорит) важны для изучения традиционной народной культуры, утраченные языковые особенности реконструируются при исполнении частушек. Результаты данного исследования могут применяться в качестве иллюстративного материала в теоретических и практических курсах по диалектологии, фольклору, истории русского языка, фонетике, словообразованию, лексикологии, грамматике, поэтическому синтаксису, искусствоведению.

Апробация работы проводилась в форме докладов на Международной научной конференции «Грамматические исследования поэтического текста» (Петрозаводск, 7-10 сентября 2017 г.), на научных конференциях IV и V

Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия» (Вологда, 23-25 октября 2017 г. и 22-24 октября 2018 г.), на XXIII Международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир. Поле и архив: фольклористика в XXI веке» (Пермь, 21-23 мая 2018 г.), на Международной научной конференции «Фортунатовские чтения в Карелии» (Петрозаводск, 10-12 сентября 2018 г.), а также на XVI всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2-3 апреля 2019 г.). Основные результаты диссертационного исследования изложены в девяти публикациях, три из которых размещены в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства высшего образования и науки РФ: межвузовский сборник «Вестник Череповецкого государственного университета», межвузовский сборник «Севернорусские говоры».

Структура работы строится в соответствии с поставленными задачами и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников материала (9 источников), списка используемой литературы (192 наименования), списка использованных словарей и справочников (17 позиций) и приложений. Общий объем работы составляет 357 страниц (основная часть исследования – 195 страниц).

Во **введении** формулируются цель и задачи исследования, определяется его актуальность, степень разработанности темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологический аппарат, а также формулируются положения, выносимые на защиту. В **первой главе** «Проблемы исследования жанровой и региональной специфики языка частушек» рассматриваются цели и задачи изучения языка частушек, описываются источники фактического материала, методы изучения шекснинских частушек, рассматривается проблема жанровых границ частушки. Во **второй главе** «Жанровые особенности языка шекснинских частушек» даётся тематическая классификация шекснинских частушек, описываются особенности строения текстов шекснинских частушек, жанровые особенности языка на словообразовательном уровне, лексико-

синтаксические особенности (отражённые в использовании фольклорных формул), особенности поэтического синтаксиса и использования средств художественной выразительности в текстах шекснинских частушек. В **третьей главе** «Региональные особенности языка шекснинских частушек» последовательно описываются региональные особенности языка шекснинских частушек на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях. В **Заключении** приводятся основные выводы и результаты работы, а также намечаются дальнейшие перспективы исследования шекснинских частушек.

Приложение 1 содержит коллекцию частушек Шекснинского района Вологодской области; в **Приложении 2** указаны исполнители шекснинских частушек; в **Приложении 3** обозначены населённые пункты Шекснинского района, в которых фиксировался материал; в **Приложении 4** представлена карта Шекснинского района Вологодской области с указанием исследованного района; **Приложение 5** содержит материалы для словаря диалектных слов и выражений, использованных в текстах шекснинских частушек.

Глава 1. Проблемы исследования жанровой и региональной специфики языка частушек

Поскольку шекснинские частушки исследуются в русле лингвофольклористики. В первом разделе в настоящей главе исследуется вопрос истории развития лингвофольклористики, обозначаются актуальные проблемы в изучении языка частушек.

Тексты частушек связаны с культурной средой, в которой они возникли, поэтому во втором разделе первой главы описываются культурно-исторические особенности Шекснинского района Вологодской области.

Третий раздел посвящён описанию источников материала, большая часть которого не подвергалась научному исследованию до настоящего момента.

В четвёртом разделе поднимается вопрос о границах жанра частушек и специфике местных определений жанра.

1.1. История развития лингвофольклористики и актуальные проблемы изучения языка частушек

Использование фольклорного материала в качестве объекта филологического изучения имеет глубокие корни. В XVIII в. формирование фольклорной методологии, определяющей отношение к исследуемому материалу, начинается в трудах В. Н. Татищева, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, М. Д. Чулкова. В 40-е годы XIX столетия, когда развернулась деятельность по собиранию устно-поэтических произведений, начинается и тщательное филологическое изучение языка русского фольклора. Первый в истории методики преподавания научный труд Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844) содержал наблюдения над отдельными явлениями устно-поэтического языка [Банкова 2006; Хроленко 2010: 7]. Разработкой концепции устно-поэтической речи занимались также А. А. Потебня,

А. Н. Веселовский. В последней трети XIX в. складывается диалектология как научная дисциплина, и фольклорная речь обратила на себя внимание диалектологов (М. Колосов, Л. Васильев, В. Чернышев и др.) [Хроленко 2010: 8].

В 40-50-е годы XX столетия начинается новый этап в изучении языка фольклора. В работах А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1963], П. Г. Богатырёва [Богатырёв 1971] и И. А. Оссовецкого [Оссовецкий 1975] впервые была предпринята попытка определить понятие «язык фольклора». Основы современных подходов к изучению фольклорного материала закладывались в исследованиях В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Г. М. Акимова, В. К. и Б. К. Соколовых, А. П. Скафтымова, Н. В. Новикова, Ю. Г. Круглова [Банкова 2006]. В результате учёными было обозначены три направления в изучении языка фольклора: 1) выяснение природы языка фольклора через его соотношение с диалектами; 2) изучение отдельных элементов структуры народно-поэтической речи; 3) функционально-стилистическое использование фактов языка в системе народной поэтики [Хроленко 2010: 11].

В 1974 году в первом номере журнала «Русская речь» впервые появилось слово *лингвофольклористика*, которое вскоре стало общепризнанным термином, обозначающим активно становящуюся научную дисциплину [Хроленко 2017: 25]. Автор статьи профессор А. Т. Хроленко описал основные принципы, задачи лингвофольклористики как науки.

К настоящему времени сложились три основные лингвофольклористические школы: воронежская (под руководством профессора Е. Б. Артменко), петрозаводская (под руководством профессора З. К. Тарланова), курская (под руководством профессора А. Т. Хроленко) [Климас 2009]. Развиваются и некоторые другие школы (например, томская диалектная школа, активно изучающая язык среднеобского фольклора [Банкова, 2006]), появляются отдельные работы в русле лингвофольклористики, в которых изучаются региональные особенности языка фольклора [Бейли 2001; 2008; Исхакова 2009; Яцкевич 2013; 2017].

Воронежская и петрозаводская школы занимаются главным образом вопросами синтаксической организации устно-поэтических произведений, курская – проблемами лексикологии и лексикографии [Климас 2009: 3]. Одним из главных направлений в лингвофольклористике является создание словарей языка фольклора, которые рассматриваются как способ представления фольклорной картины мира. Исследователями курской лингвистической школы составлен конкорданс русской народной песни – алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления (на основе 190 необрядовых лирических песен, записанных в Курской губернии в XIX в.) [Бобунова 2007]. Профессором И. С. Климас разработан курс «Русское фольклорное слово», цель которого – дать комплексное представление о фольклорной лексикологии: специфике её объекта, составе единиц, своеобразии лексикологических категорий [Климас 2009: 4].

В русле лингвофольклористики зародилась и активно развивается в последнее десятилетие такая новая научная дисциплина, как фольклорная диалектология, предмет, цели и задачи которой описаны в трудах С. П. Праведникова [Праведников 2010; 2011].

Решение вопроса о территориальной дифференцированности языка фольклора, создание словарей требуют от исследователя учёта большого количества фольклорных текстов [Праведников 2010: 48]. В связи с этим методы работы лингвофольклористики часто связаны с информационными технологиями, автоматизирующими решение некоторых задач.

По мнению ведущих учёных, главнейшими перспективными задачами лингвофольклористики на данном этапе являются следующие: определение **территориальной дифференциации языка фольклора** как части духовной культуры регионов; создание системы регионально ориентированных лексикографических форм, в частности **конкордансов к корпусам фольклорных текстов**; введение в научный обиход новых **фактов, идей и наблюдений**, полученных в ходе апробации новых технологий лингвокультурологической направленности и др. [Праведников 2010; Хроленко

2017]. Чрезвычайно важным в этом свете представляются результаты исследований языка фольклорных произведений определённых локусов.

1.2. Культурно-исторические особенности Шекснинского района Вологодской области

Шекснинский район расположен на юго-западе Вологодской области, граничит с Кирилловским, Череповецким районами Вологодской области, а также с Пошехонским районом Ярославской области. В фокусе нашего внимания оказался не весь Шекснинский район, но кусты деревень близ с. Сизьма и Чаромское: более 92% исследованных текстов частушек относятся к данному локусу (см. карту-схему Приложения 4).

Исследуемый нами район расположен на левом берегу р. Шексны, которая служила естественной внешней границей Древнерусского государства (до XI века). Территория современного Шекснинского района на протяжении нескольких столетий входила в состав Ростово-Суздальского, Владимиро-Суздальского, Белозерского, Московского княжеств, после реформ Петра I территория современного Шекснинского района входила в состав Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии, а после реформ Екатерины II река Шексна являлась границей Кирилловского и Белозерского уезда Новгородской губернии (исследуемый локус входил в состав Кирилловского уезда). В начале XX века данная территория была включена в границы Череповецкой губернии (к ней же примкнула часть современной Ярославской области), с 1927 г. в составе Череповецкого округа исследуемая территория входила в Ленинградскую область, а с 1937 г. Шекснинский район стал частью Вологодской области [Башенькин 1997; Коновалов 2006; Кудряшов 1999].

Расположение района близ внешних границ Древней Руси, а затем – на пограничных землях княжеств, губерний, уездов, безусловно, могло повлиять на особый менталитет, культуру, язык местного населения. Так, этнографы отмечают, что в культуре западной части Вологодчины особое место занимали драки (в отличие от других регионов, в данном районе дрались не только по праздникам). На территории Шекснинского района было распространено так называемое «хорканье» – звук, похожий на животный рык, издаваемый перед драками мужским населением в качестве возбуждения агрессии, устрашения противника (о влиянии «хорканья» на частушку речь пойдёт в разделе 3.3.3 настоящего исследования).

Силу воли и характера проявили жители исследуемого района в годы Гражданской войны. Крестьяне нескольких волостей близ р. Шексны подняли восстание (которое сейчас так и называют – Шекснинское или Пришекснинское), в результате чего была захвачена железнодорожная станция Шексна. Достаточно большой отряд (около 300 человек) смог выдержать две серьёзные атаки, перед тем как станция снова перешла в руки красноармейцев [Саблин 1996; Яцкевич 2011].

Уже в XII-XIII веках р. Шексна считалась важнейшей транспортной артерией Руси. В XI-XV веках у истока реки стоял древний город Белоозеро (ныне урочище «Старый город»), а в устье Шексны, при впадении её в Волгу, в XI–XIII веках стояло крупное торгово-ремесленное поселение Усть-Шексна (ныне – территория города Рыбинска) [Захаров 2017]. В конце XVIII в. началось строительство Мариинской водной системы, частью которой стала река Шексна, а с середины XX столетия Шексна стала частью Волго-Балтийского водного пути и Северо-Двинской водной системы, при этом верховья Шексны затоплены Шекснинским водохранилищем, а низовья – Рыбинским [Кублицкий 1961].

Кроме реки Шексны, в исследуемом районе протекают такие реки, как Улома, Коргач, Сизьма, Лапсарь, Чурова, Чуровка, Чернуха, Игайка. Некоторые названия местных рек запечатлены в текстах шекснинских частушек, например:

Мы с милашкой расставалися / На ***Чурове****-реке. / Подарил четыре пряничка – Растаяли в руке* [ЯСРД].

Развитое судоходство обеспечивало связи с крупными городами, названия которых также звучат в текстах частушек (Санкт-Петербург (Питер), Рыбинск, Череповец). Темы и мотивы, связанные с судоходством, также нашли отражение в текстах шекснинских частушек.

В текстах частушек запечатлены также и основные занятия жителей Шекснинского района: часто упоминается сенокос, работы по выращиванию ржи, льна. Безусловно, яркая тема шекснинских частушек – это молодёжные гуляния, беседы, на которых не только пели, плясали, но и играли, кричали «трубу» (традиция местной молодёжи сообщать об измене), например: *Говорят, что мне «****труба****». / Долго ли* ***трубела****-то! / Лиходеначкя моя / Полена захотела-то* [МСЦТНК].

Важную роль в жизни крестьян Шекснинского района играла церковь. Упоминания о церкви Николая Чудотворца на погосте Козьем (современное с. Сизьма) впервые встречается в письменных источниках XV века. Деревянная церковь вместе со всеми жителями была сожжена до тла в XVII веке во время польско-литовской интервенции. В конце XIX века на средства местных жителей (среди которых были и очень состоятельные купцы) в Сизьме строится каменная церковь Николая Чудотворца (очень почитаемого в этих краях святого). В 1937 году храм был закрыт, предан разорению. Однако в конце XX столетия усилиями местных жителей и благотворителей было начато восстановление храма, который в настоящее время является гордостью села, центром его духовной жизни. Церковь Ильи Пророка в с. Чаромском была построена в 1789 году на средства купца Бороничева. В1937 году церковь была, как и многие храмы России, закрыта для богослужения и разорена [Смирнова 2009]. В начале 2000-х по инициативе местных жителей началось восстановление церкви, в настоящее время она открыта для богослужений. Более 60 лет главные церкви не функционировали, однако шекснинская частушка сохранила упоминания о церковных таинствах, восхищение местных жителей «золотыми главушками» чаромского храма,

«сияющим крестом» сиземской церкви: *У **чаромской-то церкви** / Золотые главушки. / Завлеку, пуская поноет / Сердце у сударушки* [КЧШР]; *Ах, **сиземская церковь** – / Высоко сияет крест. / Не наказывай поклонов, / Без поклонов сердце ест* [МСЦТНК].

В Шекснинском районе никогда не было крепостного права, исследователи отмечают богатство края, экономический расцвет которого пришёлся на конец XIX века. Известно, что в это время в Сизьме проходили большие ярмарки, был построен деревянный Гостиный двор (состоящий из 20 магазинов). Более сложная жизнь настала в годы советской власти, возмущение народа, вызванное реформами, коллективизацией отразилось и на темах частушек: *При царе при Николашке / Ели белые олашки. / У царя у Ленина / Съели хвост от мерина* [ЯСРД]; *Раскулачили милёночка, / Из дому выгнали, / Всё именьё дорогово / Коллективу выдали* [МСЦТНК].

В конце 1950-х в Сизьме и Чаромском формируются большие колхозы. Название сиземского колхоза «Советская Россия» звучит в частушках: *Я пойду да перескину / Платьицо турецкоё, / Не на то ли россердилсе – / Не взяла в «**Советскую**»* [МОНМЦ]; *В колхозе «**Советская Россия**» / Залобанили быка, / Бригадиру дали уши, / Председателю – рога* [КЧШР].

Сёла Сизьма и Чаромское являлись не только духовными, но и просветительскими центрами, ещё в конце XIX века в них были построены специальные здания для школ. В 1912 году в Чаромской церковно-приходской школе училось 86 человек (51 мальчик и 35 девочек). В 1920-х гг. открывается «Чаромская семилетняя школа крестьянской молодёжи», единственная на весь Пришекснинский район. Вероятно, именно про эту школу девушки пели шутливые частушки: ***Чаромская школа** – / Потолок с накатами. / Научила эта школа, / Как гулять с ребятами* [КЧШР]; ***Чаромская школа** / Выше всяких ёлочек. / Не скажу, в котором классе / У меня милёночек* [КЧШР].

Жители Шекснинского района бережно хранят родную культуру, традиции. Педагоги и ученики Чаромской школы много лет проводят поисково-исследовательскую работу в своём родном крае, в результате чего был создан

школьный музей, часть экспозиций которого посвящена крестьянскому быту, а другая часть – Отечественной войне и её героям-выпускникам Чаромской школы. В Сизьме функционирует «Музей истории с. Сизьма», в котором широко представлены предметы крестьянского быта, творчества, экспонаты, связанные с льноводством, пивоварением. Базой для создания данного музея стала коллекция В. В. Егорова, являющегося в настоящее время директором Сиземского районного центра традиционной народной культуры (БУК ШМР «Районный центр традиционной народной культуры»). Сотрудники центра занимаются возрождением местного фольклора, народных промыслов, приобщают к традиционной культуре детей разного возраста. В Сизьме празднуются престольные праздники, проводятся фольклорные фестивали, народные гулянья, на которых всегда звучат традиционные шекснинские частушки.

1.3. Выбор источников материала, методы сбора и исследования

Для достижения главной цели настоящего исследования была поставлена задача – составить коллекцию частушек, отражающую бытование жанра в течение длительного времени на исследуемой территории.

В ходе выполнения поставленной задачи мы опирались на эвристические методы и приёмы, которые активно используются в фольклористике: 1) метод пассивного наблюдения (использование ранее зафиксированных текстов и репортажей, фиксация спонтанной речи информантов – на видео- и аудионосители и (или) в письменной форме); 2) активный (экспериментальный) метод (интервью, опрос информантов); 3) метод документации полученных данных (частично фонетический метод записи, систематизация, паспортизация полученного материала).

Значительную часть коллекции (745 текстов) составили частушки, собранные профессором Л.Г. Яцкевич. Материал записывался исследователем в

течение нескольких десятилетий в д. Квасюнино Шекснинского района Вологодской области и был опубликован в книгах Л.Г. Яцкевич «Слово о родной деревне» [Яцкевич 2011] и «Квасюнинская поговорочка» [Яцкевич 2017]. Особая ценность данных текстов заключается в том, что многие из них сохранили архаичные языковые черты, т.к. записаны более полувека назад (в 1963 году) от информантов 1883 и 1887 года рождения.

В течение 2003–2014 гг. на территории современного Сиземского сельского поселения фиксацией фольклорных материалов занимались сотрудники Вологодского областного научно-методического центра культуры, Череповецкого центра традиционной народной культуры и Сиземского центра традиционной народной культуры. В ходе предпринятых экспедиций было записано значительное количество материала, в том числе и частушек. Тексты (более 800) и аудиозаписи этих частушек также оказались объектом нашего исследования (материалы хранятся в архивах Череповецкого и Сиземского центров традиционной народной культуры, а также в фольклорно-этнографических фондах Вологодского областного научно-методического центра культуры).

Летом 2017 года автором диссертации была совершена экспедиция в сёла Сизьма, Чаромское, деревни Квасюнино, Малый Овинец. При этом были поставлены следующие задачи: 1) записать новые тексты, возникшие в поздний советский период, годы перестройки, начало 2000-х; 2) собрать информацию о месте бытования текстов; 3) познакомиться с исполнителями частушек, спецификой их говора и манерой пения или подачи текста.

Кроме того, проведено изучение конситуаций, в которых возникали и использовались конкретные частушки, поэтому фиксировались воспоминания, истории из жизни, легенды – всё, что могло быть связано с возникновением или бытованием того или иного текста или серии текстов определённой тематики. Так, например, Лидия Михайловна Подосёнова (жительница д. Квасюнино), исполняя мужские частушки, вспоминает о том, что пели их «боевые» парни на посиделках, при этом они могли разбить керосиновую лампу, показывая свою удаль: ***Мы ребята-ёжики, / По карманам ножики. / Ножики не точены –***

/ Ребята не колочены*. И лампы в ход пошли… Ой, ремням как начнут махать – так только лампы полетят… Как шарахнут по лампе – толькё лампа вдребезги!* [КЧШР]. Галина Константиновна Меньшикова (жительница п. Чаромское) рассказывала о том, что были частушки, которыми в молодёжном кругу вызывали на пляс. Парень мог обратиться к понравившейся ему девушке: ***Чё-то под ногу попало – / Белая горошина. / Выходи ко мне на пару, / Девушка хорошая****. Когда плясали, так пели. Пляшут, например, и вызывают девушек* [КЧШР].

В изучении коммуникативных ситуаций, в которых реализуется частушечный дискурс, использовалась информация, полученная от руководителя музея и центра народной культуры (БУК ШМР «РЦТНК») в с. Сизьма В. В. Егорова (1968 г.р., ур. д. Телибаново), заместителя директора центра народной культуры Г. А. Ивановой (1964 г.р., ур. д. Катаево), учителей Чаромской школы Т. А. Зориной, Е. Н. Быковой, находящихся на заслуженном отдыхе учителей А. Д. Иванова и Т. С. Ивановой (1952 г.р.), заведующей клубом д. Квасюнино Н. Г. Быстровой (1960 г.р.), директора библиотеки с. Чаромское Т. А. Груздевой (1962 г.р.); председателя совета ветеранов с. Чаромское З. М. Кузнецовой (1936 г.р.).

Информанты-исполнители частушек не только описывали ситуации и формы исполнения текстов, но и демонстрировали пение частушек. Лидия Михайловна Подосёнова (проживает в д. Квасюнино, уроженка д. Гаврилово) в течение нескольких часов пропела 138 частушек, сопровождая их игрой «в губы» (уникальный для деревни и исполнителя напев-наигрыш губами, заменявший игру настоящего инструмента). По воспоминаниям Лидии Михайловны, частушки исполняли не только на беседах и праздниках, но и во время различных работ. Городская культура, СМИ очень мало повлияли на репертуар Л. М. Подосёновой, поскольку исполнительнице были не знакомы многие общеизвестные тексты.

В деревне Малый Овинец была сделана запись текстов частушек и репортажей у Инги Павловны Ляпичевой (1939 г. р., ур. д. Рамешка) [ЛПВЧ]. Инга Павловна вспомнила не только плясовые (быстрые), но и старинные

протяжные напевы частушек, исполняя их с характерными особенностями местного говора: *Сцё ты дролецькя не ходишь? / Или цем не угодил? / На свиданьицё оноцесь / Не любую пригласил* [КЧШР].

В с. Сизьма и Чаромское нам удалось встретиться с 8 исполнителями (записано более 100 текстов). Сотрудниками Сиземского центра традиционной народной культуры было передано более 300 текстов сиземских частушек, записанных ими в разные годы (начиная с 1990-х). В сёлах Сизьма и Чаромское была собрана информация о конситуациях. Например, Т. С. Иванова (1952 г.р., ур. д. Великое) и Писарева Г. И. (1939 г.р., ур. д. Большая Игая), жительницы с. Чаромское, вспоминали случай, произошедший в 1930-е годы, когда за исполненную частушку о Сталине жительницу д. Большая Игая Ольгу забрали в тюрьму. Подобную историю услышали мы и в д. Малый Овинец от Хлыновой Н. А. (1939 г.р., ур. д. Дубки): *Дак вот, дедушко наш сидел (ну не долго сидел), спел песню, где-то на строительстве они были, дак поставили дом-то, пошёл плясать, да и спел: **«Калина да малина, / Восемь жён у Сталина. / А у колхозника одна - / Как собака голодна»**. На другой день приехали, да токо и забрали. За одну за песню за эту…* [КЧШР]

Частушка – малый жанр, который хранится в пассивной памяти населения и актуализируется в определённой жизненной ситуации. Характерной чертой языка частушки (как и любого фольклорного жанра) является устойчивость, поэтому наиболее эффективным способом помочь информантам напомнить текст стало озвучивание устойчивых фольклорных формул (*говорят, я не красива…*; *разрешите поплясать…*; *а мне милый изменил* … и пр.).

Тексты частушек исполнялись ради выражения определённых эмоций, чувств, мыслей, часто имели импровизационный характер, поэтому ещё одним способом актуализировать текст в памяти информантов стало уточнение речевой и внеречевой ситуации, в которой исполнялись частушки (начало беседы, перед дракой, во время полевых работ и пр.; иногда информантам предлагалось сплясать).

Повышенная эмоциональность частушек усиливается употреблением большого количества частиц и междометий при традиционном исполнении (в отличие от текстов, произнесённых речетативом – для специалистов, собирателей), эту особенность также была зафиксирована в ходе экспедиции. Записанный нами вариант протяжной частушки от И. П. Ляпичевой выглядит следующим образом: ***Ох**, я любила **да**, когда ива **да** ветру приклонялася. / **Эх**, я любила **да** разлучать **да** - теперь сама рассталася* [ЛПВЧ]. В сборнике же, составленном Т. Ляпичевой, записан следующий вариант той же частушки: *Я любила, когда ива / Ветру приклонялася. / Я любила разлучать, / Теперь сама рассталася* [КЧШР].

Таким образом, в результате экспедиции были получены тексты частушек, многие из которых не были до сих пор опубликованы; зафиксирована важная для изучения фольклорного текста информация по речевому и внеречевому контексту – жизненным ситуациям, в которых создавались или исполнялись конкретные тексты. Экспедиционные записи подтверждают наличие некоторых ярких особенностей жанра и языка шекснинской частушки на фоне общих вариантов.

1.4. Вопрос о границах жанра частушек

Исследуя язык частушек Шекснинского района Вологодской области, мы столкнулись с проблемой разного понимания термина «частушка» и границ этого жанра – как специалистами (филологами, искусствоведами), так и носителями традиционной культуры (информантами, жителями сёл и деревень).

Цель данного раздела – показать различные взгляды на понимание жанрово-видовых границ частушки и сформировать своё отношение к этому вопросу, основываясь на исследованиях фольклористов, лингвистов, искусствоведов, а также на материале экспедиционных записей, содержащих объяснения информантов о специфике жанра.

Ряд исследователей считает частушку относительно новым видом песен, возникшем и распространившемся в конце XIX – начале XX века [Лазутин 1960Розенфельд 1929; Успенский 1889]; другие же видят корни частушки в архаичных лирических и скоморошьих песнях, причетах, закличках, попевках к играм и пляскам, выкриках на свадьбах и праздниках [Дранникова 1994; 1981; Симаков 1913; Флоренский 1994]. Поэтому вопрос о границах жанра связан с проблемой его происхождения и формирования.

Впервые термин «*частушка*» был введен в научный оборот Г. И. Успенским в конце XIX века [Успенский 1889]. До этого подобный жанр в народе именовался как «*сбирушки*», «*тарантушки», «коротушки*», «*частые*», «*короткие песни*», «*набирушки*», «*припевки»*, «*пригудки*», «*скоморошьи»*, «*страданья*» и пр. [Сборник 1914: XII; Народное 1965: 312; Сборник 1913: XIII]. Позже термин «*частушка»* стал использоваться и другими исследователями.

Тем не менее, границы жанра в досоветский период определялись очень нечётко. Так, приводя примеры частушек, Г. И. Успенский публикует как короткие 4-строчные тексты, так и песни, состоящие из 6, 7, 8, 10, 11 и даже 13 строк [Успенский 1889]. Собиратели фольклора начала XX века включали частушки в сборники юмористических, саркастических и игровых песен [Великорусские 1902].

Г. И. Успенский не был склонен считать частушку древним жанром, исследователь рассматривал частушку как словесно-музыкальный жанр, возникший в связи с влиянием нового времени (т.е. конец XIX века) как отклик на новые условия жизни [Успенский 1898].

Е. Н. Еленонская, под редакцией которой в 1914 году вышел «Сборник великорусских частушек», напротив, обращает внимание на связь частушки с другими фольклорными жанрами [Елеонская 1914: VIII]. Мысль о связи частушки с «*острым словцом*» (фактически – поговорками, пословицами) развивает и В. И. Симаков в предисловии к своему сборнику частушек (1913 года): «Частушка в деревне играет скорее роль не песни, а острого словца, сказанного экспромтом. При помощи подобных четырёхстрочешных летучих стишков можно удачно

высмеять, остроумно пристыдить, язвительно уколоть, или просто польстить, пожаловаться, понегодовать» [Сборник 1913: XIII]. Отмечает В. И. Симаков и различные названия частушки на севере: «Частушка в громадном большинстве местностей носит своё собственное, отличающее её от песни, название; более распространены названия: «*Припевка*», «*Причудка*»; менее распространены: «*Коротушки,* «*Набирушки*» и т.д.» [Сборник 1913: XIII].

П. А. Флоренский в качестве жанровых видов частушек в своём сборнике выделяет следующие: «*ландюховские»* (любовная лирика, часто – шутливого характера), хороводные, ходовые (плясовые), рекрутские. В качестве подвида плясовых П. А. Флоренский обозначает *частушки-выкрички* на свадьбишной и иной пляске, а также и в паузах между ландюховскими частушками [Флоренский 1994]. Таким образом, в разряд частушек, согласно классификации исследователя, попадают произведения не только словесно-музыкального, но и исключительно словесного творчества, особенность которых проявляется в том, что они выкрикиваются, т.е. декламируются во время праздников, гуляний.

Вопрос о связи частушки и с обрядовым фольклором ставит А. Балов. Размышляя о происхождении и возрасте частушки, А. Балов приводит пример коротких песен – «припевок в виде шуточных импровизаций», которые использовались в свадебном обряде: *Как на свате-то штаны / После деда сатаны, / Как на свате-то шапчонка / После дедушки чертёнка.* [Сборник 1913: X-XI]

На формирование жанра частушки оказал серьёзное влияние детский фольклор. В. В. Князев в своей книге «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии» (1913 г.) наравне с частушками молодёжными, связанными с посиделками и гуляниями, публикует и раздел «Детские песенки» [Князев 1913: 19], в котором размещено 14 текстов, некоторые из которых можно отнести к виду детского фольклора, а другие же тексты могут быть рассмотрены и как молодёжный фольклор: *Что ты, аленький цветочек, / На окошке не цветешь? / Что ты, миленький дружочек, / Мимо ходишь, не зайдешь?*; *У моей, у миленькой / Сарафанчик синенькой, / Кругом шеи*

ленточка, / Сама красива девочка. В. В. Князев был, по мнению И. В. Зырянова, одним из первых собирателей, обративших внимание на «детские песенки» как разновидность частушек. В сборнике частушек В. В. Князева размещён также раздел «Присловки», содержащий двух-, трёх- и четырёхстрочные поговорки, пословицы, пожелания, которые относятся к словесному (но не словесно-музыкальному) жанру и рассматриваются составителем сборника как подвид частушек [Князев 1913: 26].

Таким образом, в дореволюционный период не сложилось чёткого представления о границах и специфике этого жанра, но были определены наиболее характерные его черты и обозначены основные источники формирования жанра, как то: 1) архаичные короткие песни (заклички, скоморошьи и шутливые песни, попевки к играм, пляскам, присказки, басенки и пр.), 2) отдельные куплеты и «переделки» старинных «долгих» песен, 3) спонтанные короткие песни-импровизации, сохранившие при этом, как выразился Д. К. Зеленин, «технические приёмы старинной песни» [Сборник 1913: XII].

Важнейший вклад в исследование частушки в советский период внесли такие учёные, как С. Г. Лазутин [Лазутин 1960; 1981] и И. В. Зырянов [Зырянов 1974], вопрос об определении жанрово-видовых границ частушки рассматривал известный фольклорист В. П. Аникин [Аникин 2004].

Анализируя дореволюционную фольклористику и частушки советского периода, И. В. Зырянов в своём труде «Поэтика русской частушки» (1974 г.) признаёт широкое понимание жанра и видит необходимость рассмотреть всё многообразие видов частушек, «как бытовавших ранее, так и возникающих в современную эпоху» [Зырянов 1974: 11]. Он выделяет следующие разновидности частушек (признавая, однако, что границы между этими группами проявляются не всегда чётко): 1) лирические припевки («генетически связаны с традиционной народной песенной лирикой»), 2) юмористические и сатирические куплеты («озорная и протестующая частушка, свойственная молодому поколению»), 3) детские песенки (характерны для старого фольклора, в жанре частушки занимают незначительное место), 4) частушки-припляски («тексты, которые сопровождают

пляску»), 5) пословичные частушки («не поются, а «присказываются», выступают в роли «острого словца»), 6) нескладухи-перевёртыши («небылицы», генетически связаны со старыми скоморошинами), 7) гимнические произведения («славят Советскую родину, воспевают партию и вождя»), 8) лозунговые частушки («призывают к борьбе за утверждение нового», используются «как средство агитации и пропаганды») [Зырянов 1974: 11-12]. Таким образом, И. В. Зырянов определяет жанр частушки в очень широких границах и допускает наличие в нем не только словесно-музыкальные формы (песня), но и исключительно словесные («пословичная частушка»). Кроме «лирических припевок», «юмористических и сатирических куплетов», «*частушек-приплясок*», которые уже традиционно рассматривались как частушки, учёный обозначает как разновидность жанра и «*детские песенки*» [Зырянов 1974: 11]. В то время как «*нескладухи-перевёртыши*», названные И. В. Зыряновым «характерной жанровой разновидностью» частушек, не могут, по его мнению, «считаться явлением чисто детского фольклора, к которому их относят некоторые исследователи», потому как генетически восходят к «старым скоморошинам» [Там же: 12]. Учёный выделяет также и возникшие в советский период «*гимнистические*» и «*лозунговые*» частушки, имеющие специфические для советского времени политические функции.

В «Большой Советской Энциклопедии» содержится определение частушки, данное ещё одним крупным исследователем русского фольклора С. Г. Лазутиным. Частушка, по мнению, С. Г. Лазутина, – это жанр русского словесно-музыкального народного творчества, короткая (обычно 4-строчная) песенка быстрого темпа исполнения» [БСЭ: 29]. Исследователь отмечает также, что частушки «создаются преимущественно сельской молодёжью, исполняются на одну мелодию целыми сериями во время гуляний под гармонь, балалайку или без музыкального сопровождения. Основной эмоциональный тон — мажорный. Ей свойственны обращения к определённому лицу или слушателям, прямота высказывания, реалистичность, экспрессия» [БСЭ: 29]. Это определение даёт достаточно широкое понимание жанра, однако не

подразумевает включение в разряд частушки такой групп, как «пословичные частушки», которые, как указывает И. В. Зырянов, «не поются, а «присказываются», выступают в роли «острого словца» [Зырянов 1974: 11]. Обозначенный в определении С. Г. Лазутина «быстрый темп исполнения» может исключить из границ жанра большую серию «протяжных» частушек. Тем не менее, исследователь в учебном пособии «Поэтика русского фольклора» [Лазутин 1981] не исключает из разряда частушек такие короткие протяжные, минорной эмоциональной окраски песни. Учёный называет такие песни «двухстрочными частушками», хотя и не считает их распространёнными, и подчёркивает, что основной, определяющей композиционной формой частушки является всё-таки четырёхстрочная строфа [Лазутин 1981].

Уделяя много внимания исследованию строения стиха частушки, С. Г. Лазутин делает следующие наблюдения по развитию формы жанра: «В 60-80-е годы XIX в. примерно одинаково продуктивными были песенки в 4, а также в 6, 8, 10 и 12 строк. Затем, к концу XIX в. побеждает и в начале XX в. становится преобладающей именно четырехстрочная песенка» [Лазутин 1960; 1981: 164]. Причиной доминирования четырёхстрочного стиха С. Г. Лазутин считает как влияние «музыкального штампа», так и литературной поэзии [Лазутин 1981: 169]. Таким образом, учёный показывает динамику развития формы жанра в разные временные периоды бытования частушки.

Следует заметить, что кроме «страданий», исследователи нашего времени к жанру частушки относят и такие протяжные (которые поют медленно, нараспев) лирические короткие песни, которые функционируют в обрядах и на гуляниях [Великорусские 1902; Зуева 2002; Комякова 2000; Кулагина 2004]. Авторы учебного пособия «Русский фольклор» Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан, давая определение жанру, обращают внимание на то, что частушки «имеют разнообразные, но повторяющиеся, устойчивые напевы, как протяжные, так и быстрые» [Зуева 2002: 358]. «Протяжные» формы подобных частушек не соответствуют определению, данному этому жанру в БЭС, а также В. П. Аникиным, который называет частушками «короткие, рифмованные, в одну

строфу, лирические песни-куплеты, созданные и предназначенные прежде всего для публичного исполнения. Их не столько поют, сколько выкрикивают» [Аникин 2004: 681]. Однако он не исключает из разряда частушек такие «серии» коротких «протяжных» песен, как «Семеновна» и «Яблочко» [Аникин 2004: 681]. Основываясь на функционально-структурных свойствах частушки, учёный определяет следующие подвиды (разряды) жанра: «наиболее распространены *припевки* (они существуют именно для пения, хотя могут быть использованы и в пляске), *приговорки* (функционально только плясовые), *небылицы и нескладухи*» [Аникин 2004: 681].

В последнее время взгляды учёных обратились на бытование «протяжных» частушек, генезис которых иногда связан с архаичными обрядовыми, лирическими песнями, причетами. Так, например, исследователь архангельских частушек Н. В. Дранникова, опираясь на функционально-генетический принцип жанровой классификации частушек, выделяет особую группу – «*частушки-жалобы*», которые «генетически восходят к причитаниям». Это частушки о сиротстве, житье на «чужой сторонушке», содержащие в себе обращение к покойнику [Дранникова 1994]. Кроме «частушек-жалоб», Н. В. Дранникова выделяет также такие виды частушек, как «*частушки-скоморошины*» (их функция – изображение нелепости и абсурда окружающего мира); «лирические миниатюры» (раскрывают внутренний мир человека); частушки, генетически восходящие к плясовым песням; частушки, перенявшие эстетику городского романса [Дранникова 1994].

Работы искусствоведа С. Р. Кулёвой посвящены малоисследованному виду архаичных частушек, исполняющихся «протяжно», имеющих минорный характер и функционирующих в поминальной, трудовой и календарной обрядности без музыкального сопровождения. Исследователь среди подобных произведений выделяет подвиды частушек: *жнивные*, *качельные, «по деревне», приуроченные к Великому четвергу, кукованию кукушки*) [Кулёва 2008а; 2008б]. С. Р. Кулёва отмечает тот факт, что в народной терминологии жителей западной части Вологодской области до сих пор частушки могут называться «*короткими*

песнями» («*коротенькими*», «*маленькими*»). При этом для названия рассматриваемого нами жанра параллельно могут использоваться оба термина, указывая на разный характер, разную функциональную характеристику: «*частушки*» - для быстрых коротких песен, и «*короткие песни*» – для протяжных, лирических, сходных с женским обрядовым фольклором [Кулёва 2008а: 10].

Как и отмечала ещё в начале XX века Е.Н. Елеонская, в назывании жанра местными жителями раскрываются особенности частушки как жанра: «При рассмотрении названий, которые народ даёт частушкам, внимание невольно обращается на то, что эти названия отмечают как бы некоторую двойственность в частушке; с одной стороны, это песня – *скоморошья, саратовская, припевка, пригудка*; с другой – это произведение, которое говорится: *прибаутка, прибаска, присказка*» [Сборник 1914: VII-VIII].

Названия «*вертушка»* и «*выкричка*», по мнению В. П. Аникина, указывают на отношение к пляске и характер исполнения [Аникин 2004: 682]. Специфику исполнения отражают также и такие названия, как «*приговорки*», «*прибаютки*», «*присказенки*». «*Короткой песней*», «*коротенькой»,* «*коротушко*» частушку называли из-за её краткости [Аникин 2004]. Частушку называли и по связи с местными танцами: «*подгорная*», «*елецкая»* и пр. В. П. Аникин отмечает также, что название «*набирушки*» дано по обыкновению певших пользоваться шаблоном, который варьируется. Такого же происхождения именование частушек «*прибаутками*». Определением «*прибаска*» характеризовали шутливость частушек (от глагола *прибасить* — украсить, сделать речь яркой, вы разительной). Названием «*причудка»* отмечали затейливый характер частушек и пр. [Аникин 2004: 682]. «*Нескладухи*», «*небылицы*», «*скоморошьи»* - генетически связаны со старыми *скоморошинами*, отражают наличие в частушке игры слов, оксюморона, сарказма, иносказаний, слов-перевёртышей и, в целом, юмористический характер текста. Названия же «*частые*», «*частухи»* (которое потом использовал Г. И. Успенский в своём определении «*частушка*») – отмечают темп исполнения, скорый сравнительно с пением протяжных песен [Аникин 2004: 682].

Таким образом, принимая во внимание историю формирования жанра, публикации сборников частушек, мнения разных исследователей на вопрос границ и специфики жанра частушки дореволюционного, советского периода и современности, мы можем сделать вывод о том, что неоднозначность восприятия границ жанра исследователями возникла вследствие полигенетичности частушки, а также высокой динамики развития самого жанра.

Войдя в активную фазу развития в конце XIX – начале XX века, частушка начала впитывать в себя черты самых разных фольклорных жанров, и поэтому могла исполняться как пением, так и речетативом, как быстрым темпом, так и «протяжно», иметь мажорный или минорный характер настроения, мелодии – в зависимости от того, какой жанр фольклора показал на неё наибольшее влияние. Будучи формально очень краткой (в отличие от долгих лирических, хороводных песен, причетов и пр.), старинная частушка могла состоять как из 2, 4, так и из 6 и даже 10-13 строк, функционировать в системе календарных обрядов, быть частью трудовых действий, исполняться на праздниках, под пляс, на гуляниях, молодёжных беседах.

Границы жанра старинной частушки – самые широкие, они вмещают в себя частушки-причеты, лирические частушки, частушки-скоморошины, частушки-страдания, детские, саркастические злободневные частушки на бытовые и общественные темы.

В то же время в частушках послереволюционного, более позднего периода начинают доминировать определённые свойства, а другие – угасать, уходят на второй план, совсем исчезают некоторые разновидности частушек. Как выразился И. В. Зырянов, «сегодняшний частушечный репертуар совсем не тот, каким он был, допустим, пятьдесят лет назад» [Зырянов 1974:12]. Так, частушки, функционирующие в определённых обрядовых и трудовых действиях (жнивные, «по деревне», «на кукушку», поминальные) исчезают из репертуара исполнителей с исчезновением самих этих обрядов, трудовых действий или преображаются в соответствии с новыми задачами. На формирование новых частушек действует уже устоявшийся музыкальный штамп, а также литературная поэзия.

В связи с этим, определения, применимые к более поздней частушке и обозначенные учёными в них более узкие границы жанра, кажутся уже справедливыми: «короткая (обычно 4-строчная) песенка» (двустрочные и 6-10-строчные песенки уже стали больше исключением и характерны для постреформенной волны образования частушек [Лазутин 1981]), «быстрого темпа исполнения», «основной эмоциональный тон — мажорный» [БСЭ: 29] («протяжные» и «на долгий голос» частушки с минорным эмоциональным тоном исчезают под влиянием «музыкального штампа», а также в связи с тем, что большая часть связана с исполнением в исчезнувших обрядах, трудовых и проч. действиях).

Таким образом, границы жанра частушек очень неустойчивы, потому что данный фольклорный жанр находится в постоянном развитии, динамике. В силу этого определять жанровую принадлежность тех или иных произведений устного народного творчества необходимо, во-первых, с учётом территории, в рамках которой бытовала частушка, а во-вторых, с учетом эпохи, исторических условий бытования. Чем старше, архаичнее рассматриваемый материал, тем шире будут в нём границы жанра, обусловленные влиянием на него других жанров фольклора.

Изучаемый нами материал представляет собой частушки, собранные на протяжении нескольких десятилетий (с 1963 г. по 2017 г.) от жителей деревень и сёл Шекснинского района Вологодской области. Самые старшие информанты застали дореволюционную эпоху, поэтому, несомненно, в поле нашего зрения окажутся и архаичные тексты, в силу чего к жанру частушек мы будем относить широкий спектр коротких песен, на формирование которых влияли разные фольклорные жанры.

Шекснинские *короткие песни, частушки* и *поговорки* как разновидности жанра

В ходе экспедиции в с. Чаромское, с. Сизьма, д. Квасюнино, д. Малый Овинец Шекснинского района Вологодской области было установлено, что

местные жители используют для обозначения жанра частушки как общепринятое понятие *частушка*, так и местное – *короткая письня*, *коротенькая письня* (орфография здесь отражает произношение), а иногда даже – *короткая частушка* (смешивая местное название с общеупотребимым) или просто *песня* [КЧШР]. Так, например, на вопрос, как называли исследуемый нами жанр местные жители, Л. М. Подосёнова (1936 г.р., жительница д. Квасюнино) отвечает: …*Частушки. Песни, да и всё. Песни* [КЧШР].

Короткой песней частушка Шекснинского района названа неслучайно: все песни указанного жанра, зафиксированные на исследованной нами территории, состоят преимущественно из 4 строк, что является также характерной особенностью жанра и в общерусском понимании и отличает его от старинных долгих песен. Однако среди ранних частушек есть примеры и шестистрочных текстов, например: *Из Квасюнина ребят идёт гужом: / Федю Рогова – в телегу запряжём, / А Стафия - повозничать, / А Беляева – модничать, / А Гореву - кнутом погонять, / А Жубрику – сзади бежать* [ЯСРД]. Речь о подобных текстах, их генезисе ещё пойдёт ниже.

Определение жанра «*короткая песня*» встречается также в Белозерском районе Вологодской области (и ближайших к нему территориях). Исследуя частушки данной территории, С. Р. Кулёва приходит к выводу, что именно так в традициях Белозерья было принято называть *распетые* формы частушек, исполняемые без инструментального сопровождения в период жатвы, работы в лесу, качания на качелях; в то время как «*частушкой*» на Белозерье называли «*декламационные*» частушки (плясовые, беседные и пр.) [Кулёва 2008а].

В Шекснинском районе Вологодской области мы не обнаружили такого строго разграничения в использовании рассматриваемых терминов: «*короткими письнями*» (или «*короткими песнями*», «*коротенькими письнями*») информанты старшего возраста называют и плясовые песни под инструментальное сопровождение, и «протяжные» (т.е. распетые «на долгий голос») короткие песни. Жительница д. М. Овинец И. П. Ляпичева на нашу просьбу исполнить **частушки**, переспрашивает: «***Короткие письни*** *шчо ли?*» - и далее исполняет частушки

самого разного характера, тематики и темпа [КЧШР]. Однако, если плясовые и скорого темпа частушки в исследуемом районе могут назвать как «*частушками*» (особенно информанты среднего возраста), так и «*короткими письнями*», «*короткими частушками*», то «протяжные» частушки обозначаются в речи информантов Шекснинского района чаще всего (но не всегда) как «*короткие письни*», «*коротенькие письни*», «*письни*» (также «*короткие песни*», «*песни*»).

Выбор типа напева информанты объясняют так: протяжные частушки поются тогда, когда идут гуляния на праздниках «*идём от деревни к деревне и поём*» [КЧШР], когда молодёжь качается на качелях, когда ходят в лес, на реку, работают в поле, поют дома, на праздниках [КЧШР; МОНМЦ] – т.е. тогда, когда медленный ритм оправдан объективными причинами, связанными с жизненной ситуацией. Частушки «под пляс» чаще исполнялись на беседах, праздниках, молодёжных встречах, народных гуляниях (когда собирались небольшими группами и «*плясали кружком*» [КЧШР]) – в ситуациях, когда была уместна пляска.

Было установлено, что исполнители часто подбирали тексты с трагическими, драматическими, лирическими сюжетами (и мотивами «несчастная любовь», «разлука с любимым», «разлука с матерью», «чужая сторона», «смерть от любви» и пр.), когда их просили исполнить *короткие песни*. Плясовая же частушка чаще обозначались понятием *частушка*, имела комический сюжет. Однако строгого основания для тематического деления частушек на плясовые и протяжные установлено не было. Обращая внимание на то, что не каждую частушку можно спеть протяжно, И. П. Ляпичева (жительница д. М. Овинец) отмечала: *Ну дак это* ***частушки коротенькие****, а их петь можно по-разному. Можно протягивать-петь, и можно быстро, пляшешь, дак. А если под гармошку, играет, под протяжную – дак протяжную поёшь* [КЧШР]. В качестве примера такой частушки, исполняемой по-разному в разных обстоятельствах, И. П. Ляпичева спела: *Эх, я любила да, когда ива да ветру-то приклонялася. / Эх, я любила-то разлучать да - теперь сама рассталася* [КЧШР].

Речетативное исполнение частушки под пляс отражено также в местных названии частушки – *приговорочка, поговорочка*: *У меня у девушки / Да сарафан с оборкой. / И не я ли, девушка, / Плясала с* ***приговоркой*** [ЯСРД]; *Я пойду и запеваю /* ***Поговорку*** *первую: / Проклинаю дорогова / За любовь неверную* [МСЦТНК].

В ходе экспедиции были подтверждены выводы исследователей о том, что частушка могла использоваться в качестве «красного словца». Рассказывая по понятии «девичья слава», жительница д. Квасюнино Л. М. Подосёнова (1936 г.р.) подкрепила своё объяснение частушкой (не пропевая, но декламирует её): *Вот, наговаривают иногда.* ***Ты не бойсь, подруга, славушки, / Пускай поговорят. / Мы худые, да гуляем, - / Пусть хорошие сидят.*** *Люди наговаривают, оценивают, девочке только 15-16-17 лет, а про неё иногда такая слава уже идёт!..* [КЧШР]. Частушки, исполненные речетативом (без музыкального сопровождения) информанты называли *поговоркой*.

Таким образом, было установлено, что в Шекснинском районе бытует три основных разновидности жанра.

- Во-первых, распетые (*протяжные*) частушки. Тексты таких частушек чаще всего (но не обязательно) к разряду «минорных» с точки зрения тематики («разлука», «смерть», «война» и пр.); исполняются под мелодии медленного ритма или (чаще) без музыкального сопровождения в различных ситуациях, не связанных с пляской (качание на качелях, полевые работы, гуляния). Такие частушки чаще обозначались информантами как *короткие песни*.

- Во-вторых, частушки, исполняемые чаще в скором темпе (иногда – речетативом) под музыкальный инструмент, «под язык» (напевы, имитирующие игру музыкальных инструментов). Такие частушки часто имеют шутливый характер, исполняются в ситуациях пляски (на беседах, праздниках, встречах), могут называться информантами как *частушками*, так и *короткими песнями*, реже – *приговорочками, поговорками*.

- В-третьих, частушки любых тем, которые служили в функции «красного словца» – яркого, образного выражения, примера, доказывающего мысль

высказывания. Исполнялись такие частушки речитативом без музыкального сопровождения, могли быть названы информантами *поговорками*.

Важно отметить, что границы между разновидностями шекснинских частушек очень нечёткие (по сравнению, например, с Белозерьем). Часто основанием для определения типа частушки может служить только конкретная речевая (и внеречевая) ситуация.

Выводы по первой главе

Использование фольклорного материала в качестве объекта филологического изучения имеет глубокие корни. Формирование фольклорной методологии началось в XVIII веке. В середине XX столетия совершается переход на новый этап в изучении языка фольклора, а в 1970-е годы оформляется *лингвофольклористика* – научная дисциплина, совмещающая в себе цели, задачи, методы как лингвистики, так и фольклористики. К настоящему времени сложились три основные школы лингвофольклористики (воронежская, петрозаводская, курская), также развиваются другие школы, появляются работы, в которых изучаются региональные особенности языка фольклора. Основные направления исследований – это изучение синтаксической организации устно-поэтических произведений, а также разработка проблем лексикологии и лексикографии. В русле лингвофольклористики активно развивается в последнее десятилетие фольклорная диалектология.

Главнейшими перспективными задачами лингвофольклористики на данном этапе являются следующие: определение территориальной дифференциации языка фольклора как части духовной культуры регионов; создание системы регионально ориентированных лексикографических форм, в частности конкордансов к корпусам фольклорных текстов, которыми отечественная и зарубежная наука пока не располагает; введение в научный обиход новых, достоверных, конкретных фактов, идей и наблюдений, полученных в ходе апробации новых технологий лингвокультурологической направленности и др. Чрезвычайно важным в этом свете представляются результаты исследований языка фольклорных произведений определённых локусов.

На формирование содержания, а также тематику частушек Шекснинского раойна Вологодской области повлияла культура и история исследуемой территории. В текстах частушек отразились основные занятия жителей Шекснинского района, названия местных деревень, сёл, водоёмов.

Границы жанра частушек очень неустойчивы, потому что данный фольклорный жанр находится в постоянном развитии, динамике. В Шекснинском районе исследуемый фольклорный жанр называли как *частушкой*, так и *короткой письней*, могли исполнять протяжно, быстро, употребляться в качестве красного словца. *Частушками* чаще называли песни, исполняемые под пляс, а *короткими песнями* – распетые формы частушек, однако границы между данными формами жанра очень нечёткие.

ГЛАВА 2. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК

Исследование региональных особенностей фольклорных текстов является актуальной и важной задачей современной фольклористики и лингвофольклористики. «Региональный подход ведет нас в богатую область вариативности элементов фольклорной культуры, разветвленности традиций, множественности исторических типов выражения, а вместе с этим - в сферы этнической истории в ее конкретике, сложности и загадочности» [Путилов 1994]. В региональных исследованиях естествен «крен» в сторону отдельных жанровых разновидностей и даже сюжетов (циклов) [Там же]. Задача, которую мы ставим в настоящей главе – во-первых, описать жанровые особенности частушек Шекснинского района Вологодской области на различных уровнях: генетическом, тематическом, стилистическом, лингвистическом; во-вторых, отметить наиболее яркие региональные жанровые особенности. Результаты данного исследования могут стать основой для более масштабного исследования региональных жанровых особенностей других жанров фольклора Шекснинского района Вологодской области.

2.1. Особенности строения текстов шекснинских частушек

Жанровое своебразие ярко отражено в строении текста, композиции частушки [Лазутин 1981]. Вопрос строения тексов частушек освещён в работах В. П. Аникина [Аникин 2004], З. И. Власовой [Власова 1960], И. В. Зырянова [Зырянов 1974], И. О. Клагге [Клагге 1971], Н. П. Колпаковой [Колпакова 1966], А. В. Кулагиной [Кулагина 2004], С. Г. Лазутина [Лазутин 1981].

Шекснинские частушки большей частью состоят из 4 строк (как и большинство традиционных частушек). Однако встречаются частушки, которые в научном сообществе часто называют двустрочными – это тексты особой тематики, чаще минорной окраски, которые исполняются протяжно, с цезурой,

например: *Эх, не ругалися-то, расстался-то, расстался – ревим. / Эх, больше разу-то не расстанемся и людям не велим* [КЧШР]; Эх, в*стань-ко, матушка, да пораньше и послушай на зоре – / Ох, не твоя ли дочка плачет да на чужой на стороне?* [КЧШР]. Композиционно такие частушки распадаются на 2 части, однако большинство четырёхстрочных частушек также распадается на 2 части (данная тема будет освещена ниже). Вопрос правильного оформления подобных текстов на письме (в 2 или 4 строки) остаётся открытым, обсуждаемым в научном сообществе, например, поднимается в статье О. Ж. Комяковой [Комякова 2000]. В силу того, что подобные частушки могут исполняться также и в более скором темпе, с равноценными паузами, членящими текст на 4 строки, в сборнике шекснинских частушек (Приложение 1) такие тексты будут записаны в виде четырёхстрочных стихов.

Ещё один необычный тип текстов, встречающихся в сборнике шекснинских частушек, - это шеститстрочные частушки, например: *Говорят, в колхозе худо, / А в колхозе хорошо: / До обед ищешь телегу, / А с обеда – колесо. / Пока за лошадью ходил, / В хомут седёлку надсадил* [МОНМЦ]; *У меня милёнков пять, / Пять и полагается: / Один мал, другой велик, / С третьим мама не велит, / А четвёртый – пьяница, / А пятый мне не нравится* [КЧШР]; *Из Квасюнина ребят идёт гужом: / Федю Рогова – в телегу запряжём, / А Стафия - повозничать, / А Беляева – модничать, / А Гореву - кнутом погонять, / А Жубрику – сзади бежать* [ЯСРД].

Данные тексты композиционно распадаются на две части, первая из которых – 1 или 2 строки, в которых выражается основная мыль (тема), а вторая – 4-5 строк, в которых раскрывается, конкретизируется мысль, заявленная в первых строках (рема). Вторая часть представляет собой перечисление действий, следующих друг за другом (как в первом примере), или нанизывание равноценных образов (как во втором и третьем примере). Такой тип композиции характерен для поэтики периода синкретизма, обнаруживается в архаичных жанрах фольклора [Теория… 2004: 50].

Подобный принцип композиции обнаруживается также в 8-строчной частушке: *По деревне шёл туман, / Ничего не видно нам. / Нам на эдакую шатию бы / Каши с килограмм. / Мы бы драться-то не стали, / Розделили пополам, / Мы наелись бы досыта, / Разошлись бы по домам* [МОНМЦ]. Второе четверостишие в приведённом примере раскрывает тему, заявленную в первом четверостишии, при этом перечисляются действия, следующие друг за другом.

Композиционный принцип нанизывания, названный С. Н. Бройтманом «кумуляцией» [Теория… 2004: 50], то есть постепенным накоплением информации (в том числе символической, эмоциональной), встречается также и в четырёхстрочных текстах, например: *Не пиши, залетка, писем, / Не пиши и не пиши. / Не порти белую рубашку, / Не ломай карандаши* [ЛПВЧ]. Разновидность композиции с нанизыванием образов – тексты с заключительной четвёртой строкой, приведём примеры: *Гармониста я любила, / Гармониста тешила, / Гармонисту на плечо / Сама гармошку вешала* [МОНМЦ, МЧЦТНК]; *Скоро, девушки, Покров, / Скоро нам гуляночка. / Скоро, скоро заиграет / Милого тальяночка* [МСЦТНК]; *Где-то, где-то ветер воет, / Где-то елочка шумит. / Где-то, где-то ягодиночка / Кого-то веселит* [ЛПВЧ] (в настоящем примере можно также наблюдать усложнение композиции параллелизмом: вой ветра, шум ёлок – измена ягодиночки); *Ягодиночка, забудь, / Забудь, как девушку зовут, / Забудь фамилию мою, / Тебя любить перестаю* [ЛПВЧ]; *Я люблю свою деревню, / Я люблю своих ребят, / Я люблю, любить и буду, / Остальные, как хотят* [МОНМЦ]; *Дай, сударушка, платочик, / Дай, сударушка, другой, / Дай, сударушка, и третий, / Если я тебе любой* [МСЦТНК]; *На реке большая прорубь, / Пьёт водицу серый голубь, / Он напьётся – полетит, / Ему никто не запретит…* [КЧШР]. Эмоциональная насыщенность подобных текстов кумулируется с каждой строкой – и разрешается в последней строчке.

Преимущественное большинство шекснинских частушек композиционно распадаются на две части (что характерно и для большинства традиционных русских частушек): первая и вторая пары строк в таких текстах имеют отчётливую или относительную семантическую самостоятельность и

синтаксическую законченность [Лазутин 1981]. По мнению С. Г. Лазутина, «словесно-композиционная двучастность частушек всецело обусловлена ее музыкально-ритмической двучастностью: в исполнении каждая частушка состоит из двух совершенно аналогичных музыкальных фраз. А в народном песнопении музыкальной законченности, как правило, отвечает словесно-поэтическая законченность» [Лазутин 1981].

В сборнике шекснинских частушек более 70% текстов можно отнести к категории двучастных текстов. Семантико-синтаксические связи между частями двучастных текстов частушек могут быть самыми разными. Приведём примеры текстов с различными видами синтаксических связей и семантических отношений.

Основой структуры многих двучастных текстов является принцип **синтаксического параллелизма**, который обнаруживается в 12% текстов шекснинских частушек, например: *Интересно утка плавает, / Широко на мосту. / Обмануть задумал дролечка, / Наехал не на ту* [МСЦТНК]; *А вересиночка и ёлочка / Стояли обе врозь, / А давай, дролечка, по-старому – / Свои капризы брось* [МСЦТНК]; *Много звёздочек на небе, / Но одна светлее всех. / Много мальчиков на свете, / Но один миляе всех* [ЯСРД]; *В поле белую берёзку, / Ветерок, качи-качай. / Неожиданную, дролечка, / Измену получай* [КЧШР]. Именно параллелизм является яркой специфичной чертой, определяющей частушку как жанр [Кулагина 2004: 52].

В двучастных текстах шекснинских частушек обнаруживается несколько разновидностей параллельных конструкций (отрицательный параллелизм, логический, психологический, символический параллелизм), которые мы рассмотрим более подробно в разделе 2.4 настоящего диссертационного исследования.

Помимо параллельных связей, между двумя частями частушек образуются и другие отношения. Приведём примеры шекснинских частушек с подобными видами композиционного строения текста.

- Одна часть текста противопоставлено другой: *Ягодиночка ходил – / Была дорожка торная. / Теперя узкая тропиночка, / Любовь холодная* [ЛПВЧ]; *У товарища сударушка / Такая важная. / А моя так полоротая – / Целует каждого* [ЛПВЧ]; *Мои ноженьки устали, / И ходить я не могу, / Но лишь милого увижу – / Распластаюсь на бегу* [КТАР]; *Раньше было запою – / Рябина закачается, / А теперечи пою, / Не то и получается* [МОНМЦ].

- Вторая часть текста разъясняет то, о чём говорится в первой: *Жалко, жалко, жалковато, / Жалко, дролечка, тебя, да. / Ты живёшь далековато. / Редковато вижу я* [КЧШР]; *За игру тебе «спасибо» / Я не буду говорить. / Изменённая девчоночка – / Ретивое болит* [КЧШР]; *Говорят, что мой миленок / Больно с виду не пригож: / Нараспах рубаха белая - / На чучело похож* [ЛПВЧ]; *Изменённую-то девушку / Узнаешь по глазам: / Изменённая-то девушка / Глядит по сторонам* [КЧШР].

- Вторая часть конкретизирует содержание первой: *Ты не думай, ягодиночка, / У мня ты не один. / Есть и в Чуровском, и в Чаромском, / И в Сизьме не один* [ЛПВЧ]; *У милашки матка хитрая, / Лукавая она. / Где увидит, то лукавит, / Говорит: «Сноха моя»* [ЛПВЧ]; *Задушевная подруга, / Трепачи-то дешевы: / По одиннадцать копеек / Самые хорошие* [ЛПВЧ]; *Говорят, что боевая, / Да и верно, ураган, / У начальника милиции / Отрезала наган* [МОНМЦ]; *Плешаково-то деревня, / Ровно мыший городок, / Нет ни ложки, ни мутовки, / Ровно леший уволок* [МОНМЦ].

- Вторая часть конкретизирует и разъясняет то, о чём говорится в первой части, при этом раскрывает фальшивость и несостоятельность положительного утверждения, заключённого в первой части (чем достигается комический эффект): *Поиграй повеселее, / За гармошку заплачу: / На навозной, на колхозной / На тележке прокачу* [КЧШР]; *Говорят, в колхозе худо, / А в колхозе хорошо: / До обед телегу ищешь, / А с обеда – колесо* [КЧШР]; *Слава Богу, понемногу / Стал я разживаться: / Продал дом, купил ворота – / Стану запираться* [КЧШР].

- В первой части описывается причина, во второй – следствие: *Я на речке платье мыла, / Утопила носовой. / Вот те, дроля, не подарок, / Унесло его водой*

[КЧШР]; *Ягодиночку забрили, / Дали серую шинель. / С ягодиночкой не гуливать / Три годика теперь!* [КТАР]; *Пришекснинские робята, / Не ходите за реку, / Мы отрубим вашу головы / На нашем берегу* [МОНМЦ].

- Во второй части описывается причина, в первой – следствие: *Не придти сегодня дроле, / Не придти и не придти. / Ему рваную фуфайку / На полатях не найти* [ЛПВЧ]; *Разрешите поплясать, / Я давно не плясывал. / На высокой на горе / Колышки обтясывал* [МОНМЦ]; *Ой, и бедные мы – / Нас кусают комары. / Потому кусают нас, / Что нету детонёк у нас* [МОНМЦ].

- Вторая часть повествует о поступке, следующем во времени за тем, о котором повествуется в первой части: *Дроля в армию уехал, / За вагон держалася. / Он уехал, я на линии / Одна осталася* [КЧШР]; *Дроля серенькую кепочку / На глазки натянул. / Из-под серенькие кепочки / На девушку зглянул* [ЛПВЧ]; *У меня миленков тридцать, / Побегу от них топиться. / Прибегаю на реку – / Все сидят на берегу* [ЛПВЧ].

- Первая часть – повествование, вторая – речь героя: *Платье чёрноё одела, / Мама заругалася: / - Ты не так (его) одела, / С кем-нибудь рассталася* [КЧШР]; *Ягодиночка поехал / И наказаывал мине: / - Не цвети, как в поле роза, / Расцветёшь и при мине* [КЧШР]; *Выйду на гору крутую, / Буду с лесом говорить: / - Скажите, ёлочки зелёные, / Любить или забыть?* [КЧШР].

- Первая часть – риторический вопрос, вторая часть – ответ на вопрос: *Нас четыре, нас четыре, / Куда дели пятую? / Записалася товарка / В бабью жизнь проклятую* [КЧШР]; *Дорогому за измену / Это что же подарить? / Вересовой ветки жалко, / Надо ёлочки сломить* [КЧШР]; - *Это чьи такие саночки / Окован передок? / В эти саночки садился / Лет семнадцети парнёк* [МЧЦТНК; МОНМЦ].

- Первая часть – вопрос, вторая часть – уточнение, расширение, конкретизация основного вопроса, дополнительный вопрос: *Изменять-то изменяешь – / Лучше-то найдёшь ли? / После этой девушки / Ко мне не подойдёшь ли?* [КЧШР]; *Что ты, миленький, не ходишь, / Разве речка глубока? / Что гостинчиков не носишь / Или бедность велика?* [МОНМЦ];

Задушевная подруга, / Где же наши милые? / А неужели не болят / У них сердца ретивые? [МОНМЦ].

- Выделение единичного из множества (часто – с отрицанием прочего): *Мне не жалко батьки с маткой, / Мне не жалко двух сестёр, / Только жалко остаётся / Дров осиновых костёр* [КЧШР]; *Нам не дороги часы, / Не дороги калоши. / Нам не дороги богаты, / Дороги хороши* [МСЦТНК].

- Первая часть содержит общеизвестный факт, распространённое суждение, вторая часть – отношение к нему: *Говорят, что некрасива И собой не важная. / И мои-то глазки смотрят, / Тоже не на каждова* [ЛПВЧ]; *Говорят, миня не любит / Ягодиночкина мать. / Ягодиночкя-то любит, / А на мать-то наплевать* [МОНМЦ]; *Говорят, измены нет – / Измена на травиночке. / На траве измены нет, / Измена в ягодиночке* [МСЦТНК].

- Описание деталей быта, природы, окружающего мира, какого-то образа или ситуации – и следующее за ним логическое размышление, ассоциация, воспоминание: *Ах, сиземская церковь – / Высоко сияет крест. / Не наказывай поклонов, / Без поклонов сердце ест* [МСЦТНК]; *Золото моё колечко, / На нём проба медная. / Все ребята меня любят, / Даром, что и бедная* [МСЦТНК]; *Пастухов бабы бранят, / Что коровы не доят. / Не ругайте, бабоньки, / В поле нету травоньки* [МСЦТНК].

Все вышеописанные виды связей между частями текста характерны для частушек с обращениями, где 1 и 2 строка – это обращение и тема, а 3 и 4 строки – рема, например: *Задушевная подруга, / До чего ты хороша! / Что бы я была такая – / Не болела бы душа* [МСЦТНК]; *Задушевная подруга, / Расскажи мене секрет: / Когда с милым расставались, / Сердце билось или нет?* [МСЦТНК]; *Задушевная подружка, / Истрепался дорогой. / Только полы раздуваются – Опять идет с другой* [ЛПВЧ].

Безусловно, границы приведённых выше типов композиционных структур могут быть не чёткими в различных текстах. Многие тексты в сборнике шекснинских частушек обладают сложными композиционными структурами, сочетающими в себе различные типы композиций, рассмотренные выше, в том

числе образованные по типу 1 строчка + 3 строчки, 3 строчки + 1 строчка, например: *Говорят, что боевая. / В самом деле – атаман: / На горячий камень встану, / Но залётки не отдам* [МОНМЦ; МЧЦТНК]. Первая строка приведённого примера содержит распространённое суждение, отношение к которому высказывается в трёх последующих строках, при этом во второй строке содержится утверждение, которое конкретизируется в 3 и 4 строках.

Способы изложения частушек и **типы речи**, использованные в текстах частушек, эволюционно связаны с лирическими песнями [Кулагина 2004: 19], однако если в лирической песне преобладает композиционная форма «описательно-повествовательная часть + диалог/монолог», то в частушке преимущественно используется форма монолога, в силу малого размера жанра, а также в силу того, что монолог «является самой естественной и самой простой формой выражения мыслей и чувств» [Лазутин 1981].

Преимущественная часть текстов шекснинских частушек (как и общерусских) имеет форму монолога, однако композиционная форма «описательно-повествовательная часть + монолог» также встречается среди шекснинских текстов и составляет более 4% от общего количества частушек (всего 119 текстов), что не вполне соответствует выводам С. Г. Лазутина о том, что частушки данного типа встречаются «крайне редко», «в единичных случаях». Приведём примеры таких текстов из сборника шекснинских частушек: *У милого моего / Хитрая мамаша, / Как увидит, говорит: / - Невестушка ты наша* [КЧШР]; *Ухажёрика любила, / Ухажёриком звала. / Отлюбила и сказала: / - Трепача любила я* [КЧШР]; *Я иду – ко мне летят / Четыре голубёночка. / Они летят и говорят: / - Измена от милёночка* [КЧШР]; *Проводила дорогова / До Шелухинских полей. / Проводила и сказала: / - Сухари не потерей* [МСЦТНК]; *Мине милой изменил, / Я сказала: «Ох, ты! / У тебя одна рубаха, / Да и та из кофты!»* [КЧШР]; *Во солдатушках – не дома, / Не у матушки родной: / Не согреет самовара, / Не скричит: «Иди домой!»* [МСЦТНК]; *Все хорошие свекрови / В поле завтракать несут. / А моя-то сухорукая / Сказала: «Недосуг!»* [МСЦТНК].

Менее распространённым типом шекснинских частушек являются тексты, образованные по форме «описательно-повествовательная часть + диалог» (доля таких текстов – менее 1% от общего числа частушек), приведём примеры: *Платье чёрноё одела, / Мама заругалася: / - Ты не так (его) одела, / С кем-нибудь рассталася* [КЧШР]; *Лиходеечка просила: / - Дролечку мине отдай. / Я дала рекомендацию: / - Пожалуйста, гуляй* [КЧШР]; *Изменил, да и подходит: / - Здравствуй, ухажёрочка. / - Теперь на все четыре стороны / Катися, дролечка!* [КЧШР]; *С ягодиночкой расстались / Не на годик, а на век. / Он сказал: «Любовь воротится». / А я сказала: «Нет!»* [ЛПВЧ]; *Полюбила я глухого / И не знала, что глухой. / Я спросила: «Сколько время?» / Он сказал: «Не занятой»* [КЧШР]; *Изменил, да и подходит: / - Разрешите подойти. / - Разрешаю, ягодиночка, / Сторонкой обойти* [КЧШР]; *Голова моя кружится, / По(й)ду к доктору лечиться. / Доктор спросит: «Чем больна?» / - Семерых люблю одна!* [КЧШР]; *Говорила я милому: / - Небогатого я дому. / - Ты, сударушка моя, / Не выбираю дому я!* [ЯСРД].

Согласно данным А. В. Кулагиной (исследования выполнены по текстам сборников частушек В. И. Симакова [Сборник… 1913], Е. Н. Елеонской [Сборник… 1914], А. А. Власовой и З. И. Горелова [Частушка… 1968]), композиция текстов, содержащих диалоги, чаще всего представляет собой перекличку двух товарок – «одна начинает, другая ей отвечает» [Кулагина 2004: 20], описательно-повествовательной части в таком тексте не предполагается. В сборнике шекснинских частушек композиция только 4 текстов полностью базируется на диалоге (другие 14 текстов построены по форме «описательно-повествовательная часть + диалог»), только 1 текст соотносится с формой «переклички товарок», описанной А. В. Кулагиной: - *Ой,* ***подруга дорогая****, / А в галошах это чей? / - Это мой старинный дроля, / Он трепач из трепачей* [КЧШР]. В остальных текстах лирическая героиня обращается также к матери, отцу, ведёт разговор с милым: - *Отвори, мама, окошечко – / Головушка болит. / - Врёшь, обманываешь, доченька, / – Милёночка манить* [ЯСРД]*; - Тятенька, отдай, отдай. / Сходи да понаваливай. / - Себе любого выбирай, / Мене не*

выговаривай [ЯСРД]*; -Уж ты, милая моя, / Рублёвый взглядик у тебя. / - Не рублёвый – сотенной. / Поразговаривай со мной* [ЯСРД].

Диалогические частушки считаются вполне органичными для жанра частушек [Лазутин 1981]. Драматизм, психологизм, эмоциональное напряжение особенно свойственны для подобного рода текстов и являются отличительной чертой жанра в целом.

Несмотря на то, что частушки-диалоги не являются типичными для Шекснинского района, диалоговая форма *перекличек товарок* (а также парня с девушкой, товарищей) актуализируется в традиции ***спевов***, когда в кругу молодёжи задавалась некая тема, которую раскрывали участники спева, например:

- Задушевная подруга,
Заиграла девушка я,
Не чужая заиграла,
Наша деревенская.

- Ой, хорошо игрок играет,
Только, девушки, не нам,
А голосок евонной веночки
Розносит по волнам. [МОНМЦ]

По воспоминанием жительницы с. Сизьма А. Н. Барановой (1933 г.р.), когда товарочки пели друг другу песни, то *одна одну жалели*, в качестве примера А. Н. Баранова исполняет следующие частушки: *Говорила я тибе, / Товароцька на одине, / А не по-моему ли вышло, / Ни измена ли тибе?* [МОНМЦ]; *Погледела на подругу – / Стало сердце замерать, / А я ни буду так влюбляться, / Буду ветрено гулять* [МОНМЦ].

Вспоминает Александра Никандровна и о том, как пели песни *в укол* лиходеечкам, соревнуясь друг с другом – кто знает больше частушек и сможет последним *отпеть*: *Вот если начнёт про лиходейку пить (Лиходеецькя за дролецькёй / С бутылоцькёй бежит, / А ни люби иё, милёноцёк, / Она приворожит), а ты вот и отпеваёшь, <…> подбираёшь уже ёй в укол... Которая которой отпор даст* [МОНМЦ].

Таким образом, в шекснинских частушках циклы формировались в соответствии с темой и функцией текста. Циклы частушек по типу «Семёновны»,

в которых героем является один и тот персонаж, в Шекснинском районе распространены не были.

Иная ситуация обнаруживается в шекснинских частушках конца XX века (авторские тексты). Так, например, в тетрадке частушек Л. Н. Чернушковой записаны следующие тексты, связанные общим сюжетом и героями: *Вера с Витею дрались, / Лестница дрожала. / К участковому она / Сразу побежала; Участковый наш полдня / Он писал депешу, / Долго вешала ему / Вера на уши лапшу; Всё ревела и мечтала, / Даже ночи не спала. / Как в милицию слетать, / Надо Витеньку спасать* [КЧШР].

Однако все основные принципы композиционного строения традиционных шекснинских частушек, описанные выше, также сохраняются и в авторских частушках конца XX века, например: *Под горою стоит лес, / Синий лес да до небес. / Вышли в пляс пенсионеры – / Закачался райсобес* [КЧШР] (параллельная конструкция); *Баня русская без пара, / Что закуска без вина. / Без Ануфриева Дума, / Как корова без седла* [КЧШР] (параллельная конструкция); *Я в Москве на днях была, / Видела картинку: / Депутаты там сидят / В переходах к рынку* [ПВБ] (двучастная композиция, где вторая часть конкретизирует то, о чём говориться в первой); *Утвердили в первом чтеньи / С бабкой мы бюджет семейный: / Мне опитки от чаю, / Бабке – рыбью чешую* [МС] (двучастная композиция, где вторая часть разъясняет, конкретизирует то, о чём говориться в первой); *Нету выхода из кризиса, / А нам решить бы так: / Объявить столицей Вологду – / И кончится бардак!* [МС] (двучастная композиция, где вторая часть конкретизирует то, о чём говориться в первой); *Вот и скорая приехала, / И Витька за рулём. / Он повёз опять «кадушек». / Мы рукой ему махнём* [КЧШР] (двучастная композиция, где вторая часть – описание действий, следующих во времени за действиями, описанными в первой части).

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что шекснинские частушки обладают яркими жанровыми особенностями, выраженными в строении текста, композиции, способе изложения речи. Архаичные фольклорные приёмы

построения композиции соседствуют с приёмами, характерными только для данного жанра.

Основной смысл (рема – новая информация) двучастных текстов чаще всего заключается в последних двух строках частушки. Первые же строки текста (тема), в одних случаях содержат обращения (*задушевная подруга; разлюбезный мой товарищ*), в других – являются символической частью параллельной конструкции (*Что-то, белая берёзка, / Ветру нет, но ты шумишь?*), в третьих случаях – выражают распространённую тему частушек (*полюбила гармониста; поиграй повеселее; разрешите поплясать*). Часто начало частушек приобретает формульный (устойчивый) характер.

2.2. Тематические и функциональные типы шекснинских частушек как факторы, определяющие лексических состав текстов

В настоящем разделе мы ставим задачу – показать некоторые жанровые особенности текстов шекснинских частушек путём создания классификации текстов.

Современные исследователи фольклора говорят о трёх видах классификаций русской частушки: народные, научные и классификации сборников [Мешкова 2001].

Народные классификации чаще всего отражают тематический, функциональный принципы. Например, в Шекснинском районе Вологодской области информанты выделяют частушки (*короткие песни*) «о любви», «о колхозе», «о войне» (тематический принцип), частушки, которые поются «на гуляньях», «на беседах», «под пляс» (функциональный принцип) и пр.

Классификации сборников традиционно имеют тематический принцип (наиболее удобный для читателей, исполнителей и любителей фольклора), а также встречается хронологический (по времени записи), тематико-

хронологический, географический принцип типологии, классификация по исполнителям.

Научные типологии частушек базируется на различных основаниях, необходимых для того, чтобы показать ту или иную сторону текста (или музыки), специфику жанра, исследуемую учёным, вследствие чего возникают самые разные (в том числе комплексные) классификации: тематические, хронологические, жанровые, генетический, функциональные, функционально-генетические и пр.

Для того чтобы охарактеризовать тексты шекснинских частушек, мы применим несколько типов классификации.

1) В составленном нами сборнике шекснинских частушек (см. Приложение 1) используется **формальный** принцип – расположение текстов в **алфавитном** порядке, т.к. данный сборник предназначен для справочных и исследовательских задач (делает быстрым и удобным поиск иллюстрационного материала диссертационного исследования).
2) **Географический** принцип (по месту фиксации материала) учтён в Указателе к «Сборнику частушек Шекснинского района Вологодской области».
3) Принцип классификации материала по **исполнителям** также содержится в указателях к сборнику.
4) В данном разделе мы представим **тематическую** классификацию, основанную на типологии поэтических мотивов.
5) В следующем разделе работы будет представлена классификация шекснинских частушек, основанная на **функциональном** принципе.

Все данные классификации взаимно дополняют друг друга, показывают специфику шекснинской частушки с различных сторон.

2.2.1. Тематические разновидности частушек

Задача данного раздела – описать жанровые особенности шекснинских частушек путём создания тематической классификации. Основанием для классификации, представленной в настоящем разделе, являются поэтические мотивы исследуемых частушек. Несмотря на краткий характер, текст частушки может концентрировать в себе несколько мыслей, идей, кратко описывать целые жизненные сюжеты, в силу чего в текстах исследуемого жанра иногда обнаруживается несколько мотивов и даже тем (с этим связаны сложности в составлении сборников по тематическому принципу – один и тот же текст можно отнести сразу в несколько тематических разделов). Темой мы будем называть события, впечатления, ассоциации, нравственно-эстетические вопросы, положенные в основу текста частушки, мотивом – мельчайший, неделимый элемент сюжета [Книгин 2006].

Тема любви

Главной жанрообразующей темой шекснинских частушек является тема любви. Эта основная тема представлена во множестве типов лирических сюжетов частушек. Тип лирического сюжета обусловлен тем, какой поэтический мотив сопровождает тему любви и в результате формирует сюжет частушки. Далее перечислим выявленные в шекснинских частушках поэтические мотивы, связанные с темой любви. Это мотивы:

– измены,

– соперничества,

– разлуки,

– несчастной любви,

– смерти,

– величать милого (милую),

– корить милого (милую).

Разнообразие лирических сюжетов с темой любви определяется также взаимодействием с другими темами:

– дружбы,

– гуляний (бесед),

– пляски,

– сватовства,

– семьи,

– войны,

– ареста (тюрьмы),

– колхозной жизни и пр.

Далее приведем примеры частушек, имеющих одну тему любви, но различающихся лирическим сюжетом в силу наличия в их текстах разных поэтических мотивов.

Мотив «величать милого, милую»: *Говорят, я – некрасива. / Я и не красуюся. / У меня красивый дроля, / Им интересуюся* [МСЦТНК]; *Ты не мойся, дроля, мылом / Тибе белому не быть. / Зародился чернобровым, / За красу буду любить* [МСЦТНК]; *Коя деушка с кудрями, / Та и милая моя. / Ие все ребята любят, / Не один мальчишка я* [МСЦТНК]; *Мне сказали про милого – / Худенький да маленький. / Погляжу я на него – / Как цветочек аленький* [КЧШР].

Мотив «корить милого, милую»: *Говорят, что мой миленок / Больно с виду не пригож. / Нараспах рубаха белая - / На чучело похож* [ЛПВЧ]; *Мой милёнок, как телёнок, / Только разница одна: / Пьёт телёнок из корыта, / А телёнок из ведра* [КЧШР]; *Дроля, серенькую кепочку / Носи-понашивай. / Уважения много требуешь – / Того не стоишь сам* [ЛПВЧ]; *Вспомни, дроля, как гуляли, / Вспомни, что и говорил. / Я твои слова запомнила, / А ты мои забыл* [ЛПВЧ]; *У меня*

милашка есть - / Хлеба белова не ест. / Нахлебается обраты, / Изгибается как бес [МОНМЦ].

Мотив «величать себя» (за умение влюблять, удерживать любимого): *Говорят, я боевая, / Боевая не совсем: / Боевая сушит девять, / А по мне страдают семь* [КЧШР]; *Говорят, што боевая, / Бойкова маленичко. / Наживу себе милашку / За любое времечко* [МОНМЦ]; *Говорят, что боевая, / Да и правда – ураган, / На горячий камень стану, / А залётку не отдам* [МОНМЦ]; *А говорят, что боевая, / Бойковако ли беру, / Боевая – боевово / Сибе дролю выберу* [МОНМЦ].

Мотив «соперничество в любви»: *Лиходей за милашку / Мине сулит могилушку. / Я ему наоборот – / Могилу вырою вперёд!* [МСЦТНК]; *Я пришел на посиденку – / Лиходей сидит в углу. / Руки, ноги задрожали – / Лиходею надаю!* [МСЦТНК]; *Было легче бы сердечушку / Взволноваться на ноже, / Чем мне видеть супостаточку / С милашкой при себе* [ЯСРД]; *Супостатка нарядилась / В беленьком платочке. / Перед дролей вертится, / Как змея на кочке* [МСЦТНК]; *Лиходейка съела пестик, / Нечем яблоки толчи. / Я у тя не отбивала, / Супостаточка, молчи* [ЛПВЧ].

Мотив «любить за что-то»: *Ягодиночку люблю / За волосы цыганские. / Еще за черные глаза, / За речи хулиганские* [ЛПВЧ]; *До чего милый хорош, / На благородного похож. / Неоценимая краса! / Люблю за серые глаза* [ЯСРД].

Мотив «любить гармониста»: *Гармониста я любила, / Гармониста тешила, / Гармонисту на плечо / Сама гармошку вешала* [МОНМЦ, МЧЦТНК]; *Гармониста любить – / Надо баско ходить, / Надо мазаться и пудриться, / И брови* подводить [КЧШР]; *Гармониста не любила / И не приходилось-то, / А теперя в гармониста / Горячо влюбилась-то* [МСЦТНК]; *Гармониста я любила, / Гармонисту на плечо / Сама двухрядку вешала* [КЧШР].

Мотив «любить хулигана»: *Полюбила хулигана, / Хулиганиста сама. / Хулиганке с хулиганом / Не сойтися никогда* [ЛПВЧ]; *Поиграй*

повисилее / «Русскова» отпетова. / Любила дролю-хулигана, / Хорошо одетова [МОНМЦ]; *Сероглазая сударушка, / Глазам не поводи. / Полюбила хулигана, / Так порядки наводи* [ЛПВЧ].

Мотив «любить тракториста»: *Тракториста полюбила / Все и ночи не спала. / Слушать на гору ходила: / Не идут ли трактора* [ЛПВЧ]; *Я иду, а мне навстречу / Бежит трактор новенький, / Мне не трактор полюбился, / А тракторист молоденький* [КЧШР].

Мотив «измена милого / милой»: *Платье чёрное носила – / Всё изменушку ждала. / Как измену получила, / Платье чёрное сняла* [КЧШР]; *В поле белую берёзку, / Ветерок, качи-качай. / Неожиданную, дролечка, / Измену получай* [КЧШР]; *Говорят, мине измена / От любого парнюка. / Я и место приготовила – / Глубокая река* [КЧШР]; *Изменил мене миленочек, / Кудрявый волосок, / Ходит мимо огорода, / Задирает свой носок* [ЛПВЧ]; *А задушевная подруга, / Нюра милая моя, / Мине не вынести изменушки, / Не каменная я* [МОНМЦ].

Мотив «горе от несчастной любви»: *Я пойду и утоплюсь / Из-за ево красивова, / Да пусть моя могила будет / Среди моря синева* [КЧШР]; *Печка топится, голаночка, / Валит зелёный дым. / Никто не знает, как страдаю / Своим сердцем молодым* [КЧШР]; *Я любила из конавы / Камушки выкидывать. / Любила серенькие глазки, - / Больше их не видывать* [КЧШР]; *Заболело ретивое, / Заболело тайное. / Так и надо ретивому, - / Не влюбляйся в дальнего* [ЛПВЧ].

Мотив «смерть из-за несчастной любви», «смерть спасает от любви»: *Я умру – не хороните. / Гроб поставьте в уголок. / Пуся миленький поплачет / У моих холодных ног* [ЯСРД]; *Миленький мой, / Ты бы умер годовой. / Я бы не родилася, / В тебя бы не влюбилася* [ЯСРД]; *Когда я в могилу лягу, / Пусть во мне остынет кровь. / Тогда, девушка, забуду / Всю проклятую любовь* [ЯСРД]; *Матушка родимая, / Да не ругай за милова. / Лучше богу помолись, / Чтобы моя кончалась жись* [КЧШР].

Мотив «разлука с милым, милой»: *Платье чёрноё одела, / Мама заругалася: / - Ты не так (его) одела, / С кем-нибудь рассталася* [КЧШР]; *Сизокрылый голубочек, / Ягодиночка моя, / Прилети на вечерочек – / Сиротой гуляю я* [КЧШР]; *Ты, сорока-белобока, / Научи меня летать, / Не высоко, не далёко, / Только милова видать* [КЧШР]; *Балалаечка гудит, / Иё не переделаёшь, / У меня далёко дроля, / По него не сбегаёшь* [МОНМЦ].

Мотив «ожидание встречи с милыми» (тема «любовь», «календарные праздники», «беседы, гуляния»): *Не дождаться, девушки, / Казанские осённые, / Со Казанские пойдут / Вечера весёлые* [МОНМЦ]; *Скоро, девушки, Покров, / Скоро нам гуляночка. / Скоро, скоро заиграет / Милого тальяночка* [МСЦТНК]; *На беседу все пришли, / Все по лавкам сели. / Моего-то милого, / Видно, волки съели* [МСЦТНК].

Мотив «славить девушку за её любовь» (рассказывать о том, с кем она гуляет): *Меня славили без славушки – / Топили без воды. / Не могли прославить деушку. / Не сделала беды* [КЧШР]; *Дорогой ты мой забава, / Дорогой забавушка, / Надо, надо расставаться – / Надоела славушка* [КЧШР]; *Под окошечком у нас / Каменье навалённоё. / Да тяжело переносить, / Чего наговорённоё* [КЧШР] (комментарий информанта – «когда славят девушку» [КШЧР]); *Говорите, что хотите. / Этим не прославите, / Мои серые глазенки / Плакать не заставите. Ух!* [МОНМЦ]; *Говорят, говорят, / Пусть наговорятся. / Нынешние девушки / Славы не боятся* [МСЦТНК].

Мотив «ругать за милого» (тема «любовь», «родители»): *Не ругай, родная мама, / И греха не заводи. / Да я опять сказала дролечке: / - По-старому ходи* [КЧШР]; *Матушка родимая, / Да не ругай за милова. / Лучше богу помолись, / Чтобы моя кончалась жись* [КЧШР]; *Не ругай меня, мамаша, / Не ругай, родимая. / От гулялочки отстану, / Не отстать от милова* [КЧШР].

Мотив «пойти самоходкой замуж» (тема «любовь», «семья», «родители»): *Самоходкой дроля звал / Всю семейку рассказал: / Папа, мама, две сестры, / Пятый - я, шестая – ты* [ЛПВЧ]; *В самоходку милый звал – / Мама*

испугалася. / Надо дуре бы идти, / Пусть бы поругалася [КЧШР]; *В самоходчку пошла, / Мамы не спросилася. / До калиточки дошла – / Обратно воротилася* [КЧШР]; *А не хватило ума-разума / У девушки на час. / А не ушла бы самоходочкой, / Гуляла бы сейчас* [МОНМЦ].

Мотив «сватовство» (тема «любовь», «семья», «родители»): *Я не сам гармошку красил, / Не сам лаком наводил. / Я не сам милашку сватал, / Тятька с матушкой ходил* [СЦТНК]; *Я у тополя ходила, / Тополь высушил меня. / Я богатого любила, / Бедный высватал меня* [СЦТНК].

Мотив «пойти замуж», «брать в жёны» (тема «любовь», «семья»): *Я ришила выйти замуж, / Мать коровы не даёт. / А жених такой попался – / Без коровы не берёт* [МОНМЦ]; *На беседушку приехал: / Милка, Карюшка напой! / Через год на этом Карюшке / Приеду за тобой!* [МСЦТНК].

Мотив «несчастье милого из-за коллективизации» (тема «любовь», «колхоз»): *Раскулачили милёночка, / Из дому выгнали, / Всё именьё дорогово / Коллективу выдали* [МСЦТНК].

Мотив «противоречия милых из-за разных взглядов» (тема «любовь», «политика и общество», «религия»): *Я девчоночка – колхозница, / Повязанный платок. / Дролечка – интеллигенция, / Открытый вороток* [ЛПВЧ]; *Я парнишко – комсомолец, / Милка Богу веруёт. / Да неужели из-за Господа / Измену сделаёт* [МОНМЦ].

Мотив «разлука с милой/милым из-за службы» (тема любовь», «рекрутчина, армия): *Дроля в армию пошел, / Остановился под горой, / Ты не жди меня, сударушка / Из армии домой* [МОНМЦ]; *Некрута гуляют тихо, / Одоляет скука их, / Оне Родины лишаются, / Сударушок своих* [МОНМЦ]; *Некрута, вы, некрута, / Вам дорожка не туда; / Вам дорожка во приём, / Зелёна крыша, белой дом* [МОНМЦ]; *Некрута – некрутики, / Ломали в поле прутики, / Ломали да и ставили, / Любили да оставили* [МОНМЦ]; *Дроля в армию уехал, / За вагон держалася. / Он уехал, я на линии / Одна осталася* [КЧШР]; *Некрута, некрутики, / Скидывай тулупики. / Одевай шинелюшки. / До свиданья, девушки* [ЯСРД]; *Скоро*

в армию забреют, / Лошадь карию дадут, / А за эту лошадь карюю / С милашкой разведут [КЧШР].

Мотив «хранить верность милому, пока он служит» (тема «любовь», «армия»): *Милый в армию поехал, / В сельсовете наказал: / - Не расписывайте девушку, / С которой я гулял* [КЧШР]; *Милый в армию поехал, / Ничего не наказал. / Я спросила, с кем знакомиться – / На камень указал…* [КЧШР]; *Дроля, в армию пойдёшь, / Одень рубашку белую. / Через три года придёшь – / Изменушки не сделаю* [КЧШР]; *Издалёка дроля пишет: «Погуляй не занятой, / Я из Армии приеду / Не оставлю сиротой»* [МСЦТНК].

Мотив «разлука с милым/милой из-за войны» (тема «любовь» и «война»): *Пошёл дроля на войну, / Вот как горько плакали. / Мои слезы на колени / Дорогому капали* [МОНМЦ]; *Роспроклятая Германия, / Германская война. / Розлучила и оставила / Без дролечки миня* [МОНМЦ]; *Расставаться с ягодиночкой / Неволя привела. / Разлучила с ягодиночкой / Германия-война* [КЧШР]; *Ты, сударушка моя, / Да поднимается война. / Нас в Японию угонят – / Ты останешься одна* [ЯСРД].

Мотив «смерть милого на войне» (тема «любовь», «война», «смерть»): *Я не знаю, где схоронен, / Только знаю, что убит, / Только знаю, мой милёночек / За Родину погиб* [КЧШР]; *Кончилась война, / Мине не радость, девушки, / Все пришли, а мой остался / Во сырой земелюшке* [МОНМЦ]; *Кофту белую, строчёную / Хвалили на уме. / Дролю стройного, красивова / Убили на войне* [МОНМЦ].

Приведём примеры важнейших тем и мотивов, относящихся к ним.

Тема «рекрутчина, армия»

Мотив «лишаться Родины, родной стороны»: *Некрута гуляют тихо, / Одоляет скука их, / Оне Родины лишаются, / Сударушок своих* [МОНМЦ]

Мотив «идти в приёмный пункт»: *Некрута, вы, некрута, / Вам дорожка не туда; / Вам дорожка во приём, / Зелёна крыша, белой дом* [МОНМЦ]; *Некрута,*

вы некрута, / Гуляйте, веселитися, / К девяти часам утра / В военкомат явитеяся [МЧЦТНК; МОНМЦ].

Мотив «некрутские гулянья»: *Некрута в чужой деревне, / Попросились ночевать, / Ты пусти, чужая тётка, / Нас на печке полежать* [МЧЦТНК; МОНМЦ]; *Это чьи такие саночки / Железом битые? / В эти саночки садились / Некрута обритые* [МЧЦТНК; МОНМЦ].

Мотив «некрутский жребий»: *Не забриют, забракуют – / Сей зиму женюся я. / Сероглазая сударушка, / Пойдёшь ли за меня?* [ЯСРД]; *Пока некрутом гулял, / Милашка заносилася. / Счастливый жеребий достался – / Уважать хватилася* [ЯСРД]; *Походить рази по городу, / Покланяться судьям. – / Не наделят ли милёночка / Счастливым жеребьям* [ЯСРД].

Тема «хулиганство, озорство»

Мотив «я мальчишка – хулиган»: *Я парнишко – кулиган, да. / Батько делает наган. / От телеги отымаёт / Колесо на барабан* [МОНМЦ]; *Хулиган мальчишка я, / Меня не любят девушки. / Только любят городские, / Да и то за денежки* [ЛПВЧ]; *Хулиган мальчишка я, / Вся деревня на меня. / Все старухи Бога молят, / Чтобы не было меня* [ЛПВЧ].

Мотив «хулиганское поведение», «наказание за хулиганство»: *Все я лето не работал, / сенокосу не косил – жарко! / Попросил у батьки лошадь, / Батько мордой накосил. Жалко!* [ЛПВЧ];

Мотив «заводить на драку»: *Атаман, играй под драку – / Веселее драться нам. / Всю весёлую гуляночку / Разгоним по домам* [ЯСРД]; *Атаман у нас молоденький. / Не выдадим его. / Семером в могилу ляжем / За него за одного* [ЯСРД].

Мотив «рожать хулигана»: *Меня матушка рожала – / Вся сыра-земля дрожала. / Батька бегает, орёт: / - Зимогора бог даёт*! [МОНМЦ]; *Когда мать меня рожала, / Вся милиция дрожала, / Потому что моя рожа / На бандитскую*

похожа [КЧШР]; *Хорошо тебе, товарищь, / Тебя мама родила, / А меня родил папаша – / Мама в городе была* [КЧШР].

Тема «арест, тюрьма»

Мотив «молодость в тюрьме»: *Вологодская тюрьма. / Чем она украшена? / Ёлками, берёзками, / Ребятами-подростками* [ЯСРД];

Мотив «писать письма из тюрьмы»: *Из тюрьмы братишка пишет: / - Веселее, брат, гуляй. / Чаще под ноги заглядывай, / Наган не потеряй* [ЛПВЧ].

Мотив «смотреть из тюремного окошка»: *Ох, из тюремново окошка / Видно* ***Вологды*** *конец. / Приниси, милашка хлеба, / Ни забудь и огурец* [МОНМЦ]; *Из тюремного окошка / Видно* ***Ягорбу****-реку. / Принеси, милашка, хлеба, / Не забудь и табаку* [ЯСРД].

Тема «беседы, гулянья»

Мотив «собираться на гулянку»: *На гуляночку собрался – / Батька подал пятачок. / Матка на ухо шепнула: / - Не напейся, дурачок* [КЧШР].

Мотив «прийти на беседу»: *Я пришёл на посиденку, / Лиходей сидит в углу. / Руки-ноги задрожали, / Лиходею надаю* [МСЦТНК]; *Мы пришли на посиденку, / Всем ребятам не любо. / Погаси, товариш, лампу, / Штобы свету не было!* [МСЦТНК]; *На весёлую беседушку / Пришли не посидеть – / С кем милашка занимается, / Охота посмотреть* [КЧШР].

Мотив «идти с беседы»: *Со весёлой со беседушки / Иду на колуне. / Вы подумайте-ка, девушки, / Не стыдно ли мине?* [ПВБ].

Мотив «матери караулят молодёжь на беседе»: *Бабы – дуры, бабы – дуры, / Бабы – бешеной народ. / Они придут на беседушку, / Стоят как огород* [МОНМЦ]; *Начинают конопатить, / Первой угол от дверей шишкам, / Бабы ходят на беседу, / Караулить дочерей с клюшкам* [МСЦТНК; МОНМЦ].

Мотив «скучать по беседам»: *Поживи, подружка, в городе, / Поверишь и мине. / Деревенские беседы / Постоянно на уме* [МСЦТНК]; *Жени меня, мамаша, / На любой на девушке. / Я не буду тосковать / Не об какой беседушке* [МЧЦТНК; МОНМЦ].

Тема «война»

Мотив «обращаться к матери»: *Мамоньня родимая, / Забудь про сына милова. / Милой сын во горюшке / Да на чужой сторонушке* [ЛПВЧ].

Мотив «смерть милого»: *Задушевная подруга, / Что наделала война, / Она без брата и без милушки / Оставила меня* [КЧШР]; *Кончилась война, / Мине не радость, девушки, / Все пришли, а мой остался / Во сырой земелюшке* [МОНМЦ].

Мотив «ожидание встречи после войны»: *Вот и кончилась война. / Пойдут ребята ротами. / Своего-то я милого / Встречу за воротами* [МСЦТНК]; *Вот и кончилась война, / Теперь гуляйте, девушки. / Наши милые приедут / Через две неделюшки* [МСЦТНК]; *Вот и кончилась война, / Прошли бои великие, / Наши милые придут – / Остались неубитые* [КЧШР].

Мотив «конец войны»: *Девушки, война, война, / На границе – тишина. / Сорок пятого, девятого / Закончилась война* [КЧШР]; *Девушки, войне конец. / Девушки, Победа. / С кем гулять теперь мне, / Остался два деда?* [МСЦТНК].

Тема «семья»

Мотив «переживания родителей за молодого парня / девку»: *Я пляшу, они не стукают, / Подшитые мои, / Я гуляю, дома охают / Родители мои* [МОНМЦ]; *На гуляночку собрался – / Батька подал пятачок. / Матка на ухо шепнула: / - Не напейся, дурачок* [КЧШР]

Мотив «позволение родителей»: *Ты подумай, милый, думушку, / Потом ко мне и сядь. / Ты спроси своих родителей, / Дадут ли замуж взять* [ЯСРД];

Говорят што, боевая, / Правда, я, боёвушка, / Мине и дома от родителей / Большая волюшка [МОНМЦ].

Мотив «разлад с родителями»: *Батька в роднике утонет, / Матку леший уведёт. / У меня у хулигана / Жизнь весёлая пойдёт* [ЯСРД]; *Давай, дроля, расставаться, / Нам трепаться надоест, / Без меня твои родители / Нашли много невест* [МОНМЦ]; *Вы, родители-губители, / Зарезники мои. / Вы без ножика зарезали – / С милым поразвели* [ЯСРД].

Мотив «свадебные гулянья»: *Надэ, надэ поплясать, / Надэ поухаживать, / Надэ новым сватовьям / Дорожка поуказывать* [МОНМЦ] (зафиксирована как частушка, исполняемая на свадьбе); *Как у нашего у свата / Очень свадьба весела; / Гости весело гуляют, / Молодуха хороша* [МОНМЦ]; *Мы с товарочкой на свадебке / Любили пировать, / Пировали да и думали: / Самим не миновать* [МОНМЦ].

Мотив «несчастное замужество», «чужая сторона»: *Молода – поторопилась / На чужую сторону. / Думала, что лучше будет – / Завязала голову* [КЧШР]; *Встань-ко, матушка, пораньше / И послушай на зоре – / Не твоя ли дочка плачет / На чужой на стороне* [КЧШР];

Мотив «отговаривать от несчастного замужества»: *Не ходи, подруга, взамуж / Не за милова дружка. / Лучше в речке утопися / Со крутова бережка* [МСЦТНК]; *Не ходи, подруга, замуж, / Как моя головушка. / Лучше деверя четыре, / Чем одна золовушка* [КЧШР].

Мотив «не сложившиеся отношения с родственниками»: *Девки в замуж, девки в замуж. / Я из замужа домой. / Со свекровкой жить не буду, / Лучше с матушкой родной* [ЯСРД]; *Не ходи, подруга, взамуж / Не за милова дружка. / Лучше в речке утопися / Со крутова бережка* [МСЦТНК]; *Все хорошие свекрови / В поле завтракать несут. / А моя-то сухорукая / Сказала: «Недосуг!»* [МСЦТНК]; *У родимой-то у матушки, / Как алый цвет, цвела. / У лихие у свекровушки / Завяла, как трава* [ЯСРД].

Мотив «смерть отца, матери»: *Матушка родимая, / Свеча неугасимая! / Горела да ростаяла – / Меня страдать заставила* [КЧШР]; *Платье белое одену / И пойду на сенокос. / Я на маминой могилушке / Пролью немало слёз* [КЧШР]; *По погосту похожу / Клубочком покатаюся. / Родного папу побужу, / На всех пообижаюся* [СЦТНК].

Наблюдения над разнообразием сюжетов шекснинских частушек позволили сделать вывод о наличии в сфере данного фольклорного жанра устойчивых смысловых парадигм, которые определяют своеобразие словаря частушек. Ниже приводятся схемы этих смысловых парадигм (отношений, связей между различными темами частушек).

Тема «любовь»

Любовь →	Разлука
	Соперничество
	Смерть
	Семья
	Политика, общество
	Рекрутчина, армия
	Война
	Календарные праздники
	Беседа, гулянье
	Музыка, песни, пляски
	Арест, тюрьма
	Хулиганство, озорство

Родина, родная сторона

Тема «разлука»

Разлука →

- Любовь
- Война
- Армия, рекрутчина
- Смерть
- Семья
- Политика, общество
- Арест, тюрьма
- Родная сторона

Тема «смерть»

Смерть →

- Любовь
- Разлука
- Война
- Семья
- Хулиганство, озорство
- Родная сторона, Родина

Тема «война»

Война →	Любовь
	Разлука
	Смерть
	Семья
	Родина, родная сторона

Тема «армия, рекрутчина»

Армия, рекрутчина →	Любовь
	Разлука
	Семья
	Верность
	Гулянье
	Родная сторона

Тема «хулиганство, озорство»

Хулиганство →	Любовь
	Разлука
	Музыка, песни, пляски
	Игры
	Драка
	Тюрьма

Атаман

Тема «семья»

Семья →

- Любовь
- Разлука
- Смерть
- Война
- Беседы
- Родная сторона

Тема «политика, общество»

Политика, общество →

- Любовь
- Разлука
- Голод
- Бедность
- Родная сторона

Тема «беседа»

Беседа →	Любовь
	Разлука
	Музыка, песни, пляски
	Игры
	Драка
	Хулиганство, озорство

Тема «музыка, песни, пляски»

Музыка, песни, пляски →	Любовь
	Измена
	Голод
	Бедность
	Беседы
	Календарные праздники

Тема «родная сторона»

Родная сторона →	Любовь
	Разлука
	Смерть
	Армия, рекрутчина
	Политика, общество

Тема природы

Особая тема шекснинских частушек, которая буквально пронизывает более половины от общего количества текстов, - это тема «природа». Однако данная тема находится в несколько иной (по сравнению с остальными темами) плоскости. Образы природы, формирующие тот или иной мотив, используются в фольклорных текстах в качестве символов, подчёркивающих состояние, переживания лирического героя. Мотивы, относящиеся к теме природы, встречаются в параллелизмах, сравнениях, для того чтобы раскрыть главную тему текста (печаль от разлуки, любовь к милому, горечь расставания и пр.). Приведём примеры частушек с мотивами темы «природа»: *Буду пить холодну воду / Изо всех текучих рек. / Буду лить текучи слёзы / По тебе, милаша, век* [ЯСРД] (текучие реки – символ горя, печали); *Не кокуй, кокушка, в лисе / На осине проклятой; / Седь на белую берёзку, / Прококуй над сиротой* [МОНМЦ] (*кукушка* – символ тоски, печали, сиротства); *Не от солнышка рябина / Кисти принавесила. / Не от радости девчонка / Голову повесила* [КЧШР] (*рябина, принавесившая кисти* – символ девичей тоски, печали); *Высоко орёл летает, / Перелёты делает. / Горячо милёнок любит, / Каждый вечер бегает* [КТАР] (*летающий орёл* – символ любимого, парня).

Иная ситуация наблюдается в текстах частушек постсоветского периода. Тема природы в данных частушках находится на том же уровне, что и прочие темы, что связано с распадом символизма, который произошёл по ряду объективных причин (появление заказа на частушки определённых тем, востребованность новых и отказ от старых средств и форм выражения идей). Приведём примеры текстов частушек поэтессы с. Чаромское Шекснинского района Л. Н. Чернушковой: *Хоть рябину мы не хвалим, / Слишком горькая она. / Зато осенью любуемся – / Какая красота!* [КЧШР]; *Ели горькую рябину, / Ели осенью всегда. / Зато сладкая рябинушка / Зимою с чердака* [КЧШР]. В данных текстах используется традиционная фольклорная формула «горькая рябина» (и мотив «есть горькую рябину»), однако символизм формулы утрачен, на первый план выходит прямой смысл сочетания «горькая рябина» (‘ягоды

рябины горького вкуса’) и не предполагается связи данного образа с несчастной любовью и пр. Сравним последние примеры с традиционными текстами шекснинских частушек: *Говорят, рябина горькая – / И горькую едим. / Говорят, за ним гоняюся – / И скоса не глядим* [МСЦТНК].

Изменения в поздний советский период и период после распада СССР коснулись и других тематических групп частушек. Это связано с тем что, во-первых, меняется возраст исполнителей и сочинителей частушки. Главные образы лирических героев шекснинских частушек досоветского и советского периода – это девушки и парни, подростки, реже – молодые замужние женщины (молодки). Постепенно частушка стала жанром, исполняемым старшим поколением, что, безусловно, отразилось и на тематике, появилось много текстов о пенсионерах, пенсиях, старшем поколении, например: *Задушевная подруга, / На Луне-то я была; / Там миня не принимают, / Горят, пенсия мала* [МОНМЦ]; *Говорят, что мы – старухи, / Вы не верьте – это ложь, / Нас давно уж называют – / Отставная молодёжь* [МОНМЦ].

Значительно больше текстов авторских частушек шекснинских поэтов постсоветского периода относятся к тематической группе «политика, общество». Приведём примеры таких текстов: *В Думе Гена есть Зюганов, / Есть и Гена Селезнёв. / Все мы в нетерпении – / Что нам скажут Гении* [МС]; *Утвердили в первом чтеньи / С бабкой мы бюджет семейный: / Мне опитки от чаю, / Бабке – рыбью чешую* [МС]; *При разгуле демократии / Легко живётся мне / За железными дверями / И решётками в окне* [МС].

Причины данного явления могут быть следующие: во-первых, авторская частушка, как правило, не является молодёжной, центральная тема «любовь» становится менее актуальной для зрелых авторов; во-вторых, частушка уже не предназначена для исполнения в узком кругу друзей, приятелей, но рассчитана на исполнение для самой широкой публики, например, всей деревни, частушки пишутся для читателей всей страны, поэтому внимание авторов сосредоточено на темах, актуальных для большинства слушателей. Политические темы выходят на

первый план также в связи с тем, что период перестройки – это время стремительного развития событий на политической арене страны, множества серьёзных изменений, на которые, несомненно, должна была отреагировать частушка.

Особенности лексического состава частушек, обусловленные их тематикой

Для того, чтобы определить, в какой мере традиционные темы и функции частушек повлияли на особенности лексического состава текстов исследуемого жанра, был проведён количественный анализ лексики шекснинских частушек, определены частоты гнёзд однокоренных слов. Данная методика описана профессором Л. Г. Яцкевич и применена к частотному словарю квасюнинских частушек [Яцкевич 2017: 79-85].

Рассмотрим **частоту употребления** одиночных лексем и лексем одного корневого гнезда (в списке для корневых гнёзд будет указано только основное слово, которые наиболее часто встречаются в текстах частушек). Данные о частоте употребления рассматриваемых лексем показывают, как связано употребление лексики и тематики

Милый – 920
Любить – 841
Дроля – 395
Гулять – 252
Подруга – 220
Девушка – 219
Мать – 218
Играть – 196
Ягодинка – 193
Изменить – 192
Плясать – 160

Товарка, товарищ - 139

Сердце – 130

Гармонь – 84

Расставаться – 80

Песня – 78

Лиходей – 76

Забывать – 72

Весёлый – 72

Ребята – 71

Сударушка – 69

Замуж – 68

Жалеть – 67

Залётка – 66

Горе – 55

Сторона – 50

Петь – 49

Хулиган – 46

Помнить – 46

Тракторист – 38

Отбить – 34

Воротить – 34

Печаль – 33

Родители – 32

Болеть – 32

Родной, Родина – 32

Свидание – 30

Завлекать – 29

Сын – 29

Беседа – 28

Целовать – 28

Обманывать – 28

Тальянка – 28

Тосковать – 27

Мазурик – 26

Знакомиться – 26

Батька – 25

Кольцо – 25

Супостатка – 24

Прощаться – 22

Парень – 21

Разлучать – 20

Верить – 20

Родимый – 19

Сватать(ся) – 18

Жениться – 17

Самоходка – 13

Сестра – 12

Ворожить – 11

Венчаться – 10

Реветь – 10

Грудь – 9

Свекровь – 9

Разойтись – 7

Развести – 5

Нравиться – 4

Зять – 4

Ненаглядный – 3

Зазноба – 2

Заниматься – 2

Результаты количественного анализа лексического состава в текстах шекснинских частушек показывают значительное преобладание лексем тематической группы **«любовь»**: *любить* - 841 лексема, *милый* – 920, *дроля* - 395, *ягодинк* - 193, *изменят* - 192, *сердце* - 130, *расставаться* - 80, *лиходей* - 76, *сударушка* - 69, *жалеть* - 67, *залётка* - 66, *друг* - 61, *помнить* - 46, *свиданье* - 30 и прочие.

Характерной для жанра частушек является тема и мотивы **«гулянье, беседа»**. Количественный анализ лексического состава шекснинских частушек показал, что лексемы тематической группы «гулянье, беседа» обладают высокой частотностью: *гулять* - 252 лексемы, *играть* - 196, *плясать* - 160, *песня* – 148, *гармонь* - 84, *весёлый* - 72, *голос* - 37, *беседа* - 28 и прочие.

Важную роль в шекснинских частушках играет тема **«семья»**, что также отразилось на количественной характеристике лексического состава словаря: *мать* - 218 лексем, *замуж* - 68, *родители* - 32, *сын* - 29, *батька* - 25, *дочь* - 19, *родимый* - 19, *свататься* - 18, *жениться* - 17, *венчаться* - 10, *свекровь* - 9, *тятя* - 6, *зять* - 4.

Лирическим героями шекснинских частушек чаще всего являются молодые девушки и парни. Вероятно, поэтому в текстах так часто встречается упоминание матери, лирические герои обращаются к образу матери в самых разных ситуациях, просят *не ругать (за милова)*, сокрушаются о её гибели, вспоминают в момент разлуки и пр.: *Во солдатушках – не дома, / Не у матушки родной: / Не согреет самовара, / Не скричит: «Иди домой!»* [МСЦТНК].

Частушка – это песня, исполняемая прилюдно, часто она адресованна какому-то конкретному лицу или группе лиц. Распространённым синтаксическим приёмом в языке частушекк в связи с этим является использование обращений (в том числе риторических), поэтому высокую частотность имеет местоимение ***ты*** (310 случаев использования), а также притяжательное местоимение *твой* (41 случай использования). Частое использование обращений (в том числе в качестве формулы-зачина) объясняет также очень высокую частотность слов, называющих

того, кому адресовано сообщение (*милый, дроля, товарочка, товарищ, лиходей, подруга* и прочие).

Поскольку частушка – это лирический жанр, ориентированный на выражение личных чувств и переживаний, текстообразующим центром частушки является лирическое «я». По данным исследований лексики русской частушки, личное местоимение ***я*** (и его формы) занимает доминирующее положение в грамматической структуре текста, важную роль играют притяжательные местоимений *мой, моя* [Мануйлова 2005: 90]. В текстах шекснинских частушек также наблюдается подобное явление: отмечено 905 случаев использования местоимения *я*, 190 случаев использования местоимения *мой*.

Лексика в шекснинских частушках часто выполняет символическую функцию, этот аспект будет рассмотрен в следующих разделах.

Таким образом, тематика жанра частушек определила лексический словарь текстов исследуемого жанра. Специфика жанра также повлияла на высокую частотность местоимений *я, ты, мой, твой*, а также слов, называющих адресата сообщения.

2.2.2. Функциональные типы частушек

Специфика исследуемого нами жанра заключается в том, что частушка является не просто текстом, но песней, в силу чего важную роль в определении жанрового своеобразия играет конситуация – внеречевой контекст, обстоятельства, в которых исполнялась та или иная частушка. В данном разделе мы ставим задачу – определить специфичные конситуации, в которых исполнялись частушки, и, основываясь на тематической классификации, предложенной в предыдущем разделе работы, определить основные тематические группы текстов, относящихся к тем или иным конситуациям.

Ценность классификации, учитывающей основные варианты функционирования частушек, заключается в том, что, согласно нашим наблюдениям, тематика текста шекснинской частушки **не всегда могла соответствовать** её функциям и обстоятельствам, при которых она исполнялась.

1. Так, например, в коллекции шекснинских частушек наблюдается большое текстов на тему «арест, тюрьма», «хулиганство, озорство», во многих из которых звучит мотив «величать себя за проступки» (или «шутливо корить»), например: *Говорят, что хулиганы. / Хулиганы, да не мы. / Здесь такие хулиганы / Не выходят из тюрьмы* [МЧЦТНК; МОНМЦ]; *Хулиганская головушка / С одиннадцати лет. / До чего дохулиганил – / За решеткой места нет* [ЛПВЧ]. Встречаются также тексты с мотивом «желание попасть в тюрьму», «пойти в тюрьму к кому-то/вместо кого-то», например: *Череповецкую тюрму / Да из нагана подожгу, / Брата выпушу на волю, / Сам отсеживать пойду* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Мой товариш во тюрме. / Туда охота и мине. / Чё-небуть да сделаю, / Товарища проведаю* [МСЦТНК]. Часто в подобных частушках звучат угрозы расправы: *Лиходей за милушку / Мине сулит могилушку. / Я ему наоборот – / Могилу вырою вперёд!* [МСЦТНК].

По свидетельствам информантов, раньше такие частушки пели не только и не столько молодые люди, имеющие отношение к тюрьме и разбою, сколько **рекруты** на своих продолжительных **гуляниях** (до нескольких месяцев), а также – парни, которые пришли на **беседу** и желали **проявить себя** (в том числе перед дракой). Главная функция подобных частушек – «побахвалиться», выказать свою силу, агрессию, стать инструментом **задирания перед дракой** [Морозов 2004; 2006; Мужской сборник 2001].

С этой же целью пели и частушки с угрозами расправы (лиходею), а также с корильными мотивами в адрес деревни соперника и жителей этой деревни.

Кроме вышеперечисленных текстов на указанные темы, во время проводов в армию исполнялись также частушки соответствующей тематики. Девушки и парни пели о разлуке, о счастливом жребии (гулять некрута определённого года

начинали задолго до определения жребия), некрута пели о своём гулянье, езде в санях от села до села, ночёвках в чужих домах.

2. Интересны с точки зрения функционирования частушки, связанные с темой смерти родителей, одиночества, сиротства, например: *Матушка родимая, / Свеча неугасимая! / Горела да ростаяла – / Меня страдать заставила [КЧШР]; Не кукуй, кукушка в поле / На осине проклятой. / Седь на белую берёзку / Пококуй над сиротой* [КЧШР].

Исследуя старинные частушки соседних с Шекснинским районов Вологодской области (Белозерского, Кирилловского, Бабаевского и др.), искусствовед С. Р. Кулёва приходит к выводу, что частушки подобного рода функционально близки не только поминальным причитаниям (поются, когда вспоминают о покойниках, в том числе, вблизи кладбищ), но также подобные частушки могли быть приурочены к некоторым календарным весенне-летним обрядам (связанным с культом предков), полевым и лесным обрядово-трудовым комплексам [Кулёва 2008а: 15-18].

Согласно экспедиционным записям, шекснинские частушки с мотивом поминания покойников и обращения к кукушке могли исполняться на **первое кукование кукушки**, в ситуациях, когда исполнитель слышал кукование кукушки (причитание покойников на кукование кукушки генетически восходит к архаичному восточнославянскому обряду «плач с кукушкой», когда женщины уходят в лес и, слушая кукование кукушки, причитают по своим умершим родственникам, расспрашивают кукушку о них и просят передать сообщение о своей жизни [Толстая 2015]).

Проанализированные нами экспедиционные записи репортажей по Шекснинскому району не обнаруживают прямых упоминаний о связи частушек-причитаний с жатвой, работами в лесу, однако информанты часто говорят, что «*протяжные короткие писни*» (к которым также относятся и частушки-причитания) исполнялись во **время полевых и прочих работ** (например, во время выпаса скота) [КЧШР], кроме того, в некоторых текстах мотив полевых

работ сочетается с мотивом поминания покойников, например: *Платье белое одену / И пойду на сенокос. / Я на маминой могилушке / Пролью немало слёз* [КЧШР].

Информанты Шекснинского района упоминали об исполнении подобных частушек и в ситуациях, когда молодёжь **ходила «гулять на реку», жечь на берегах костры** [МОНМЦ] (архаичный символ реки – граница между миром живых и мёртвых).

Кроме того, частушки о сиротстве (одиночестве), несчастливом замужестве, разлуке, об умерших родственниках могли исполнять также **за столом**, вместо старинных долгих песен (с похожими сюжетами).

3. *Гачульными письнями* в Шекснинском районе называли частушки, исполняемые в процессе **качания на качелях**. Качели, по воспоминаниям информантов, были во всех деревнях района. Жительница д. Марьино Е. И. Смирнова (1912 г.р.) рассказывает о том, что специальные большие качели устанавливались **на Пасху**, молодёжь качалась на них по очереди и пела песни. Мотив качания на качелях встречается в ограниченном количестве текстов шекснинских частушек, например: *На гачулюшке гачалась, / Под гачулюшкой – вода, / Платье бело оммочила, / Это мамина беда* [МОНМЦ]; *На гацелюшке гацялась, / Не боялась высоты. / Дроля выхватил гребёлоцьку / Из русые косы* [МОНМЦ]. Данные частушки запевали первыми, когда начинали качаться на качелях, вспоминает жительница с. Сизьма А. Н. Баранова [МОНМЦ]. Однако темы *гачульных* песен не ограничиваются мотивом качания на качелях. По воспоминаниям информантов, молодёжь пела самые разные «протяжные» частушки с большой паузой между двумя частями текста, чтобы «дух перехватить» (к таким частушкам часто относятся тексты с темами разлуки, одиночества, воспоминания об умерших родственниках). Исполнялись частушки и любовной тематики, в том числе с мотивами «корить милого/милую». А. Н. Баранова, вспоминая о таких песнях, рассказала ситуацию, когда один

парень, которому адресовали «корильные» частушки, сказал: *Пойдёмте, у меня живот заболел от цястушок от этих* [МОНМЦ].

4. В коллекции шекснинских частушек зафиксировано несколько текстов календарной тематики, которые функционально сближаются с календарными песнями, выкриками, закличками. Этнографические записи подтверждают, что календарная частушка (как и календарно приуроченные песни) исполнялась в **определённый период года**. Например, о масленичных частушках информанты сообщают, что они исполнялись **«*на Масленицу*»,** говорили также, что «*вокруг Масленицы могли придумать песню и спеть*» [МОНМЦ]. Форма исполнения календарных песен и частушек также похожи: их могли петь или выкрикивать во время праздничных действий. «*Так кричали **возле масленичного костра***» сообщает жительница д. Игнатовская (А. И. Смирнова, 1919 г.р.) после исполнения масленичной частушки: *Девки, Масленця проходит, / Настаёт Великой пос(т). / Все корзинки приломились, / Нищёта поджала хвос(т)* [МОНМЦ]. Кроме того, по воспоминаниям информантов, «календарные» частушки начинали исполнять **в период ожидания праздника**, что хорошо отражено в соответствующих мотивах частушек, приведём примеры текстов: *Не дождаться, девушки, / Казанские осённые, / Со Казанские пойдут / Вечера весёлые* [МОНМЦ]; *Скоро, девушки, Покров, / Скоро нам гуляночка. / Скоро, скоро заиграет / Милого тальяночка* [МСЦТНК].

5. Свадебный обряд – это сложный комплекс ритуалов, частью которых являлись и свадебные частушки. Со свадебными песнями-попевками хорошо соотносятся частушки величальной тематики, адресованная новым родственникам (сватам), например: *Надэ, надэ поплясать, / Надэ поухаживать, / Надэ новым сватовьям / Дорожка поуказывать* [МОНМЦ]; *Как у нашего у свата / Очень свадьба весела; / Гости весело гуляют, / Молодуха хороша* [МОНМЦ]. Величальная тематика может напрямую не соотноситься со свадебной темой. Например, А. А. Карабанов в своей автобиографической повести вспоминает, что на свадьбе были исполнены такие частушки: *Высоко орёл летает, / Перелёты делает. / Горячо милёнок любит, / Каждый вечер бегает* [КТАР]*; Мои ноженьки*

устали, / И ходить я не могу, / Но лишь милого увижу – / Распластаюсь на бегу [КТАР].

В свадебном фольклоре большое место занимают причитания (невесты, её подружек). Под влиянием архаичных причетов формируются шекснинские частушки-причитания, также характеризующиеся информантами как свадебные частушки: *Из родительскова дому / Было трудно выходить. / Нету матушки родимыё, / Не выйдет проводить* (*«пела молодуха **на свадьбе на второй день**»* - записано в д. Светилово, исп. А. А. Хрупкина, 1925 г.р.; Е. А. Сухарева, 1910 г.р.; Е. А. Масленникова, 1918 г.р.) [МОНМЦ]; *Задушевные товароцки, / Сцястливо вам гулять, / А мине от вашей партии / Придется отставать* (*невеста пела на свадьбе, **когда шла плясать*** – записано в с. Чаромское, исп. Н. В. Кошкина, 1918 г.р.) [МОНМЦ]; *На родимую-то сторонку / Шибко ноженьки бегут. / Все посохлые берёзоньки – / И те ровно цветут* («***девушки сидели за столом и пели***» - записано в д. Осютино, исп. Е. И. Смирнова, 1912 г.р.) [МОНМЦ].

6. Со свадебными припевками соотносятся шекснинские величальные и корильные (шутливые) частушки, которые исполнялись в начале беседы, например: *Вить-перевить, / Хорошая риць, / Михаил Арсентьевиць!* [МОНМЦ]; *Как укатана гора, / Укатали два друзья - / Михаил Арсеньтьевиць / И Анна Ивановна* [МОНМЦ]. Жительница д Золотуха А. И. Киренкова (1909 г.р.) вспоминает, что функцией таких частушек было **«припеть» парня к девке**, после такой *припевки* девушка с парнем выходили *среди полу* и девушка кланялась парню, *что, дескать, обожаешь*», парень девушку *поворачивал как в кадрили*, так он показывал свое *уваженье* и то, что девушка ему нравится; если парню припевали девушку, которая ему не нравилась, то он не выходил к ней [МОНМЦ].

Во время плясок на беседе пели частушки на самые разные темы, в быстром темпе, часто – спевались девушки, соперничавшие за одного парня; пели иронические песни «в укол» тем, кто изменил; шутили; выражали свои чувства и эмоции.

Приход парней, по воспоминаниям информантов, ознаменовывался частушками, обращёнными к милым, также могли начать петь, обращаясь к *лиходею*, бахвалиться [МСЦТНК].

7. **Во время гуляний, а также катаний по деревням** на лошадях (санях) исполнялись частушки самой широкой тематики, как правило – «протяжно». К особой группе частушек, исполняемых во время гуляний, можно отнести «корильные» и «величальные» песни, в которых упоминаются названия деревень (мимо которых походили или проезжали исполнители) или наименование жителей этих деревень. Величальные песни пели о родной деревне, а также таким деревням, в которых жили возлюбленные. Корильные же песни пели тогда, когда проходили (проезжали) мимо чужих деревень, а также таких, в которых жили обидчики, «нелюбые», некрасивые, бедные парни, например: *Плешаково-то деревня, / Ровно мыший городок: / Нет ни ложки, ни мутовки, / Ровно леший уволок* [МОНМЦ]; *Плешаково-то деревня – / Удивительной народ: / То кривые, то слепые, / У ково болит живот* [МОНМЦ]. Жительница д. Плешаково К. М. Полетаева (1914 г.р.) вспоминает о том, что в её молодости «*девки не любили Плешаково*», потому как там было много бедных и некрасивых людей [МОНМЦ].

Шекснинские частушки исполнялись в самых различных ситуациях жизни: на гуляньях, беседах, перед драками, во время проводов в армию время крестьянских работ в поле, в лесу; в ожидании календарных праздников и непосредственно во время празднования; во время качания на качелях; в моменты грусти и воспоминании об умерших родственниках; во время бесед; перед началом драк, - частушки определённой тематики сопровождали людей всю жизнь. При этом некоторые частушки могли использоваться в различных функциях, не всегда полностью подходящих под тематику частушки.

2.3. Традиционные поэтические формулы шекснинских частушек

По мнению известного исследователя фольклорной фразеологии А. Т. Хроленко, изучение поэтических формул помогает понять эстетические возможности устно-поэтического произведения [Хроленко 1981: 4]. Особенностью языка фольклора является, как известно, его традиционность, клишированность [Толстая 2015], наличие «общих мест» [Веселовский 2011: 241], стереотипных элементов [Еремина 1981; Рошияну 1974; Хроленко 1981: 7]. Исследователи фольклора как феномена культуры говорят о том, что формульность является «непосредственным проявлением канона в традиционной культуре» [Мальцев 1989: 6].

Задача данного исследования – определить структурные типы и семантику формул шекснинских частушек. Для этого нам необходимо уточнить термин *формула*, определить, какие *объекты фольклорного текста* мы можем обозначать этим понятием.

В зарубежной и отечественной фольклористике, литературоведении и лингвистике формулами называют самые разные объекты текста – в том числе в зависимости от исследуемого жанра. Существует мнение, что формула сама по себе является носителем признаков определённого фольклорного жанра [Зуева 2002: 389]. Исследователь традиционных формул необрядовой лирики Г. И. Мальцев отмечает также, что понимание различными учёными объёма термина «формула» зависит от жанра и вида народного творчества [Мальцев 1989: 5].

Термин «формула» в отношении литературных и фольклорных поэтических текстов стал употребляться в науке конца XIX – начала XX века (см, например, труды М. Перри [Parry 1971], А. Н. Веселовского [Веселовский 2011]). Исследуя язык Гомера, «формулой» М. Перри называл группу слов, которая регулярно используется в одинаковых метрических условиях для выражения определённой важной идеи (*«group of words which is regularly employed under the same metrical conditions to express a given essential idea»*) [Parry 1971].

А. Н. Веселовский широко понимал термин «формула» и использовал его (в зависимости от исследуемого жанра) как для обозначения постоянных эпитетов, так и для обозначения мотивов фольклорного произведения – в таких случаях формула может быть выражена целыми текстовыми блоками [Веселовский, 2011].

Рассматривая формулы сказок, Н. Рошияну выделяет три основных вида традиционных формул (инициальные, медиальные и финальные), состоящие как из одного-двух слов, так и из словосочетаний, предложений, нескольких предложений [Рошияну 1974].

Объектом внимания С. Б. Адоньевой становятся «звуковые формулы» обрядовой лирики, под которыми исследователь понимает «звуковые комплексы, устойчиво сохраняющиеся в песенных фольклорных произведениях» [Адоньева].

Изучая язык былин, исследователи отмечают также так называемые «формульные диалоги», которые характеризуются «типовой последовательностью и типовым соединением реплик, выражающихся формулами» [Черноусова 2012: 107]. В этом случае «формулы в узком смысле (клишированные словосочетания, предложения) образуют целый *формульный диалог*» [Черноусова, 2012: 109].

Близко к термину *формула* такое понятие, как устойчивый словесный комплекс (УСК) [Хроленко, 1981]. А. Т. Хроленко, исследуя поэтическую фразеологию лирической песни, определяет УСК как «фрагмент песенного текста, обладающий константными элементами, устойчивый, не связанный с определённым сюжетом и повторяющийся в различных по тематике текстах». Это понятие исключает однословность (которая, заметим, может быть присуща формуле в узком её понимании) и, по мнению А. Т. Хроленко, «само может входить как вид в родовое понятие устойчивых структур фольклорного текста» [Хроленко 1981: 21].

Вслед за Е. Б. Артеменко, известным исследователем языка фольклора, формулой мы будем называть «устойчивые речевые и языковые образования, несущие в себе кванты традиционной культурной информации» [Артепенко 2005: 100]. Это самое общее определение данного термина, применимое к формулам

произведений самых разных жанров устного народного творчества и в качестве объекта предполагающее самые разные языковые образования.

Следует отметить, что наравне с понятием «формула» исследователи фольклора употребляют также и расширенные термины, такие как: *традиционная формула* [Гриневич 2016; Егорова 2016; Мальцев 1989; Рошияну 1974], *устно-поэтическая формула* [Мальцев 1989], *поэтическая формула* (в описании фольклорного текста) [Гриневич 2016], *фольклорная формула* [Артеменко 2005].

Как и любой научный термин, традиционные формулы имеют объектное и концептуальное содержание, которое определяется функциями этих формул в тексте. Далее остановимся на вопросах: во-первых, какие структурные типы фольклорных формул встречаются в шекснинских частушках, а во-вторых, какие функции имеют фольклорные формулы в изучаемых нами текстах.

2.3.1. Структурные типы фольклорных формул

При исследовании языка шекснинских частушек мы выявили различные по языковой структуре устойчивые элементы фольклорного текста, которые, на наш взгляд, можно отнести к традиционным формулам.

1. **Отдельные словоформы**. В шекснинских частушках нередки формульные зачины, состоящие из словоформы существительного в косвенном падеже с предлогом. Например: ***У милашки*** *в пятистенке / Везде огни горят. / Все родные собираются – / Его женить хотят;* ***У милашки*** *матка-бес – / Выбирает всё невест. / Погляди на сына милого, / Какой он у тя есть;* ***У милашки*** *матушка / Хуже лихорадки. / Шти варила – пролила / Дроле на запятки;* ***У милашки*** *глазки чёрны, / Чёрны, черноватые. / Он завлёк, а я влюбилась - / Оба виноватые* [ЯСРД].

Исследуя обрядовую лирику, С. Б. Адоньева описывает такое явление, как *звуковые формулы* – «звуковые комплексы, устойчиво сохраняющиеся в песенных фольклорных произведениях и выполняющие в них определенные конструктивные функции» [Адоньева]. В шекснинских частушках качестве

зачина могут выступать междометия и частицы: *р-р-р, эх, ой, ох, ух, жо, да, то*. Например: ***Эх**, я любила **да,** когда ива **да** / К ветру-**то** приклонялася. / **Эх**, я любила-**то** разлучать **да**, / Теперь-**то** сама рассталася* [КЧШР]. Особо отметим «Рыканье» как специфичную черту – устойчивый языковой элемент частушечного жанра и, в частности, шекснинских «парнечьих» (хулиганских) частушек. Текстов с «рыканьем» исследователями зафиксировано немного (примеры мы обнаружили в коллекциях архивов Вологодского и Череповецкого центра традиционной народной культуры [МЧЦТНК]), однако сохранились упоминания информантов о том, что такая черта была специфична, и чаще всего парни «рыкали в конце», исполняя частушки [МОНМЦ]. Например: *Не стало голубя на крыше, / Соловея - пеуна, **р-р-р**. / Не стало верного товарищша, / Теперя у меня, **р-р-р*** [МОНМЦ]. В следующем примере «рыканье» расположено в начале текста и является неотъемлемой его частью: ***Р-р-р**, картошина, / Сбоку опалённая, / Сероглазая моя / Осталась нелюблённая* [МОНМЦ].

2. **Именные словосочетания** являются, по нашим наблюдениям, наиболее распространённым типом фольклорных формул. Более половины из них – это словосочетания с главным словом – существительным. Исследуя фразеологию лирической песни, А. Т. Хроленко также наблюдал подобную особенность, утверждая, что в народно-песенной фразеологии имена существительные являются стержнем фразеологических единиц [Хроленко 1981: 20].

Среди субстантивных словосочетаний можно выделить наиболее продуктивную группу – сочетание прилагательное + существительное (с прямым порядком слов): *задушевная подруга, чисто поле, серые глаза, красно солнышко, светлый день, холодный ветерок, быстрая река, белое лицо, белое платье, крутой бережок* и пр. фприведём пример текста:: *Меня зарёй не нарумянишь / И зарёй не набелишь, / **Красно солнышко** не греет, / **Светлый день** не веселит* [КЧШР]. Данные устойчивые сочетания, в свою очередь, могут включаться в более сложные устойчивые конструкции, например: ***Закатилось красно солнышко** / За речку за Неву. / Скажите самому любимому – / Без него жить не могу.*

Закатилось красно солнышко *- / Не будет больше греть. / Отвалилось право крылышко - / Тебя милый жалеть* [ЯСРД].

Отметим также группу субстантивных словосочетаний с инверсией (существительное + прилагательное): *слёзы горючие, маменька родимая, небо синее, глазки серые, осина проклятая* и пр. Например: *Ой, подруга милая, / Горело* ***небо синее****, / Горело-разгоралося, / Я с милым расставалася* [КЧШР]. *Не кукуй, кукушка в поле / На* ***осине проклятой****. / Седь на белую берёзку / Пококуй над сиротой* [КЧШР].

Характерны для шекснинских частушек формулы – сочетания существительного (или субстантивированного прилагательного) с притяжательным местоимением: *милая моя, милушка моя, лиходеечка моя, товарочка моя. Раньше, было, запевала, / Запевалоцькой была. / А тепере запевалоцькой /* ***Товароцька моя*** [ЛПВЧ]. ***Лиходеецькя моя****, / Тонкая и вялая, / Неужель милашка любит / Эдакова дьявола* [ЛПВЧ].

К фольклорным формулам мы отнесли также некоторые нумеративные словосочетания: *четыре годика; девяносто песен, две кукушки*. Например: ***Девяносто песён*** *знаю, / Все сейчас перепою. / В каждой песне, в каждом слове / Ягодинку помяну* [МОНМЦ]. *Кабы знала, так не стала / Безольготного любить. / Каково* ***четыре годика*** */ Без милого прожить* [ЯСРД].

3. В шекснинских частушках представлены формулы, выраженные характерными для фольклорных текстов **биномами-репрезентативными парами**: *жили-были, думала-гадала, жениться-венчаться, горело-разгоралося, братик-побратим, родители-губители, девки-матушки*. Например: *Ох,* ***братик-побратим****, / Давай корову продадим, / А купим маленькую, каренькую, / Сто рубликов дадим* [КЧШР]. *Всё я* ***думала-гадала****, / Чем головушку кормить. / А я на то расположила – / Лучше в девушках пожить* [ЯСРД].

4. Предикативные фольклорные формулы. Исследователи отмечают, что поэтическая роль глаголов очень существенна в народной лирике [Мальцев 1974: 30]. В шекснинских частушках мы также наблюдаем значительное число устойчивых глагольных конструкций разных типов.

Многие традиционные формулы шекснинских частушек представляют собой **нераспространенные и распространённые предикативные конструкции** разного состава. Наиболее характерны для таких фольклорных формул двусоставные предложения: *белоус косила я; закатилось красно солнышко; меня милый забывает; на горе стоит часовенька; Хорошо игрок играет; все я песни перепела; изменил мине залётка* и пр. Например: (1) ***Хорошо игрок играет***. */ Игрока бы полюбить, / Только совести не хватит / У товарочки отбить.* ***Хорошо игрок играет****, / Но не как залётка мой. / Мой залётка заиграет – / Закачает головой.* (2) ***Две кукушки куковали*** */ На одном на прутике. / Две девчонки тосковали / Об одном некрутике.* ***Две кукушки куковали*** */ На одной на ивушке. / Не мог в тальяночку сыграть – / Стосковал по милушке.* (3) ***Я к обеденке ходила****, / Всё вставала наперёд. / Не моё ли, девки, золото / На крылосе поёт.* ***Я к обеденке ходила****, / Богомольничала. / Прямо милого стояла – / Всё промодничала* [ЯСРД].

Большая группа глагольных формул шекснинских частушек представляет собой предикативное сочетание глагола-сказуемого с винительным падежом существительного - прямого дополнения: *ягодиночку убили; сердце тешить; думу думать; терпеть горе; горе горевать; песни петь; жать рожь и пр.* Например.: ***Жала рожь*** *зелёную, / Глядела в одну сторону. / Не сократить родителям / Отчаянную голову* [ЯСРД].

Представлены также в шекснинских частушках и фольклорные формулы, грамматическая структура которых состоит из глагола-сказуемого в сочетании с различными обстоятельствами (места, времени, образа действия, причины), выраженными наречиями и существительными с предлогами. Например, глагол – сказуемое с обстоятельством места: *дома ругают, идти по бережку, пойти на реку, пройтись по деревеньке и пр. Я на миленьком рубашечку / Бурдовую люблю. / За него* ***дома ругают*** *– / Я расстаться не могу* [ЯСРД]. Глагол-сказуемое с обстоятельством причины: *запеть с веселья. Я не пела да не пела, / Вдруг* ***запела*** *хорошо. / Девки думают* ***с веселья*** *– / Ко мне горюшко пришло* [ЯСРД]. Глагол-

сказуемое с обстоятельством времени: *забывать навеки, расстатья навеки*. *Из крутых из бережков / Волны выливалися. / Какой печальный вечер был – / **Навеки расставалися*** [ЯСРД]. Глагол и обстоятельство образа действия: *веселее играть, играть в тальяночку*. *Ты играй, тальяночка, – / **Играй повеселяе.** / Времечко скушливое, / Катися поскоряе* [ЯСРД].

5. Устойчивые формулы, имеющие структуру **односоставных предложений**, также представлены в шекснинских частушках: *меня дома караулят; говорят* и пр. Например: *Говорят, в колхозе худо, / А в колхозе хорошо, / А до обед телегу ишшут, / А с обеда колесо* [МОНМЦ].

6. Достаточно большую группу формул составляют **предложения, осложнённые обращениями**: *не ходите, девки, замуж; вспомни, дроля, как гуляли; вспомни, милая подруга; ветерочки, дуйте; давай, миленький, простимся* и пр. Например: ***Давай, миленький, простимся,*** */ Ни к чему наша любовь. / Теперь нас ты не обманешь – / Не семнадцати годов* [ЯСРД]. Сами обращения нередко являются устойчивыми фольклорными формулами, например: *задушевная подруга, сероглазая моя, лиходеечка моя* и др.

7. Реже в шекснинских частушках встречаются фольклорные формулы со структурой сложных предложений. Например: *А **говорят, что боевая**, / Бойковако ли беру, / Боевая боевово / Сибе дролю выберу* [МОНМЦ]; ***Говорят, что боевая**, / Правда, я боёвушка, / Мине и дома от родителей / Большая волюшка* [МОНМЦ].

8. Формульным характером обладают в шекснинских частушках **устойчивые сравнительные конструкции**: *вянуть, как цветок; вянуть, как трава; цвести, как роза; как собака; как в поле ветер; как цветочек аленький; гореть, как огонёк* и пр. Например: *Кабы не было зимы – / Не было (б) мороза. / Меня милый поцелует – / Я **цвету, как роза*** [КЧШР]; *Мне сказали про милого – / Худенький да маленький. / Погляжу я на него – / **Как цветочек аленький*** [КЧШР].

9. В качестве традиционных формул выступают особого типа **конструкции с однородными членами предложения**. В этих конструкциях однородные члены

предложения связанны по смыслу отношениями противопоставления или сопоставления, выражению которых способствует частица ***не*** при одном из однородных членов и соответствующая интонация. Например: *Задушевная подруга, / Заиграла девушка я, / **Не чужая** заиграла, / **Наша** деревенская* [МОНМЦ]; *На гацелюшке **гацялась**, / **Не боялась** высоты. / Дроля выхватил гребёлоцьку / Из русые косы* [МОНМЦ]; ***Пляши**, Матвей, / **Не жалей лаптей**. / Старые – порвутся, / Новые – найдутся* [КЧШР].

10. Формульный характер имеют различные **параллельные конструкции**. К ним относятся параллельные отрицательные конструкции трех типов : *не + сущ. // не + сущ.; не + гл. // не + гл.; не + прил. // не + прил*. Например: ***Не от солнышка** рябина / Кисти принавесила. / **Не от радости** девчонка / Голову повесила* [КЧШР]; ***Не запить** мне это горюшко / Ни пивом, ни вином; / **Не забыть** мне ягодиночку / Ни вечером, ни днём* [МОНМЦ]; ***Не красивая** сосна – / Красивой подсосёночок. / **Не красивая** сама – / Красивой помилёночок* [МОНМЦ].

Отмети также параллельные конструкции, построенные по типу риторических вопросов с отрицательной частицей *не* и вопросительной частицей *ли* (*Пела песенки, вот песенки. / **Не грех ли** было мне? / Любила дроленькины глазоньки, / **Топеря, где оне**?* [МОНМЦ]) или с частицей *неужели не*, выражающей удивление, сомнение (***Неужели** не нальётся / В сердце аленькая кровь? / **Неужели** не вернётся, / Дроля, старая любовь?* [МОНМЦ]).

Ещё одна группа формульных конструкций параллельного типа состоит из предложения, которое выражает тему частушки и является зачином, и последующей цепочки эллиптических однородных по структуре предложений, развивающих и конкретизирующих эту тему. Например: *Из Квасюнина ребят идёт гужом: / Федю Рогова – в телегу запряжём, / А Стафия - повозничать, / А Беляева – модничать, / А Гореву - кнутом погонять, А Жубрику – сзади бежать* [ЯСРД]; *У меня милёнков пять, / Пять и полагается: / Один мал, другой велик, / С третьим мама не велит, / А четвёртый – пьяница, / А пятый мне не нравится* [КЧШР]; *Миня сватали сваты / Богаты-прибогатые: / Четыре кошки, два*

кота / Лохматы-прилохматые [КЧШР]. Такая конструкция могла быть унаследована частушкой от скоморошьих песен.

11. Формульный характер также имеют **мотивы**, которые встречаются в шекснинских частушках. Это более широкая языковая единица, которая может быть выражена различными синтаксическими и лексическими средствами. Приведём примеры.

- Мотив «*разлука с милым*»: *Платье чёрноё одела, / Мама заругалася: / - Ты не так (его) одела, / С кем-нибудь рассталася* [КЧШР]; *Сизокрылый голубочек, / Ягодиночка моя, / Прилети на вечерочек – / Сиротой гуляю я* [КЧШР]; *Ты, сорока-белобока, / Научи меня летать, / Не высоко, не далёко, / Только милова видать* [КЧШР].

- Мотив «*смерть из-за несчастной любви*»: *Я пойду и утоплюсь / Из-за ево красивова, / Да пусть моя могила будет / Среди моря синева* [КЧШР]; *Когда я в могилу лягу, / Пусть во мне остынет кровь. / Тогда, девушка, забуду / Всю проклятую любовь* [ЯСРД]; *Я умру – не хороните. / Гроб поставьте в уголок. / Пуся миленький поплачет / У моих холодных ног* [ЯСРД].

Отмечая устойчивость структуры формулы, исследователи говорят также и о таком её свойстве, как вариативность, которая, как известно, свойственна фольклорному языку [Рошияну, 1974: 8; Герасимова, 1978: 18; Зырянов, 1974: 17]. В ходе исследования мы обнаружили, что, как и в фольклорных формулах лирических песен и сказок, формулы частушек могут иметь различные варианты. Образование вариантов формул в шекснинских частушках на фонетическом уровне происходит в связи с диалектными особенностями произношения (цоканьем, оканьем и пр.). В записях частушек одна и та же формула может встретиться как в диалектном, так и в общерусском литературном вариантах произношения: *милёноцок // милёночек, ягодиноцькя // ягодиночка, поиграй повеселяе // поиграй повеселее*. Следует отметить, что запись многих текстов шекснинских частушек, которые мы исследуем, не всегда велась собирателями с учётом особенностей говора [МОНМЦ; ЯСРД].

Встречаются также фольклорные формулы со словообразовательными вариантами слов: *белая берёзка // белая берёзонька; белая кофта // беленькая кофточка; матушка родимая // родная мама* и пр.

В традиционных формулах в зависимости от контекста могут варьировать грамматические формы слов (*Богу помолилася // Богу помолилися)*, а также лексический состав грамматически зависимых слов и порядок их следования: *берёзка под окошечком // берёзка выше дому; вспомни, милая подружка // вспомни, милой // вспомни, дроля; говорят, что бойкая // говорят, что я бойкая; мене милый изменил // изменил мине залётка // мене дроля изменил; мы под яблоней сидели // мы под ёлочкой плясали* и пр.

Таким образом, было установлено, что в шекснинских частушках широко используются устойчивые формулами различной синтаксической структуры: отдельные словоформы, словосочетания разных видов, биномы-репрезентативные пары, простые и осложненные предложения разного состава, экспрессивные параллельные конструкции различного типа. Согласно нашему исследованию, наиболее обширна группа формул - субстантивных словосочетаний. Преимущество подобных формул отражает общефольклорную ситуацию.

В шекснинских частушках встречаются как фольклорные формулы, характерные для других жанров устного народного творчества, так и формулы, присущие исключительно частушкам.

2.3.2. Семантика и генезис общефольклорных формул в шекснинских частушках

Поскольку изучаемый нами материал представляет собой частушки, собранные на протяжении нескольких десятилетий (самые старшие информанты были свидетелями дореволюционной эпохи развития традиционной культуры), то, как уже отмечалось, в поле нашего зрения оказались тексты разных периодов. Генезис частушки до сих пор остаётся вопросом до конца не изученным, дискуссионным [Горелов 1984: 336]. В настоящее время разрабатываются новые

теории о соотношении жанра частушки и других жанров фольклора [Дранникова 1994; 1995; Кулёва 2003; 2008а; 2008в]. По нашим наблюдениям, исторические корни частушки наиболее ярко проявлены во множестве фольклорных формул, унаследованных частушкой из тех или иных жанров. Задача, которую мы ставим в данном разделе, - установить функции и семантику фольклорных формул шекснинских частушек, их связь с другими жанра фольклора.

Общефольклорные мотивы шекснинских частушек, имеющие формульный характер

Наибольшее количество шекснинских частушек содержат формулы-мотивы, свойственные **лирическим песням**. Мотивы лирических песен, их главные образы, символика исследованы в работах Т. М. Акимовой, Н. П. Колпаковой, С. Г. Лазутина, Г. И. Мальцева, В. М. Сидельникова [Акимова 1966; Колпакова 1962; Лазутин 1978; Мальцев 1989; Сидельников 1959] и пр.

Приведём примеры текстов, включающих **сложные формулы-мотивы** (могут содержать в себе также множество частных), соотносящиеся с формулами лирических песен.

Формула-мотив «***горе от несчастной любви***»: *Я пойду и утоплюсь / Из-за ево красивова, / Да пусть моя могила будет / Среди моря синева* [КЧШР]; *Печка топится, голаночка, / Валит зелёный дым. / Никто не знает, как страдаю / Своим сердцем молодым* [КЧШР]; *Я любила из конавы / Камушки выкидывать. / Любила серенькие глазки, - / Больше их не видывать* [КЧШР]; *Я на розову подушечку / Реву, реву, реву. / Эта розова подушечка / Не скажет никому* [КЧШР]; *Меня зарёй не нарумянишь / И зарёй не набелишь, / Красно солнышко не греет, / Светлый день не веселит* [КЧШР]; *Ты родила б, матушка, / Родила б меня камушком, / Опустила б в морюшко – / Не знала б дочка горюшка* [КЧШР].

Формула-мотив «***измена милого***»: *Говорят, мине измена / От любого парнюка. / Я и место приготовила – / Глубокая река* [КЧШР] (относится также к ТП «смерть»); *Изменил мене миленочек, / Кудрявый волосок, / Ходит мимо*

огорода, / Задирает свой носок [ЛПВЧ]; *А задушевная подруга, / Нюра милая моя, / Мине не вынести изменушки, / Не каменная я* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***разлука с милым***»: *Сизокрылый голубочек, / Ягодиночка моя, / Прилети на вечерочек – / Сиротой гуляю я* [КЧШР] (относится также к ТП «одиночество»); *Ты, сорока-белобока, / Научи меня летать, / Не высоко, не далёко, / Только милова видать* [КЧШР]; *Балалаечка гудит, / Иё не переделаёшь, / У меня далёко дроля, / По него не сбегаёшь* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***пойти замуж за нелюбого***»: *Выходите, девки, замуж / За любимых за ребят. / А нелюбой навяжется, / Дак долг век покажется* [МОНМЦ]; *Запросватали меня / Идти за нелюбого. / Сиротой оставила / На веки дорогого* [ЯСРД]; *Нелюбой приехал свататься. / Любой сидит у нас. / С мамы волю не снимаю – / За которого отдаст* [ЯСРД].

Формула-мотив, уходящая корнями в архаичную обрядовую традицию и древнейшие фольклорные жанры (в том числе – эпические), «***вести разговор с миром природы***»: *К быстрой речке подошла, да, / На колени пала / Скажи, быстрая река, / Куды дролю девала?* [МОНМЦ]; *А к быстрой речки походила, / Говорила: «Волны, да». / Волны девушку не принили, / Сказали: «Молода»* [МОНМЦ]; *Пойду выйду в чисто поле, / Погляжу в ночную даль. / Ветры буйные сказали: / «Не придёт – не ожидай!»* [ЯСРД]; *Выйду на гору крутую, / Буду с лесом говорить: / - Скажите, ёлочки зелёные, / Любить или забыть?* [КЧШР].

Также в частушках содержится множество **частных мотивов** (более узких по смыслу), характерных для лирических песен. Приведём примеры.

Формула-мотив «***венчание милого***»: *Поедешь, миленький, венчаться, / Заезжай ко мне прощаться. / Возьми думушку мою, / Положь на гривушку коню* [МСЦТНК] (формула «*поедешь венчаться – заходи прощаться*» – также очень распространена в лирических, хороводных песнях); *Черный ворон сел*

высоко / На сушёной на ели. / Сегодня милого венчали, / Меня под руки вели [МСЦТНК].

Формула-мотив «***сердечные переживания из-за несчастной любви / разлуки***»: *Я подумала про дролечку, Про старую любовь. / Начинает ныть сердечкё, / Стынет аленькяя кровь* [МОНМЦ]; *Как подумаю про милушку, / Сердечко заболит, / Спасибо, милая товарочка / Придёт, поговорит* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Ты, ретивое сердечушко, / Во мне больно не ной. / Жить без милого привыкла. / Очень весело одной* [ЯСРД]; *Да игру тебе «спасибо» / Я не буду говорить. / Изменённая девчоночка – / Ретивое болит* [КЧШР]; *Ягодиночка далеко, / Ой, далеко, во дали. / Скоро я его увижу, / Ретивое не боли* [ЛПВЧ].

Формула-мотив «***изготавливать мост через речку / переходить на другой берег***» (также характерна для свадебного фольклора): *Через речку быструю / Я мосточек выстрою. / Ходи, милый, ходи, мой, / Ходи летом и зимой* [КЧШР]; *Ягодиночка по льдиночке, / А я – по берегу, / Перекинь, милой, тростиночку – / К тебе перебегу* [КЧШР]; *Я по берегу иду – / Берег осыпается. / Самоходочкой уйду – / Мама заругается* [ЯСРД]; *Я по берегу иду, / Кидаю камушки ко дну. / Не треплися, ягодиночка, / Люби меня одну* [ЯСРД]; *Я по бережку ходила, / Осыпалси бережок. / Ой, было каменно сердечушко, / Да милка разожёг* [МОНМЦ]; *Я иду, иду по бережку / Оглядываюся. / Не отбили бы милёночка / Побаиваюся* [ЯСРД].

Формула-мотив «***лить (горючие) слёзы***»: *Думала, шчо ни заплачу, / Об любове никогда. / Покатились мои слёзы, / Шчто по зерьгалу вода* [МОНМЦ]; *А я не буду больше плакать, / Слёзы горькие не лить. / Синя моря не наполнишь / И любовь не воротишь* [КЧШР]; *Буду пить холодну воду / Изо всех текучих рек. / Буду лить текучи слёзы / По тебе, милаша, век* [ЯСРД]; *Мы с милашкой расставались – / Оба вместе плакали. / Дорогому на колени / Мои слёзы капали* [ЯСРД].

Формула-мотив «***ходить по (осыпалистому) берегу***»: *Я по берегу иду, / Берег осыпалистый. / Задушевная, в любови / Надо быть смекалистой* [КЧШР]; *Я по бережку ходила, / Берег осыпался, / Я беззубого любила, / Чтобы не кусался* [КЧШР].

Формула-мотив «***вянуть (желтеть), как трава***»: *У родимой-то у матушки, / Как алый цвет, цвела. / У лихие у свекровушки / Завяла, как трава* [ЯСРД]; *Ты женился да и плачешь. / Поглядика-ко на меня – / Я гуляю, как цветочек, / А ты вянешь, как трава* [ЯСРД].

Генетическая близость частушек и **скоморошьих песен** несомненна [Зырянов 1974; Дранникова 1994]. Формулы скоморошьих песен могли также проникнуть в частушку посредством родственных скоморошинам жанров, таких как **детско-материнские песни** (потешки, небылицы), **свадебные попевки, юмористические песни, плясовые песни, обрядовые песни**. Рассмотрим, как в шекснинской частушке проявляются формулы перечисленных жанров фольклора.

В шекснинских частушках встречаются формулы-мотивы, характерные для скоморошьих (и детских) сказок и песен-небылиц [Власова 2001; Дранникова 1994]. Приведём примеры.

Мотив «***беременный мужик***»: *Выколачивайтё ноги, / Выговаривай язык. / Не скажу в какой деревне, / Есть беременный мужик* [МОНМЦ].

Мотив «***роды мужчины (парня)***»: *Ой-ой-ой, какое диво: / Парень девушку родил – / Четыре года, восемь месяцев / Беременный ходил* [КЧШР]; *Хорошо тебе, товарищь, / Тебя мама родила, / А меня родил папаша – / Мама в городе была* [КЧШР].

Формула-мотив «***роды богатыря***», также встречается в шекснинских частушках: *Меня матушка рожала – / Вся сыра-земля дрожала. / Батька бегает, орёт: / - Зимогора бог даёт!* [КЧШР]. Формула, используемая в данном тексте («*мать рожала – земля дрожала*») характерна не только для скоморошьих песен, но и для **былин** (и других **эпических произведений**) [Дранникова 1994]. В

другом тексте частушки встречается уже пародия на подобную формулу, в связи с чем создаётся комический эффект: ***Когда мать меня рожала, / Вся милиция дрожала***, */ Потому что моя рожа / На бандитскую похожа* [КЧШР].

Архаичная формула-мотив, унаследованная частушкой из скоморошьих песен – «***корить какую-либо деревню и её жителей***». Приведём примеры шекснинских частушек с такими формулами-мотивами: *Плешаково-то деревня, / Ровно мыший городок: / Нет ни ложки, ни мутовки, / Ровно леший уволок* [МОНМЦ]; *Плешаково-то деревня – / Удивительной народ: / То кривые, то слепые, / У ково болит живот* [МОНМЦ]; *На Овинце на горушке / Нету хлеба не краюшки, / Летом яблоки едят, / Зиму голодом сидят* [МСЦТНК]; *На Квасюнине ребята – / Словно серые котята. / Они хлопнули ушам – / Побежали за мышам* [ЯСРД]; *Костыгово – то деревня, / Ровно мышой городок, / Не квашонок, не мутовок, / Ровно лешой уволок* [МОНМЦ]; *Как на Красново идти – / Кустики да мостики. / Как у красновских ребят / Поросячьи хвостики* [КЧШР].

Частушки с формулой-мотивом «*корить деревню и её жителей*» часто исполняется информантами в ряду мужских («парнечьих», хулиганских) частушек, с целью раззадорить «партию» парней соседской деревни, посоперничать (сначала в умении «уколоть» частушкой, а затем и – в драке).

Формулы-мотивы с величальной и шутливо-корильной семантикой встречаются в отношении родственников (участников свадебного обряда) в **свадебном фольклоре** Русского Севера. В коллекции шекснинских частушек зафиксирована группа текстов свадебной тематики, некоторые из которых содержат подобную формулу-мотив: *Как у нашего у свата / Очень свадьба весела; / Гости весело гуляют, / Молодуха хороша* [МОНМЦ]; *У нашего дружки / Ноги, как клюшки, / Руки-бадоги, / Подбирайте пероги* [МОНМЦ].

Подобные формулы-мотивы встречаются также в частушках, не связанных со свадебной тематикой, например: *У милашки матушка / Хуже лихорадки. / Шти варила – пролила / Дроле на запятки* [ЯСРД]; *У милово матка*

бес, / Выбирает всё невест. / Та мала, та велика, / Эта хлеба много ест [МОНМЦ; МЧЦТНК].

В коллекции шекснинских частушек также тексты с формулой «*корить кого-либо*» относятся к большим тематическим группам «ревность» и «измена». Корят в таких текстах, как правило, своих соперниц, шутливо подчёркивая их недостатки или используя абсурд в их описании: ***Лиходейка съела пестик**, / Нечем яблоки толчи. / Я у тя не отбивала, / Супостаточка, молчи* [ЛПВЧ*]; Лиходеечки не знала – / берегом пронёс. / **Кабы трубы да колёса – / Настоящий паровоз*** [КЧШР]; *Лиходеечки не знала – / Указал залётка сам. / **А не особенно красива: / Жидконогая, с косам*** [КЧШР]; *Лиходеечка-**цыганочка, / Цыганская потерь. / Цыгане ехали и выронили, / Шляется теперь*** [ЛПВЧ].

Величальные и корильные формулы-мотивы встречаются не только в старинных скоморошинах и свадебных песнях, но и в **лирических, бытовых, плясовых песнях**, в силу чего частушка могла унаследовать данный мотив и опосредованно, однако влияние скоморошин и свадебных песен на формирование жанра очевидно.

В коллекции шекснинских частушек встречаются тексты с формулами-мотивами, схожими с **календарными песнями**. Приведём примеры текстов.

Формула-мотив «***ожидание праздника***»: *Скоро, скоро Троица, / Березоньки покроются. / Скоро милого увижу, / Сердце успокоится* [ЛПВЧ]; *Скоро, девки, Троица, / Березонька покроетца. / Земля белым снежком, / А невеста женишком* [МОНМЦ]; *Не дождаться, девушки, / Казанские осённые, / Со Казанские пойдут / Вечера весёлые* [МОНМЦ]; *Скоро, девушки, Покров, / Скоро нам гуляночка. / Скоро, скоро заиграет / Милого тальяночка* [МСЦТНК]

Формула-мотив «***начало нового годового периода***»: *Нынче Масленца сгорела, / Настаёт Великой пост, / Сидит кошка на окошке, / Вышивает себе*

хвост [МОНМЦ]; *Нынче Масленца проходит, / Настаёт Великий пост. / Все корзинки пригорели, / Нищета поджала хвост* [МОНМЦ].

На севернорусские частушки, генетически восходящие к **причитаниям о покойнике**, особое внимание обратили в своих работах Н. В. Дранникова и С. Р. Кулёва [Дранникова 1994; Кулёва 2008а]. В коллекции шекснинских частушек обнаруживаются тексты, которые содержат формулы причетов. Приведём пример.

Формула-мотив «***потерять мужа/милого – потерять правую руку***», а также формула «***милый – правое крылышко***», «***рука – крылышко***»: *У ково какоё горё, / Как севодня у миня; / Право крылышко отпало – / Убили дролю у миня* [МОНМЦ]; *Закатилось красно солнышко - / Не будет больше греть. / Отвалилось право крылышко - / Тебя милый жалеть* [ЯСРД]. Данные формулы встречаются также в шекснинских причетах, например: *Уж ты встань-кё, моё ладо милоё. / Уж встань-кё, моё любимоё. / У мня* ***отпала да права руценькя***. */ У мня* ***не стало да права крылышка*** [МОНМЦ].

Приведём примеры текстов, в которых обнаруживаются также другие формулы-мотивы, характерные для поминальных причитаний Русского Севера, описанных в работах исследователей русского фольклора [Адоньева 1998; Альтшулер 2007; Васильев 1971; Герасимова 1998; Ефименкова 1980; Чистов 1960].

Формула-мотив «***приходить на могилу и обращаться к покойнику***» и формула-мотив *«слишком ранняя смерть»*: *Я к ограде подходила, / Стало сердце замирать: / Не твои ли, милой, годы / Во сырой земле лежать* [МОНМЦ]; *Я к ограде подходила, / За оградой – новой гроб; / Рано, рано, ягодиночкя, / В сыру земелькю лёг* [МОНМЦ]; *Рано, рано, ягодинка, / Проходную в руки взял, / И земелькёй завалили, / И миня любить не стал* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***будить покойника***»: *Я пойду я на могилку, / Роскопаю милова; / Не лопатой, не с рукам, / Не горючими слезам* [МОНМЦ]; *Я к ограде*

подходила, / Ключ серебряной нашла; / Ты вставай-ка, ягодиночкя, / Тебя будить пришла [МОНМЦ]; *По погосту похожу / Клубочком покатаюся. / Родного папу побужу, / На всех пообижаюся* [СЦТНК].

Формула-мотив «***просить покойника выйти из могилы***»: *Я у дроли на могиле / Кубарём каталасё; / Ты вставай-ко, ягодинка, / Я уж наскиталася* [МОНМЦ];

К частушкам, восходящим к причетам о покойнике, исследователь архангельской частушки Н. В. Дранникова относит также и «частушки-жалобы», в которых встречаются формулы-мотивы «*жизнь на чужой стороне», «сиротство»* [Дранникова 1994: 4]. Подобные формулы очень часто встречаются также в **женских лирических песнях**. Частушки с такими формулами-мотивами также зафиксированы в Шекснинском районе, например: *Посидела бы одна, / Думушку подумала, / Как я бедна сирота / Кажинный день обругана* [ЯСРД]; *Ой, стань-ко, матушка, да пораньше / И послушай-то на заре, / Ох, не твоя ли, мол, дочка плачет / Да на чужой-то стороне* [КЧШР].

Формулы-мотивы *сиротства* и *обращения к покойникам*, встречаются также в частушках, связанных с мотивом *обращения к кукушке*. Формулы «*кукование кукушки – сиротство*», обращения к образам покойников восходят к архаичному восточнославянскому обряду «плач с кукушкой», когда женщины уходили в лес и, слушая кукование кукушки, причитали по своим умершим родственникам, расспрашивали кукушку о них и просят передать сообщение о своей жизни [Толстая 2015]). Приведём примеры текстов шекснинских частушек.

Формула-мотив «***кукушка – сиротство***»: *Не кокуй, кокушка, в лисе / На осине проклятой; / Седь на белую берёзку, / Прококуй над сиротой* [МОНМЦ]; *Ни кокушка ли кокуёт, / Соловеюшко поёт, / Иё бедная головушка / Без папоньки живёт* [МОНМЦ]; *Ни кукушка ли кокуёт, / Соловеюшко поёт. / Моя бедная головушка / Без дролечки живёт* [МСЦТНК].

Формулы печали, разлуки, тоски, связанные с образом кукушки также близки формулам **лирических песен** (например, № 764, 1169, 1224, 1530 в сборнике П. В. Шейна [Шейн 1898]). Приведём примеры данных мотивов из сборника шекснинских частушек.

Формула-мотив «***кукование кукушки – разлука***»: *Где кукушечка кукует, / Тут соловушко поёт. / Милый, бедная головушка, / В солдатушки идёт* [ЯСРД]; *Не кукуй, кокушка, в лесе, / Не давай грибам расти; / Навязались злые люди, / Хотят с милкой розвести* [МОНМЦ]; *А не натти такова места, / Где кокушка клалася, / А не натти такова дролечки, / С каким россталася* [МОНМЦ]; *Горюшко, ты, горюшко, / Горюшко кукушкино. / От меня милой отстал, / Так счастьице подружкино* [ЯСРД].

Формула-мотив «***кукование кукушки – горе, тоска***»: *Две кукушки куковали / На одном на прутике. / Две девчонки тосковали / Об одном некрутике* [ЯСРД]; *Две кукушки куковали / На одной на ивушке. / Не мог в тальяночку сыграть – / Стосковал по милушке [*ЯСРД]; *Не кукуй, кукушка, здесь. / У меня досада есть. / Без твоего без голоска / Напала на душу тоска*. [ЯСРД]; *Раскукуется кукушка / Рано утром на зоре. / Разволнуется сердечко / На чужой на стороне* [ЯСРД]; *Горюшко, ты, горюшко, / Горюшко кукушкино. / От меня милой отстал, / Так счастьице подружкино* [ЯСРД].

Ряд частушек шекснинского района содержит формулы, характерные для **свадебных причитаний** (невесты, девушек): «*нежелание девушки покидать отчий дом*», «*чужая сторона*», «*тоска по матери, родителям*», «*нежелание идти замуж*», «*прощание с молодостью, красотой*». Приведём примеры текстов шекснинских частушек с такими формулами.

Формула-мотив «***нежелание покидать отчий дом***», «***тоска по родителям***»: *Из родительского дома / Неохота уходить, / Нету папеньки роднова, / Он не выйдет проводить* [МСЦТНК]; *Из родительскова дому / Было трудно выходить. / Нету матушки родимыё, / Не выйдет проводить* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***родная сторона – чужая сторона***»: *Сизьма – милая сторонушка, / Гористые поля. / Любить бы сиземского дролечку, / Да воля не своя* [КЧШР]; *Говорят, платок – к разлуке. / Я не верю никогда. / Не платочек разлучает, / А чужая сторона* [ЯСРД]; *Ты не езди, милый, в Питер. / Там чужая сторона. / Ты полюбишь питеряночку – / Забудешь про меня* [ЯСРД]; *Дома корочку бы ела, / На работе песни пела. / В людях чаю напилась – / Слезам горючим улилась* [ЯСРД].

Формула-мотив «***прощание с молодостью (и её атрибутами)***»: *Моя молодость проходит, / Что из печи чёрный дым. / Отдаёшь, папаша, замуж, / Я не гуливала с ним* [МСЦТНК]; *Попляшите-ка, сапожки. / Вам не долго поплясать. / Выйду замуж - буду плакать. / Вам на лавочке лежать* [ЯСРД].

Похожие формулы также встречаются в **лирической женской** фольклорной песне (лирическая героиня в таких текстах чаще всего – замужняя женщина). Приведём примеры текстов с такими формулами.

Формула-мотив «***тоска по уходящей молодости, красоте***»: *Молодая вышла замуж, / Поздно я хватиласё; / Прошла молодость моя, / Назад не воротиласё* [МОНМЦ]; *Дайтё ходу пароходу, / Роскрутитё паруса; / Пролитела моя молодость, / Завяла красота* [МОНМЦ]; / *Моя молодость проходит, / Что весенняя вода. / Не ходи, подружка, замуж / Без любови никогда* [МСЦТНК].

Формула-мотив «***жалобы матери на чужую сторону***»: *Стань-ко матушка пораньше, / Да послушай по зоре, / Как твоя-то дочка плачет / На чужой на стороне* [ЯСРД].

Рекрутские и армейские шекснинские частушки унаследовали основные поэтические формулы из **солдатских, рекрутских песен**. Приведём примеры текстов шекснинских частушек с такими формулами-мотивами.

Формула-мотив «***лишиться (новобранцу) прежней жизни***»: *Скоро в армию возьмут, / Травушки не кашивать, / По зелёной по траве / К сударушке не хаживать* [МСЦТНК]; *Мне не жалко батьки с маткой, / Мне не жалко двух*

сестёр, / Только жалко остаётся / Дров осиновых костёр [КЧШР]; *Скоро, скоро остроплют, да / Новоё крылечико, / А скоро в армию возьмут, да / Заболит сердечико [*МОНМЦ]; *Некрута гуляют тихо, / Одоляет скука их, / Оне Родины лишаются, / Сударушок своих* [МОНМЦ]; *Некрута, вы, некрута, / Вам дорожка не туда; / Вам дорожка во приём, / Зелёна крыша, белой дом* [МОНМЦ]; *Некрута – некрутики, / Ломали в поле прутики, / Ломали да и ставили, / Любили да оставили* [МОНМЦ.]

Формула-мотив «***во солдатушках – не дома***», «***чужая сторона***»: *Во солдатушках – не дома, / Не у матушки родной. / Не согреет самовара, / Не скричит: «Иди домой!»* [МСЦТНК]; *Во солдатушках - не дома, / Тихо времечко идёт. / Опиши мине, товарищ, / Как сударушка живет* [МСЦТНК].

Формула-мотив «***обращение к матери с просьбами***»: *Скоро в Армию забреют, / Матушка родимая, / Пожалей мою милашку / Вместо сына милого* [МСЦТНК]; *Мамоньня родимая, / Забудь про сына милова. / Милой сын во горюшке / Да на чужой сторонушке* [ЛПВЧ].

Арестантских частушек Шекснинского района зафиксировано очень мало, некоторые тексты таких частушек содержат формулы **арестантских песен**. Приведём примеры.

Формула-мотив «***смотреть из тюремного окна***», формула-мотив «*воспоминание о возлюбленной*»: *Ох, из тюремново окошка / Видно Вологды конец. / Приниси, милашка хлеба, / Ни забудь и огурец* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***писать письма из тюрьмы***»: *Из тюрьмы братишка пишет: / - Веселее, брат, гуляй. / Чаще под ноги заглядывай, / Наган не потеряй* [ЛПВЧ].

Формула-мотив «***свиданье с милой***»: *Ленинградская тюрьма да / Тёсом обнесённая. / На свиданье приходила / Милка невесёлая* [МОНМЦ].

Формула-мотив «***милая плачет по заключённому в тюрьме***»: *А хулиган-мальчишка ходит / По тюремному крыльцу; / А слёзы капают у девушки / По белому лицу* [МОНМЦ].

Общефольклорные формулы шекснинских частушек, выраженные различными сочетаниями слов и синтаксическими конструкциями

В шекснинских частушках встречается большое количество общефольклорных (характерных для разных жанров устного народного творчества) устойчивых поэтических формул, выраженных различными сочетаниями слов, синтаксическими конструкциями. Приведём примеры и частотность наиболее распространённых формул-словосочетаний: *милый (меня) забывает (милую)* (18); (я) *молоденькая девушка* (16); *родная мать* (13); *ходи, милый/дроля* (10); *жалеть милого* (9); *дать/брать волю/волюшку* (8); *думу думать* (8); *чисто поле* (8); *аленький цветочек* (8); *я по бережку хожу* (8); *душа болит* (7); *глядеть на милого* (7); *повесить голову* (5); *белы ручки* (5); *ветры буйные* (5); *высокая гора* (5); *русая коса* (5); *красно солнышко* (4); *ретивое сердце* (4); *с неба звёздочка упала* (4); *бедная головушка* (3); *гуси серые* (3); *розовы цветочки* (3); *берег осыпалистый/осыпался* (3); *в полюшке на камешке* (3); *горючие/горькие слёзы* (3); *гуси-лебеди* (2).

Фольклорные формулы, относящиеся к тематической группе «*мир природы*», часто являются символической частью в параллельных конструкциях частушек, образной частью сравнений, а также могут быть любой частью текста, играя при этом важнейшую стилистическую роль в повышении экспрессии, эмоциональности, в том числе в силу того, что они являются архаичными образами-символами. Приведём примеры текстов шекснинских частушек с наиболее распространёнными общефольклорными формулами, относящимися к тематической группе «*мир природы*».

Образ земли и поля в представлении наших предков очень многогранен, в лирических песнях и частушках наибольшее распространение получила символика земли как иного мира, а также поля как пространства «чужого» [СДЭС: 2]. Это является причиной тому, что формула «*чисто поле*» («*выйду в чисто поле*») появляется в частушках, относящихся к тематическим группам «несчастная любовь», «разлука», «сиротство»: *Пойду выйду в чисто поле, / Погляжу в ночную даль. / Ветры буйные сказали: / «Не придёт – не ожидай!»* [ЯСРД]; *Пойду выйду в чисто полюшко, / Поплачу у елей. / Не понежили родители – / Не нега у людей* [ЯСРД]; *Голубые василёчки / В чистом полюшке в овсе. / Загулялся ягодиночка – / Ему любые все* [КЧШР]; *Думала, что не расстаться! / Как легко расстались – / Проводила в чисто поле – / Чуть жива осталася* [ЯСРД]. Также формула «чисто поле» и «могила в чистом поле», «хоронить в чистом поле» характерна для частушек тематической группы «смерть»: *Пойду выйду в чисто полюшко, / О камень расколюсь. / Моё чувствует сердечушко – / На веки расстаюсь* [ЯСРД] (относится также к тематическому полю «разлука», «несчастная любовь»); *Из деревёнки один, / Меня берёт обидушка, / А в чистом поле на загоне / Вырыта могилушка, эх!* [МОНМЦ]; *Ягодиночкю убили / Немцы-неприятели. / В чистом поле хороняли / Без меня, без матери* [МОНМЦ]; *Где мои семнадцать лет, / Куда они девалися? / В чистом поле на загоне / Помирать осталися* [МОНМЦ]; *Моего милого били / В чистом поле во кустах. / Проломили буйну голову / В двенадцати местах* [ЯСРД].

Образ воды, реки очень многогранен и связан в лирике, прежде всего, с символами границы (между «своим» и «чужим», миром живых и миром предков и пр.), а также с символом иного мира – мира предков. В шекснинских частушках формула «***быстрая река***» (вариант – «***подходить к быстрой речке***») характерна для текстов тематических групп «несчастная любовь», «одиночество», «смерть», например: *У меня теперя нету / По любови паренька. / По любови только в поле / Одна* ***быстрая река*** [ЛПВЧ]; ***К быстрой речке подходила,*** */ Думала, глубоко ли. / Не узнать, подруга милая, / Судьба далеко ли* [ЛПВЧ]; ***К быстрой речке подошла****, да. / На колени пала. / Скажи, быстрая река, / Куды дролю*

девала? [МОНМЦ]; *А* ***к быстрой речки походила,*** */ Говорила: «Волны, да». / Волны девушку не приняли, / Сказали: «Молода»* [МОНМЦ]; ***К быстрой речке подошла,*** */ Пала на коленочка. / Посмотри, родимая, / Тону из-за милёночка* [ЯСРД]; *Я на* ***быструю*** *на* ***реченьку*** */ Накидывала дров. / Это всё из-за родителей / Кончается любовь* [ЯСРД]. Формула «***быстрая река***» также характерна для текстов шекснинских частушек с мотивом «*милёночек издалека*» (подобный мотив также встречается в свадебных песнях): *Через* ***речку быструю*** */ Я мосточек выстрою: / Ходи, милый, ходи, мой, / Ходи летом и зимой* [КЧШР]; *Ой, из - за лесу- лесу тёмново, / Не нады дролечек, / Ой, из - за* ***речки - речки быстрые*** */ Ходи, миленочок* [МОНМЦ]; *Давай, товарочка, оденем / Фартуки бористые. / Завлекём, так и походят / Из-за* ***речки быстрые*** [МСЦТНК].

Формулы «***закатилось красно солнышко***» и «***красно солнышко не греет***» в частушках, генетически связанных с причетами и лирическими песнями, соотносится с образами тоски, печали: ***Закатилось красно солнышко*** *- / Не будет больше греть. / Отвалилось право крылышко - / Тебя милый жалеть* [ЯСРД]; *Меня зарёй не нарумянишь / И зарёй не набелишь, /* ***Красно солнышко не греет,*** */ Светлый день не веселит* [КЧШР] (в последнем тексте традиционная формула «*светлый день не веселит*» также имеет семантику печали). В более поздней шекснинской частушке формула «*закатилось красно солнышко*» уже имеет пародийный характер (также, вероятно, используется в значении – наступление вечера), т.е. традиционная образность в данном тексте разрушается: ***Закатилось красно солнышко*** */ За дядин сеновал. / Мы с залёткой целовались, / Место он облюбовал* [КЧШР].

Формула «***буйный ветер***» используется в текстах шекснинских частушек тематической группы «печаль», «разлука», например: ***Ветерок*** *какой* ***буявый,*** */ Ветку тополя сломил. / А ты зачем неуважительную / Дролечку любил* [КЧШР]; *На крылечке выходила, / Все смотрела в дальню даль. /* ***Ветры буйные*** *сказали: / «Милой спит, не ожидай»* [МОНМЦ]; *Пойду выйду в чисто*

поле, / Погляжу в ночную даль. / ***Ветры буйные*** *сказали: / «Не придёт – не ожидай!»* [ЯСРД]; ***Ветры буйные*** *снесите / Ягодиночке поклон / Вы снесите и спросите, / Как живёт в разлуке он* [МСЦТНК].

Формула «***белая берёза***» (в том числе в вариантах «*белая берёза шумит*», «*белая берёза качается*», «*белая берёза наклоняется*») в шекснинских частушках чаще всего являются символической частью параллелизма, имеет традиционное значение (свойственное лирическим песням и песням календарного цикла) – девушка и её печаль, грусть, несчастная любовь, одиночество: *Л / Что-то, милоё сердечко, / Горя нет, но ты болишь?* [КЧШР]; *В поле* ***белая берёза*** */ От дождя качается, / Скажи, миленький, тихонько, / Ты об чём печалишься?* [КЧШР]; *В поле* ***белая берёзонька,*** */ Не ты ли мне сестра. / Горя не было у девушки – / Не ты ли принесла?* [КЧШР]; *Что ты,* ***белая берёзонька,*** */ Стоишь да не шумишь, / Что, ретивое сердечушко, / Болишь, не говоришь?* [ЯСРД]; *Что ты,* ***белая берёзка,*** */ Низко наклонилася. / Я, несчастная девчонка, / В подлеца влюбилася* [ЯСРД]; ***Белая берёзонька*** *– / Всем ветрам покорная. / Без милёночка одной / Какая жизнь спокойная* [ЯСРД].

2.3.3. Семантика и функции собственно-частушечных формул

В шекснинских частушках встречаются как традиционные формулы, характерные для других жанров устного народного творчества, так и формулы, присущие только частушкам (или по большей части свойственные частушкам).

Специфичные для жанра формулы можно разделить на три группы: во-первых, это формулы, образованные под влиянием наиболее важных тем и мотивов жанра; во-вторых, формулы, связанные со спецификой исполнения частушек.

1. Формулы первой группы можно также разделить на несколько подгрупп.

- Первая подгруппа включает в себя формулы, связанные основной темой частушек – «любовь»: *полюбила гармониста / тракториста / хулигана / дохтура / милого / ягодиноку* (более 50);

дорогой / дорогой дроля / милаша / беседничек / товарищ (45); *мине / мне милый / милаша изменил* (40); *давай, дроля / дролечка / милый* (18); *посмотри / погляди, милый / дроля / милашка* (12); *носовой платок рви / подарил* (10); *вспомни, дроля / милый / миленький* (7).

- Подгруппа формул, связанных мотивом «характеристика лирического героя/героини»: *говорят, что боевая (18) / некрасива (13) / я горда (4) и др.; кудри вьются/не вей* (25); *я девчонка боевая* (9); *хороший парень* (8); *хулиган, мальчишка/парнишка, я* (5).

- Подгруппа формул, связанных мотивом «отношения с родителями»: *ругают дома / мама / дролечку / за него* (19); *у милашки матка-бес/матка хитрая/глазки чёрны* (9); *не ругай меня, мамаша* (5).

- Подгруппа формул, связанных темой «гулянье»: *поиграй повеселее* (52); *идти / собираться на беседу* (18); *хорошо игрок играет* (15); *пойду/пошла плясать* (11); *заиграла тальяночка* (9); *запевай, подруга, песню* (7); *разрешите поплясать* (5); *я запою* (4).

- Подгруппа формул, связанных мотивом «дружеские отношения»: *задушевная подруга/товарочка* (57); *мы с товарочкой* (4); *хорошо тебе, товарищ/подруга* (5); *мы с товарищем* (5).

Формулы *говорят (96), задушевная подруга/товарочка* (57) (и прочие, содержащие в себе обращения), а также формула *раньше – теперь* (22) – могут использоваться не завиимо от темы частушки, участвуют в построении композиции текста, например: *Говорят, что сиротинка, / Правда, сиротиночка, / Я давно осиротела, / Бросил ягодиночка* [МОНМЦ; МЧЦТНК] («одиночество, расставание с милым»); *Говорят, я боевая, / Боевая я и есть, / Боевая я и дома, / Боевая я и здесь* [МОНМЦ; МЧЦТНК] (характеристика лирической героини – «боевой характер»); *Задушевные товароцьки, / Сцястливо вам гулять, / А мине от вашей партии / Придется отставать* [МОНМЦ; МЧЦТНК] («замужество, прощание с молодостью»); *Задушевная подруга, / Наш колхоз передовой. / А потому передовой, / Что председатель с головой* [МСЦТНК] («общественная жизнь», «колхоз»); *Раньше было, запою – / Рябина*

заколышется (заколышыца). / А теперя запою – / Везде разлука слышится [КЧШР] («печаль от разлуки»*); Раньше Сизьму не любила, / Сизьму ненавидела. / А на Сизьму вышла замуж – / Стала Сизьма милая* [МСЦТНК] («любовь»; «родная сторона»).

2. Вторая группа формул связана со **спецификой исполнения** частушек (стремлением соответствовать музыкальному ритму, а также повышенной эмоциональностью, экспрессией и пр.), например: *да*; *то*; *мол*; *эх/э-э-эх; жо; ух; ох; ах; ой; р-р-р* и пр. Частотность данных формул мы не приводим, в силу того что она сможет отразить реальной картины по употреблению данных формул: бóльшая часть текстов коллекции шекснинских частушек записывалась без учёта указанных формул, в том числе потому что информанты очень часто исполняли частушки речитативом (а не пели, как это было в реальности) или сами фиксировали тексты письменно. Большинство сборников частушек также не отражают в полной мере использование данных частиц, междометий, союзов, не влияющих серьёзно на содержательную часть текста. Однако данные формулы являются наиважнейшей частью частушки, без которых она лишается особой эмоциональности, выразительности, энергичности. Такие особенности стиля очень ярко видны при сравнении одинаковых текстов, записанных без исследуемых нами формул и с ними. Приведём примеры.

- ***Эх****, не ругалися-****то****, расстался-****то****, / Расстался – ревим. / ****Эх****, больше разу-****то*** *не расстанемся / И людям не велим* [КЧШР] – *Не ругалися, расстался, / Расстанемся – ревим. / Больше разу не расстанемся / И людям не велим* [ЛПВЧ].

- ***Ой****, стань-ко, матушка, ****да*** *пораньше / И послушай-****то*** *на заре, / ****Ох****, не твоя ли, ****мол****, дочка плачет ****да****/ На чужой-****то*** *стороне?* [КЧШР] – *Встань-ка, матушка, пораньше / И послушай на заре: / Не твоя ли дочка плачет / На чужой на стороне?* [ЛПВЧ]

Все примеры, выбранные для сравнения, записаны у одного информанта в разных обстоятельствах (первый текст – частушка исполнялась пением, второй – речитативом), поэтому хорошо иллюстрирует, каким образом может в реальности

выглядеть один и тот же текст, исполняемый традиционным образом (спетый с использованием многочисленных формул) и преподнесённых исследователю в стихотворном формате. Так же мы можем наблюдать, насколько крупную долю занимают формулы (5 единиц – в первом примере, 7 единиц – во втором примере), и насколько отличается стиль первого варианта текста от стиля второго варианта – в пользу повышенной эмоциональности, энергичности.

Формулы второй группы не только влияют на стиль текста, но и могут подчеркнуть индивидуальный характер частушки, т.к. выбор тех или иных формул остаётся за исполнителем. Например, жительница д. Малый Овинец И. П. Ляпичева (1939 г.р.) очень часто, исполняя «протяжные» частушки использует частицу *–то* и междометия *ох* или *эх* в начале первой строки и *эх* - в начале третьей, например: ***Ох**, раньше было-**то**, запою, / Не поддавалась-**то** соловью. / **Эх**, вот а теперя-**то** запечалил / Да дроля голову мою* [КЧШР]; ***Эх**, я любила, да когда ива / Да к ветру-**то** приклонялася. / **Эх**, я любила-**то** разлучать, / Да теперь-**то** сама рассталася* [КЧШР]. Однако изучать тему индивидуальных особенностей исполнения (на уровне текста) по имеющимся данным достаточно сложно ввиду не вполне достаточного для такого рода исследования материала (записей песенного исполнения частушек).

2.4. Поэтика шекснинской частушки

В силу небольшого объёма текста, шекснинские частушки имеют сжатый сюжет, в котором отражена кульминация событий, что определяет повышенную экспрессивность частушки. С целью передачи экспрессии, а также создания комического эффекта (многие тексты имеют шутливый характер) или передачи драматического сюжета в его кульминации – используются следующие языковые средства: эмоционально-оценочные лексические и словообразовательные языковые единицы, традиционные и индивидуально-авторские тропы и стилистические фигуры, средства поэтического синтаксиса.

Задача данного раздела – выявить важнейшие словообразовательные средства, тропы, стилистические фигуры для получения, как выразилась известный исследователь языка фольклора Е. Б. Артеменко, «научно объективного представления об эстетической структуре народной <…> песни» [Артеменко 1977: 31].

2.4.1. Словообразовательные особенности языка шекснинских частушек

Существует ряд работ, авторы которых исследуют специфику языка русского фольклора на словообразовательном уровне [Климас 2009; Хроленко 2010; Червинский 2010; Яцкевич 2005; Яцкевич 2010]. Однако нет специальных работ, посвящённых исследованию словообразовательных особенностей такого жанра, как частушка.

Задача, которую мы ставим в данном разделе – определить особенности языка частушки на словообразовательном уровне, чтобы изучить особенности поэтики шекснинской частушки и специфики этого жанра.

Яркой отличительной особенностью жанра частушки является **лирический характер** текста и его особая **экспрессия** [БСЭ]. Исследователь русского фольклора С. Г. Лазутин считает, что задача частушки заключается не в том, чтобы рассказать о событиях и фактах, а в том, чтобы дать им идейно-эмоциональную оценку [Лазутин 1981: 71]. В качестве гипотезы мы выдвинем положение о том, что средства словообразовательного уровня текста частушек работают в том числе и на усиление лирического начала, повышение эмоционального тона, экспрессии текста.

1. Рассмотрим словообразовательные особенности **глаголов** в шекснинских частушках.

В языке частушек Шекснинского района Вологодской области наблюдается большое количество полипрефиксальных глаголов, например: ***Запро**сватали меня / Идти за нелюбого. / Сиротой оставила / На веки дорогого*. [ЯСРД] Глагол *запросватать* образован от глагола *просватать* с помощью приставки *за-*. *Все я*

*реки и озёра / **Прина**полнила слезам. / Надоело мене девушке / Шататься по людям* [ЯСРД]. Глагол *принаполнить* образован от *наполнить* с помощью приставки *при-*. *Дорогой ты мой беседничек, / **Повы**йди из кута. / Отодвинется товарочка – / Пожалуйте сюда* [ЯСРД]. Глагол *повыйди* образован от *выйти*, с помощью приставки *по-*. С Этой приставкой также образованы такие глаголы: ***пона**валивать*, ***пона**весить*, ***пораз**двинуться* и ***пораз**даться*.

Вопрос о причинах использования таких глаголов в устной народно-поэтической речи не решён однозначно в научном мире: это и уточнение смысла слова, и требование ритмомелодики и грамматики, и необходимость в особых средствах выразительности [Хроленко 2010: 60-61]. Исследователь русского фольклора, специалист по лингвофольклористике А. Т. Хроленко приводит убедительные доказательства недостаточности только лишь лингвистических причин для использования двуприставочных глаголов и обращает внимание на то, что особая выразительность как в двуприставочных глаголах, так и в целом – в фольклорном тексте, часто создаётся за счёт «двуэлементности». Такая «двуэлементность» подчёркивает роль симметрии в народном искусстве [Хроленко 2010: 62-64]. Учёный сравнивает полипрефиксальность с такими явлениями, как «тавтологические повторы, парные синонимы, паратактические конструкции, парные ассоциативные сочетания, составные числительные, постоянные эпитеты» [Хроленко 2010: 64].

Сопоставляя полипрефиксальность с этими явлениями (основанными на повторе, тавтологических, синонимических, ассоциативных и проч. сочетаниях), мы можем выделить и ещё одну важную и общую для них функцию – это увеличение интенсивности значения слова (или сочетания слов) и повышение экспрессии текста в целом.

В языке частушек Шекснинского района Вологодской области мы можем наблюдать также большое количество глаголов с постфиксом ***–ся/-сь***, например: *На качелюшке **качалась**, / Не **боялась** высоты. / Дроля выхватил гребёночку / Из русыя косы*. [КЧШР] *Качалась, боялась* – это возвратные глаголы с интенсивно-возвратным значением (обозначают длительное действие) [Яцкевич 2005: 129]. *Я*

пойду и ***утоплюсь*** */ Из-за ево красивова, / Да пусть моя могила будет / Среди моря синева* [КЧШР]. *Утоплюсь* – возвратный глагол с собственно-возвратным значением [Русская грамматика 1980: 615]. Употребление большого количества глаголов с постфиксом *–ся/-сь* является одним из средств создания **лиризма**, т.к. постфикс *–ся* создаёт определённые залоговые отношения (обращения действия на субъект – т.е. лирического героя), способствуя тем самым передаче состояния лирического героя в тексте.

Важно отметить и то, что, согласно «Русской грамматике», в глаголах с постфиксом *–ся/-сь* отмечается значение «состояния» и «интенсивности» [Русская грамматика 1980: 616], которое, безусловно, влияет и на общий эмоционально-экспрессивный тон текста: *Чего дуре* ***полюбилось****, / Чего дуре* ***задалось****? / Кудреватоё волосьё / Из-под кепочки* ***вилось*** [КЧШР]; *Полюбилось* и *задалось* – безличные глаголы, обозначающие состояния человека, семантика мотивирующего глагола усилена оттенком значения «интенсивности», созданного с помощью постфикса *-сь*.

2. В словообразовании **имен существительных и прилагательных** в текстах шекснинских частушек мы также наблюдаем особенности, которые играют важную роль в формировании повышенного эмоционального фона, экспрессии текста частушки.

Особого внимания заслуживает использование в частушках эмоционально-экспрессивных суффиксов с субъективно-оценочной семантикой. Наиболее распространёнными в устном поэтическом творчестве являются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-ушк-* (и его вариации *ышк-/-ышек-*, *-ешк-*), *-к-* (и его вариациями *-ок (-ик), -чик, -очк- (-ичк), -ышк-, -к(о)); -оньк-(-еньк-)* [Червинский 2010: 233], реже встречаются суффиксы *–иц-*, *-аш-*. Например: *Вдоль деревен****к****и иду, / Иду не запинаюся. / Я милёноч****к****а люблю, / Люблю – не запираюся*. [ЯСРД]. *В людях-то не дом****ушк****а. / Разбудят-то до солн****ышк****а. / На работу я пойду – / Вспомню мат****ушк****у родну* [ЯСРД]; *Давай, мил****еньк****ий, по-старому / Опять поговорим. / По согласье****ц****у расстанемся, / Без дум****ушк****и обим* [ЯСРД]; *Рожь высокая, густая, / Мелкоё колось****ц****о, да. / Стал залёт****к****а заноситься, / Русоё*

*волось**ищ**о* [КЧШР]; *Голубая незабудка – / До чего цветоч**ек** мил. / Позабыть тебя, мил**аш**а, / У меня не хватит сил* [КЧШР]; *Я тогда тебя забуду, / Дроля ростом мал**еньк**ий, / Когда вырастет на камеш**к**е / Цветоч**ек** ал**еньк**ий* [Яцкевич 2010: 61].

Суффиксы с ласкательным значением используются в словах-называниях любимых (*мил**еньк**ий, ягодин**очк**а, мил**аш**а/милаш**к**а, милён**ок**/милёноч**ек**, дрол**ечк**а*), родных (*мат**ушк**а, мам**аш**а*), родной деревни, дома, домашнего быта (*деревень**к**а, дом**ушк**о, лав**еньк**а, окошечк**о***), а также в лексемах, так или иначе связанных с названными выше образами, составляющими с ними общее лексико-семантическое поле.

Используются эти суффиксы и в эмоционально отмеченных словах-образах, к которым лирический герой имеет явную неприязнь: *Лиходеечк**и** не знала – / Указал залётка сам. / А не особенно красива: / Жидконогая, с косам* [КЧШР]; *Супостаточ**к**а моя / Носит по две юбки. / Не осердись, голуб**ушк**а, / Люби мои облюбки* [ЯСРД]. В этих примерах слова *лиходеечка, супостаточка, голубушка, облюбки* – имеют яркую эмоциональную окраску за счёт суффикса *-к-*, при этом все вышеназванные слова относятся к образу соперницы, всячески высмеянной в частушках. Подобное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов может быть мотивировано также тем, что исполнитель стремится приуменьшить роль, силу (а значит и опасность) своего соперника (соперницы). Подобное речевое явлении в русских говорах уже не раз отмечали исследователи [Андреева 2017: 13; Матвеева 2013].

Редкая частушка не содержит в своём тексте слов с экспрессивно-оценочными суффиксами. Лексемы с такими суффиксами повышают общий эмоциональный фон текста: с их помощью лирический герой может выразить своё отношение (особой любви или, напротив, неприязни) к тому или иному лицу, предмету, действию, состоянию.

Особой эмоциональной окраской в текстах частушек обладают прилагательные с приставками *раз-/рас* (***раз**несчастный*, ***рас**проклятый*). Приставки в подобных словах обозначают высшую степень проявления признака,

названного мотивирующим словом [Яцкевич, 2005: 123]: *Милый лошадь запрягает, / **Раз**воронова коня. / Ты не свататься ли ехать – / Прокати перво́ меня* [ЯСРД].

В рассматриваемых нами частушках встречаются также существительные с двойными приставками, например: *Ой, милый мой, / **Спо**милёнчик мой, / Пожила бы за тобой, / За весёлой головой*. [ЯСРД]. В текстах используются также слова ***спо**милашка* [Яцкевич 2010: 51], ***спо**милаша* [ЯСРД]. Как и в рассмотренных выше нами полипрефиксальных глаголах, двойная приставка в таких существительных имеет семантику интенсивности, усиливает основное значение слова. Повышенную эмоциональную окраску таким словам придают также рассмотренные выше суффиксы с субъективно-оценочной семантикой, а иногда – сразу два суффикса, что создаёт, согласно данным «Русской грамматики», «усиленное значение ласкательности» [Русская грамматика 1980: 209].

3. В шекснинских частушках встречаются сложные слова, среди которых можно выделить большую группу лексем с **«цветовым» корнем**, обозначающим исключительно ахроматические цвета: *бел-, сер-, черн-* [Хроленко 2010: 66]. Например: *Сидит кошка на окошке, / **Белолапенький** коток. / Прошла масляна неделя, / Настаёт Великий пост* [ЯСРД]. *Всех коров передоила, / Под быка уселася. / **Белохрёбтая** корова / Со смеху надселася* [ЯСРД]. *Всё ходил да обнимал / В поле пень берёзовый. / Думал - милая моя / В платье **бело-розовом*** [ЯСРД]. *Заиграла **беломехая** / Во нашем полюшке. / Вспоминаю дролю старого / Во всяком горюшке* [Яцкевич 2017: 102]. *В нашем поле грай вороний / На подсушенной сосне. / **Сероглазенький** мальчишечка / Часто видится во сне* [ЯСРД]. *Я к милёночку пришла – / Вся семья обедаёт. / **Чернопятая** свекровь / Всё с ухватом бегаёт* [КЧШР].

По мнению А. Т. Хроленко, даже в самых современных частушках эта закономерность с использованием сложных слов (образованных с помощью корня, обозначающего ахроматические цвета), проступает чрезвычайно отчётливо, и причины этого явления лежат в области этнического, психофизиологического [Хроленко 2010: 66]. Таким образом, мы можем говорить

об особой психо-эмоциональной помеченности данных слов, придающих текстам, в которых они употребляются, особую выразительность, эмоциональность.

4. Особая образность и выразительность шекснинских частушек создаётся также и при помощи **сложносоставных** слов. Например: *Я иду* ***гора-гориночкой****, / Иду* ***гора-горой****. / Я гуляю сиротиночкой, / Но дроля занятой* [КЧШР]. В текстах используются сложные слова следующих типов:

- парные сочетания тавтологического характера: глаголы *качи-качай*, *косить-косить*; наречия *гора-горой*, *скоро-скоро*; существительные *ягодинка-ягодка*;

- парные сочетания синонимического типа: существительные *печаль-горесть*, *милая-хорошая* (субстантивированное прилагательное), *разок-минуточка*, *пиво-вино*, *руки-ноги*, *неправда-пустяки*, *гуси-лебеди*; глаголы *думать-гадать*, *жениться-венчаться*, *перешить-перекроить*; междометие *финтель-минтель*;

- парные сочетания – описательные номинации терминологического характера: *милка-староверка*, *рыбка-окуньки*, *цветочки-василёчки*, *бычок-годовичок*, *пташечка-соловушка*, *Яуза-река*;

- парные сочетания ассоциативного характера: *девки-матушки*;

- парные сочетания аппозитивного характера (определяемое + определение): а) с изобразительным или изобразительно-оценочным эпитетом: *сорока-белобока*, *маслоделочки-проворы*; б) с оценочным или оценочно-изобразительным эпитетом: *родители-губители*, *германец-оборванец*, в) с метафорическим эпитетом: *матка-бес*, *ребята-ёжики*, *квасюнята-ёжики*, *Ваня-ягодиночка*.

Таким образом, сложные слова вносят в текст значение интенсивности (особенно тавтологические и синонимические парные сочетания), создают тропы (эпитеты, олицетворения, метафоры), являются средствами художественной выразительности, дают возможность выразить оценку определённому действию, качеству, предмету и лицу в тексте частушки.

Таким образом, использование субъективно-оценочных суффиксов, полипрефиксов, сложных и сложносоставных слов удлиняет словоформы в

поэтическом тексте частушек, что может являться не только требованием ритмомелодики, но и средством их смыслового и эмоционального акцентирования. Несомненно также, что любой дополнительный аффикс уточняет семантическое и, часто, грамматическое значение слова. Тем не менее, как мы могли наблюдать, основная функция слов с дополнительными аффиксами и основами – это усиление общего эмоционального тона текста, его экспрессии, что позволяет лирическому герою выразить свою оценку происходящему. Всё это даёт основание полагать, что данные словообразовательные средства реализуют стилистическую специфику частушки как малого фольклорного жанра.

2.4.2. Средства художественной выразительности шекснинских частушек

Звуковая игра

Шутливый характер частушки может выражаться посредством звуковой игры. Частушки, содержащие бессмысленный набор слов, звукосочетаний составляют группу текстов, которые соотносят с архаичными скоморошьими песнями, а также к песням детского фольклора [Дранникова 1991; Зырянов 1974]. Приведём примеры: ***Тына, тына, тына, тына****, / Девки сделали Мартына, / Посадили в уголок, Да чтобы чёрт не уволок* [МСЦТНК]; ***Чу-ко, чу-ко, чу-ко, чу-ко****, /* ***Чу****жаки-то к нам идут* [МОНМЦ]; ***Коля****,* ***Коля****, ты от****коле****? /* ***Коля*** *из Бакланова. / Напоили* ***Кол****ю пивом / Из ведра поганого* [КЧШР]; *Милый серди****ца*** *по* ***цё****, /* ***Ц****ерез* ***цё****, по* ***цё****, на* ***цё****? / Али девки* ***цё*** *сказали, / Али сам у****цюял*** ***цё****?* [КЧШР]*; Дев****чо****ночки, дев****чо****ночки, / Отбили мне пе****чё****ночки. / Остался без пе****чё****ночек, / Но я люблю дев****чо****ночек* [ЛПВЧ] (последний пример записан с учётом литературного произношения, однако более архаичное, свойственное местному диалекту произношение требует произносить вместо ***чо – цё***: *дев****цё****но****ць****ки, пе****цё****но****ць****ки, дев****цё****но****цё****к, пе****цё****но****цё****к*).

Метатеза

Особую группу частушек (на которую повлияли словесно-комбинаторные зачины скоморошьих песен) составляют **частушки-перевёртыши**, комический

эффект которых основан на метатезе – перестановке звуков и слогов, например: *Разрешите* ***сать попля****, / Я давно* ***сывал не пля****, / На высокой* ***рушкего / Лышки косовал обтя*** (частушка-перевёртыш с текста: *Разрешите поплясать, / Я давно не плясывал. / На высокой на горе / Колышки обтясывал* [МОНМЦ]). В нашей коллекции зафиксирован только один подобный шекснинский текст, однако традиция частушек-перевёртышей в исследуемом нами районе существовала, что доказывают репортажные записи. Житель д. Квасюнино О. А. Смирнов (1939 г.р.) вспоминает, как такие песни пела его мать, а также обучала его «переделывать» песни, переставляя слоги: «*Сами придумывали, вечерам-то нечего делать, дак переделывали песни…*» [МОНМЦ].

Схожесть формы, содержания, художественных приёмов сближает некоторые песни детско-материнского фольклора (которые генетически восходят к скоморошьей песне) с частушкой. В коллекцию шекснинских частушек включены тексты, которые исследователи, составители сборников обычно относят к разряду **потешек, пестушек**, т.е. относят к детско-материнскому фольклору: ***Илья, Ил****ья,* ***Иль****юшок, / Посажу тебя в горшок, / Стану Илью поливать, / Будет Илья прибывать* [КЧШР]; *Я и так, я и сяк, / Я и зайчиком – / Неужели не сплясать / С этим мальчиком* [КЧШР]; ***Тра-та-та,*** *(тра-та-та), / Вышла кошка за кота, / За кота котовича, / За Петра Петровича* [КШЧР]. Однако информанты исполняют (и записывают) данные тексты в одном ряду с частушками (называя их также *короткими писнями*, что бесспорно). Действительно, в зависимости от того, в контексте какой ситуации, адрессации тому или иному слушателю, данные песни могут быть отнесены как к частушке, так и к детской песне.

Повтор

Одним из самых распространённых средств художественной выразительности в шекснинских частушках является повтор, особое внимание которому уделил известный фольклорист и исследователь русской частушки И. В. Зырянов в своей работе «Поэтика русской частушки» [Зырянов 1974].

В изучаемых нами текстах встречаются различные виды повтора: стык, анафора, эпифора, сочетание стыка и анафоры, кольцевой повтор, многократные повторы, тавтологические сочетания. Приведём примеры.

- Анадиплосис (стык, подхват): *Мы ребята-ёжики, / По карманам* ***ножики****. / **Ножики** не точены – / Ребята не колочены* [КЧШР]; *Шёл я лесом, видел* ***беса****, / **Бес** на дереве сидит. / Ой с ноги – то кожу обдирает, / Сапоги себе кроит* [МОНМЦ] и др.

- Анафора: ***Подари****, милка, платочек, / **Подари**, милка, другой, да. / **Подари**, милашка, третий, / Если я тебе любой* [КЧШР]; ***Задушевная** подруга, / **Задушевная** давно, / Чем любить такова дролечку, / Ак лучше неково* [МОНМЦ]; ***Не прийти** севодни дроле, / **Не прийти** румяному, / **Не прийти**, не выйти с дому, / Дорогому пьяному* [МОНМЦ] и др.

- Эпифора: *Платье чёрноё* ***одела****, / Мама заругалася: / - Ты не так (его)* ***одела****, / С кем-нибудь рассталася* [КЧШР]; *Ох,* ***топнула я****, / Ох, при**топнула я**, / Съела целого быка – / И не л**опнула я!*** [МОНМЦ] и др.

- Сочетание стыка и анафоры: *Поиграй* ***повеселее****, / **Веселее** будем петь, / **Веселее** будет девушке / Изменушку терпеть* [КЧШР]; *Говорят, я* ***боевая****, / **Боевая** я и есть, / **Боевая** я и дома, / **Боевая** я и здесь* [МОНМЦ] и др.

- Кольцевой повтор: ***«Цыганскую» игру** / Лучше всякого люблю, / Когда буду помирать, / Прошу **«Цыганочку» играть*** [МОНМЦ]; *У милого есть* ***тальяночка****, / Не может не носить, / Надо чуночки с верёвочкой – / **Тальяночку** возить* [МОНМЦ] и др.

- Многократное повторение: ***Жалко, жалко, жалковато, / Жалко****, дролечка, тебя, да. / Ты живёшь далековато. / Редковато вижу я* [КЧШР]; ***Пароходы, пароходы, / Пароходы****, буксира, / **Пароходские** робятка / Целоваться мастера* [МОНМЦ] и др.

- Тавтологические сочетания: ***Ягодинка-ягодка****, / Далёко укатилася. / Жалею времячко того, / Уехал – не простилася.* [КЧШР]; *Ох, мы - то* ***гуляли - гулели****, / Ох, ни о чем - то не думали, / Ох только думали о том / Как бы попасть в*

высокий дом [МОНМЦ]; ***Некрута-некрутики**, / Ломали в поле прутики, / Ломали да и ставили, / Любили да оставили* [МОНМЦ] и пр.

Исследователями отмечается, что в русской частушке очень распространённым видом повтора является анафора [Кулагина 2000: 49], это также характерно, по нашим наблюдениям, и для шекснинских частушек.

Повтор участвует в создании такого важного средства художественной выразительности, как параллелизм, о котором пойдёт речь ниже.

Природа использования повтора в таком кратком жанре народного творчества, как частушка, заключается в следующем: во-первых, эта фигура речи была унаследована из других жанров фольклора; во-вторых, частушка близка к народной устной речи, в которой часто используются повторы [Зырянов 1974: 52]. Очевидной функцией повтора при этом является участие в построении композиции, создании ритма и рифмы (при использовании в конце строк). И, безусловно, важнейшую роль играет повтор в усилении эмоционального фона частушки, создании особого настроения.

Метафора и метонимия

Метафора и метонимия служат одним из основных средств изобразительности и выразительности в частушках [Кулагина 2000: 129; Лазутин 1960: 238].

Более 14% текстов шекснинских частушек содержат метафоры. Как справедливо отметила исследователь языка русской частушки А. В. Кулагина, установить точное количество метафор в частушках – задача невыполнимая, «исчерпать слова с метафорическим значением практически невозможно. С одной стороны, общефольклорные метафоры нередко сливаются с общеязыковыми, так называемыми «лексическими» метафорами, а с другой стороны – метафоризация часто представляет собой сплав метонимических, сравнительно-сопоставительных и символических отношений. Лексическая (языковая) метафора в контексте частушки, как правило, приобретает поэтическое звучание» [Кулагина 2000: 133].

Метафоры и метонимии шекснинских частушек большей частью связаны с темой любви. Вслед за А. В. Кулагиной определим некоторые способы метафоризации любви в языке шекснинских частушек.

Во-первых, любовь в шекснинских частушках **овеществляется**: любовь *рассыпается*, *теряется*, *горит*, *достаётся товарочке, кончается и раскалывается в дребезги,* любовь *рассказывают*, любовь можно *решить*, *воротить*, *опустить до дна*, *бросить*, *носить под платком*, до любви можно *довести*. Приведём примеры текстов: *Лампа весело горела, / Я стояла у огня. / Я стояла говорила: / -* ***Догорай, любовь*** *моя* [ЛПВЧ]; *Мы с милёночком сидели / У поленницы у дров. / Раскатилася поленница – /* ***Рассыпалась любовь*** [КЧШР]; *Вот и* ***кончилась любовь, / Раскололась в дребезги****. / Это дроля виноват – / Против меры вертоват* [КЧШР]; *Ох, девушки,* ***любовь*** *горячую /* ***Носите под платком****. / Я* ***носила под косыночкой*** *– / Раздуло ветерком* [КЧШР].

Любовь в шекснинских частушках **олицетворяется**: *мучает*, *кончается*, любовь можно *попросить*, *знать*, *расстроить*, *развести*. Приведём примеры текстов с подобными олицетворениями: *С ягодиночкой разлука / Целый год тянулася. / Разлучить никто не мог, /* ***Любовь*** *опять* ***вернулася*** [ЛПВЧ]; *С ягодиночкой расстались / Не на годик, а на век. / Он сказал: «****Любовь воротится****». / А я сказала: «Нет!»* [ЛПВЧ].

Любовь изображается как процессы, происходящие в природе (*иссушает*, *вянет*, любовь можно *видеть на небе*,): *Миленький из-за тебя / Ходила на беседушку. / Распроклятая* ***любовь / Иссушила*** *девушку* [ЯСРД]; *Дроля в Армию пошёл, / Я в окошко глянула, / С той поры моя* ***любовь*** */ Всё* ***вянула и вянула*** [МСЦТНК]; *Погляди, дроля, на небо: /* ***Вся любовь наша видать****. / Со мной сидишь, другую любишь, / Я не могу свободу дать* [ЛПВЧ].

Любовь не упоминается, но метафорически обозначается в процессах увядания, усыхания, например: ***Иссушил*** *меня милой, / Сушае травки полевой. / Я* ***иссушила*** *милого, / Сушае куста ивова* [ЯСРД] (образ любви усиливается сравнением с иссушенной травой, ивовым кустом); *За реку ходить не будем – / Голенища коротки. /* ***Иссушили*** *меня девушки – / Не сходятся портки* [ЯСРД].

Любовь изображается как болезнь: *Ох, Онега, ты Онега, / Ты широкая река; / Почему* ***любовь не лечат*** */ Никакие дохтура?* [МОНМЦ]; ***Голова*** *моя* ***кружится***, */ По(й)ду к доктору* ***лечиться***. */ Доктор спросит: «****Чем больна****?» / -* ***Семерых люблю*** *одна!* [КЧШР]; *До свидания дорогой, / Пошла на* ***операцию***. */ Будут* ***сердце моё резать / За любовь*** *горячую* [КЧШР]; *Говорят,* ***любовь не вредна***, */* ***Любовь очень вредная***: */ Посмотрите на меня – / Какая* ***стала бледная*** [КЧШР].

Метафорой любви в шекснинских частушках являются также описания различных состояний сердца.

Так, например, в частушках описаны различные формы движения сердца (оно *рвётся на две части, успокаивается*, в него *наливается аленькая кровь*, оно *бьётся* или *перестаёт биться*, *замирает*, *болит*, *ноет*, *ест*, *разрывается*, *волнуется*, *токает*), приведём пример текстов с данными метафорами: ***Сердечко болит, / Под сердечком токает***, */ Мой-то милый на быке / Шофером работает* [КЧШР]; ***Сердце рвётся на две части, / На две половиночки***. */ Все ребята на гуляньи – / Нету половиночки* [КЧШР] (метафора усилена повтором – на две части, на две половиночки).

Распространённым образом шекснинских частушек являются предметы и явления, которые лежат на сердце или под которыми лежит сердце (*письма*, *горячая плита*, *горящая искра*, *вода холодная со льдом*, *чашка чая*, *узел*, *болезнь*, *печаль*), например: *Любишь ты или не любишь – / Поскорее сказывай. /* ***На моём сердечке узел*** *– / Поскорей развязывай* [КЧШР]; (метафора *на сердце узел* распространена образом *развязывания узла*); *Я любила и жалела / Дорогого своего. / Я помру, так* ***положите / На сердце письма*** *от него* [КЧШР]; *Не знает мамонька моя, / Чего на сердце у меня. /* ***На сердечке*** *на моём /* ***Вода холодная со льдом*** [ЯСРД].

В шекснинских частушках часто упоминаются различные физические действия, которые производятся с сердцем (его *режут, колют, сжигают, вынимают, показывают, греют, запирают*), например: *Милая да милая, / Ты* ***сердечко выняла***. */ Милая, хорошая, /* ***Жалиньице положила*** [ЯСРД] (метафора

расширяется образом *жала*, которое *положили вместо сердца*); *Я люблю, но ты не веришь, / Ягодиночка мине. / **Вынимала бы сердечко, / Показала** бы тебе!* [КЧШР]; ***Заперитё моё серцё / Восемнадцати клюцям**, / Шчобы старой ягодиноцька / Не снился по ноцям* [КЧШР] (метафора усилена гиперболическим образом *восемнадцати ключей*, запирающих сердце).

Язык шекснинских частушек содержит образы природных явлений, происходящих с сердцем (сердце *чернеет, разжигается*), например: *Сероглазенький ты мой, / Цево наделал надо мной? / Безо спицёк, без огня / **Разжёг сердецькё** у меня* [КЧШР]; *Не пойду я завтра в церковь, / Будут милого венчать. / Моё **сердце почернеет**, / Будут люди замечать* [МСЦТНК]. (Отметим также, что в образах метафорических сравнении шекснинских частушек на сердце *ходят тучи, гаснут звёзды, бьются волны*.)

Как и любовь, сердце в шекснинских частушках очеловечивается, олицетворяется (сердце *томится, тревожится, страдает, чует измену, любит, скучает, тоскует, хвастает, басит, говорит, привыкает, хоронит*, сердце можно *уважить, тешить, озаботить, дать волю*, сердцу *верят*), например: *Под окошечком берёзка, / Посажу и ёлочку. / **Привыкай**, моё **сердечко**, / К новому милёночку* [МСЦТНК]; *На реку ходила по воду, / Холодную пила, / Да **сердце чуяло изменушку**, / Но я не поняла* [КЧШР]; *Заиграли очень весело / За речкой, не у нас. / Дроля, я не виновата, / **Сердце любит**, да не вас* [ЛПВЧ].

Гипербола. Ирония. Алогизм. Парадокс

Тексты, основанным на иронии, алогизме, различного рода гиперболизации, а в сюжетном плане (специфических смеховых ситуациях), отличаются особым стилем. Приёмы создания комического в подобных текстах уходят корнями в скоморошью традицию [Дранникова 1997]. Скоморошья песни также повлияли на формирование таких жанров русского фольклора, как детско-материнские песни (потешки, небылицы), свадебные попевки, юмористические плясовые песни, которые могли оказать влияние на частушку. Рассмотрим, как в шекснинской частушке создаются комические элементы.

В коллекции шекснинских частушек содержатся **частушки-небылицы**, которые соотносятся с скоморошьими (и детскими) сказками и песнями-небылицами. Сюжет (и комический эффект) таких частушек и песен основывается на изображении заведомо нереальной ситуации, **алогизме**, например: *Выколачивайтё ноги, / Выговаривай язык. / Не скажу в какой деревне, / Есть беременный мужик* [МОНМЦ]; *Ой-ой-ой, какое диво: / Парень девушку родил – / Четыре года, восемь месяцев / Беременный ходил* [КЧШР]; *Хорошо тебе, товарищь, / Тебя мама родила, / А меня родил папаша – / Мама в городе была* [КЧШР]; *Ехал милый по дороге, / Таракана раздавил, / И за эту животину / Три с полтиной заплатил* [КЧШР]; *Я на карей на телеге, / На сосновой лошаде, / На босу ногу в тулупе, / На распашку в сапоге* [ЯСРД].

Парадокс может также лежать в основе некоторых тексов комического характера, при этом в создании смеховых начал важную роль может играть композиция частушки, состоящей из двух частей, где вторая часть показывает фальшивость, несостоятельность утверждения, заявленного в первой части: *Слава Богу, понемногу / Стал я разживаться: / Продал дом, купил ворота – / Стану запираться* [КЧШР]; *Поиграй повеселее, / За гармошку заплачу: / На навозной, на колхозной / На тележке прокачу* [КЧШР]; *Говорят, в колхозе худо, / А в колхозе хорошо: / До обед телегу ищешь, / А с обеда – колесо* [КЧШР].

Комический эффект, основанный на **гиперболе, иронии** (с элементами гротеска) соотносят как с архаичным творчеством скоморохов, так и с **эпическими** (былинными) приёмами, например: *Меня матушка рожала – / **Вся сыра-земля дрожала.** / Батька бегает, орёт: / - Зимогора бог даёт!* [КЧШР]. Более поздняя частушка с использованием мотива рождения уже не соотносится с эпической, воспринимается как **пародия** на архаичный сюжет: *Когда мать меня рожала, / **Вся милиция дрожала**, / Потому что моя рожа / На бандитскую похожа* [КЧШР].

Ирония, гипербола (и их сочетание) являются основой комического эффекта большой группы шекснинских частушек с различными сюжетами и

темами: *Говорят – мине измена. / Я в корыте утоплюсь. / Не в корыте – так в чулане / Из ухвата застрелюсь* [КЧШР]; *Мы с товарищем вдвоем / Ходили по смородину. / Испугалися лягух, / Забились под колодину* [ЛПВЧ]. *Сидит милый на крыльце, / С выражением на лице. / А у милого лицо, / Занимает все крыльцо* [ЛПВЧ].

К данной группе можно также отнести частушку: *Из Квасюнина ребят идёт гужом: / Федю Рогова – в телегу запряжём, / А Стафия - повозничать, / А Беляева – модничать, / А Гореву - кнутом погонять, / А Жубрику – сзади бежать* [ЯСРД]. Сюжет данного текста построен по принципу кумуляции, нанизывания одинакового организованных сюжетных линий. Приведём пример ещё одной шестистрочной частушки, сюжет которой построен по аналогичному принципу: *Говорят, в колхозе худо, / А в колхозе хорошо: / До обед ищешь телегу, / А с обеда – колесо. / Пока за лошадью ходил, / В хомут седёлку надсадил* [МОНМЦ].

Сравнение

Сравнение – это образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета [Квятковский 280].

Изучением роли сравнений в фольклорных произведениях занимались Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский. Сравнение как художественное средство присуще всем фольклорным жанрам, но его удельный вес, состав и функции в каждом из них неодинаковы [Афанасьева 1975: 142]. Количество специальных работ, посвящённых изучению сравнений в русской частушке, очень невелико. В статье Л. А. Афанасьевой «Сравнение в частушках» [Афанасьева 1975] подчёркивается роль сравнений в изображении портрета героев, передаче их состояния. А. В. Кулагина в своей книге «Поэтический мир частушки» [Кулагина 2000] на материале 20 000 текстов описывает наиболее характерные

образы объектов сравнений, обращает особое внимание на своеобразие частушечных сравнений в системе сравнений русского фольклора.

В науке фиксируется большое количество видов сравнительных конструкций, классификаций, основанных на различных признаках. Наиболее распространённым способом создания образности через сопоставление в русской частушке является использование **сравнений-параллелизмов**. Неслучайно именно параллелизмы называют «специфичной чертой, определяющей частушку как жанр» [Кулагина 2000: 52].

В науке параллелизм признан как очень архаичное, дотроповое средство художественной выразительности. Однако сравнение в форме **приложения** (по типу *конь-сокол*), а также сравнения, выраженные формой **творительного падежа существительных** (по типу *полечу соколом*), являются, по мнению С. Н. Бройтмана (ссылающегося также на заметки А. А. Потебни), ещё более архаичными средствами художественной выразительности, отражающими синкретизм мировосприятия [Бройтман 2004: 39]. В шекснинских частушках встречается несколько примеров архаичных типов сравнений, выраженных существительным в творительном падеже и обозначающих способ действия: *Я от горя убегала, / Горе всё за мной идёт. / Я от горя – в синё морё, / Горе* ***лебедью*** *плывёт* [МОНМЦ]; *Я от горя убегаю, / Горё всё за мной идёт; / Я от горя – в синё морё, / Горё* ***уточкёй*** *плывёт* [МОНМЦ]; *По погосту похожу, /* ***Клубочком*** *покатаюся, / Родную маму побужу, / Слезам пуливаюся* [ЯСРД]; *Сизокрылый голубочек, / Ягодиночка моя, / Прилети на вечерочек – /* ***Сиротой*** *гуляю я* [КЧШР]; *Ветер дует по карманам – / Кошелёк пустой лежит. / У милого завтра праздник – /* ***Рысиком*** *домой бежит* [ЯСРД].

Прочие виды сравнения, по мнению А. Н. Веселовского, С. Н. Бройтмана, являются производными от отрицательного параллелизма (а также от разложения параллелизма в целом) [Терия… 2004: 49-50; Веселовский 2011]. Производный характер сравнений от параллелизма очень ярко проявляется в примерах **отрицательных сравнений** в текстах шекснинских частушек, например: *Серый*

камень, серый камень, / Серый камень – пять пудов. / ***Серый камень так не тянет, / Как проклятая любовь*** [КЧШР]; *Ты подумай-ко, мой милый, / Как я лето прожила – /* ***В речке волны так не бились, / Как сердечко у меня*** [ЯСРД]; *Зародилась некрасивая, / Так что поделаешь, /* ***За красой – не за цветами, / В полюшко не сбегаешь*** [КЧШР]; ***Ягодиночка не роза, / На окне не расцветешь. /*** *Я девчонка – не завяну, / Если ты не подойдешь* [ЛПВЧ]; *Не хади и ни желаю, / Мой неверненький дружок, / Ак* ***моё серьце ни завянет – / Ни зилёненький лужок*** [МОНМЦ]; *Изменил, да и подходит: / - Здравствуй, изменённая. /* ***От измены не завяну – / Не трава зелёная*** [КЧШР].

Наличие подобных видов сравнений в шекснинских частушках (косвенных и отрицательных) позволяет сделать вывод о том, что исследуемые тексты отражают архаичный пласт фольклорной культуры.

По наличию/отсутствию компонентов все сравнения делятся на **эксплицитные и имплицитные**. К эксплицитным относятся такие варианты сравнений, в составе которых имеется субъект сравнения (тема), объект сравнения (то, с чем сравнивается, образ), основание сравнения (признак, по которому идёт сравнение), а также оператор – связующий компонент (союз, предлог, частица и пр.) [Основы… 2000]. Эксплицитные формы сравнений употребляются в шекснинских частушках крайне редко, например: ***Мой милёнок, как телёнок – / Только веники жевать.*** */ Проводил меня до дома – / Не сумел поцеловать* [КЧШР]; *Погляди, дроля, на небо, / Звёздочки меняются. /* ***Твои слова, как в поле ветер, - / Часто изменяются*** [КЧШР].

Наиболее распространён в шекснинских частушках имплицитный тип сравнения (свыше 95 % от общего числа), в составе которых отсутствует основание и (или) оператор. Приведём примеры текстов, в которых объектом сравнения имплицитного типа является образ ветра (как и в предыдущем примере): *Поиграй повеселее, / Ручки белые – игрок. / Не люби меня, залётка, - / Моё* ***сердцо – ветерок*** [КЧШР]; *У молоденькой у девушки /* ***Умок – как ветерок. /*** *Понесут худую славушку / В родительский домок* [ЯСРД]. Широкое использование имплицитного типа сравнений можно объяснить, во-первых, тем,

что на язык частушки влияет разговорная речь, а во-вторых, стремлением к экономии языковых средств – характерной чертой жанра.

Сравнения в текстах шекснинских частушек имеют самые различные **связующие компоненты**, придающие различную семантику и грамматическую форму сравнению. Наиболее распространённым видом связующего компонента является союз *как*: более 50% сравнений в текстах шекснинских частушек используют данный союз. Кроме того, в сравнениях используются союзные слова *что, будто, точно, словно, слова похож, вроде*, а также используется бессоюзный тип сравнений и сравнения в форме творительного падежа существительных.

Предложения с двухместным союзным соединением (по типу *как – так*): *Посмотри, милый, на небо, / А потом и на меня. /* ***Как на небе тучи ходят, / Так и сердце у меня*** [КЧШР]; *Погляди, дроля, на небо, / После неба – на меня. /* ***Как на небе звезды гаснут, / Так сердечко у меня*** [ПВЧЛ]; *Посмотри, дроля на воду, / А потом и на меня. /* ***Как вода о берег бьётся, / Так сердечко у меня*** [ЯСРД]. В предложениях данного типа препозиция придаточной части считается обязательной [Русская грамматика 1980: 607]: объект сравнения (рема, образная часть), названный в придаточном предложении, опережает субъект сравнения, названный в главном предложении. Однако наличие **отрицания** при сравнении в предложениях подобного типа не предполагает препозиции придаточного, оно традиционно следует за главным, но при этом также наблюдается инверсия (сначала называется объект сравнения в главном предложении, а затем называется субъект сравнения – в придаточном), например: *Серый камень, серый камень, / Серый камень – пять пудов. /* ***Серый камень так не тянет, / Как проклятая любовь*** [КЧШР]; *Ты подумай-ко, мой милый, / Как я лето прожила – /* ***В речке волны так не бились, / Как сердечко у меня*** [ЯСРД].

Сравнения в шекснинских частушках образуют парадигматические ряды, семантика которых показывает весь спектр образных представлений народа о том или ином понятии. Рассмотрим далее наиболее широкие парадигмы сравнений, касающиеся

Субъект сравнения > объект сравнения

1)

Милый, →	Аленькая розочка,
Милёночек, милашка, ягодинка, дроля, (он)	Цветочек аленький (5), алой цвет
	Роза (3), Аленькая розочка
	Травиночка, трава
	Ягодка
	Сиреневая веточка
	Гусь
	Ворон
	Ласточка
	Сизокрылый голубочек
	Курица
	Филин
	Котик
	Лошадь
	Баран (2)
	Телёнок (2-3)
	Котята (ребята)
	Рысь (рысиком бежит)
	Чучело
	Дурачок
	Толстопузый налим
	В машине колесо
	Бес

2)

Я (лирическая героиня) →	Корапь
	Камешек
	Травиночка
	В саду смородина
	Роза
	Берёзка
	Алый цвет
	Трава (2)
	Цветочек
	Соловей, соловиночка
	Лебединочка
	Малюточка

3)

Сударушка →	Соловей
Милка	Петух
ты	Куколка

4)

Супостатка →	Змея
Ухажёрка новая	Килька безголовая
лиходейка	Собака
	Цыганочка, циганская потерь

5)

Сердце, →	Тучи
Сердечко, сердечушко	Звёзды
	Вода
	Волны
	Зелёненький лужок

6)

Молодость →	Весенняя вода
	Зелёный дым

7)

Краса →	Ягодка
	Цветы

Объект сравнения > субъект сравнения

1)

Цветочек, →	Милой
цветочек аленький,	Милёночек
	Я (лирическая героиня)
цветы	краса

2)

Алекнькая розочка, →	Ягодиночка (милый)
роза	Я (лирическая героиня)

3)

Вода, →	Любовь
водица	Девки-матушки
	Слёзы

4)

Ветер, →	слова
ветерок	умок
	сердцо

5)

Ягодка→	Ягодинка (милый)
	краса

6)

Ласточка, →	Милёночек (у милёночка походочка)
Поднебесны ласточки	Девушки-матушки

7)

Лебедь, лебединочка →	Я (лирическая героиня – девушка)
	горе

Представленные парадигмы образов сравнений показывают, что чаще всего субъектами сравнений являются лирические герои и адресат частушки – персонаж, которому адресовано сообщение текста (милый, милая). Объектами же сравнений являются явления природы, мир растений, мир животных. В отличие

от сравнений лирической песни, в частушках в качестве объекта чаще используются образы животных, в том числе домашних животных (что создаёт комический эффект).

Особенности словоупотребления и синтаксис

Слово в фольклорном тексте наделено отличительным свойством – тяготением к блоковости [Логвиненко: 112]. Причину такой блоковости учёные видят в процессе перехода «от малодостаточности лексического способа номинирования к необходимому дополнению текстовыми номинантами (бинарными, многокомпонентными сочетаниями, тематико-ситуативными комплексами), являющимися уже единицами синтаксического способа номинирования» [Логвиненко: 112].

В шекснинских частушках подобное явление проявляется как в использовании известных другим жанрам фольклора устойчивых поэтических формул (*чисто поле, серые глаза, красно солнышко, светлый день, холодный ветерок, быстрая река, белое лицо, белое платье, крутой бережок* и пр.), так и формул, характерных исключительно для частушек (*хорошо игрок играет; пошла плясать; говорят, что мне измена; я девчонка боевая* и пр.). Формулы шекснинских частушек могут состоять как из словосочетания, так и из предложения разного состава и полноты, например: ***Говорят, что мне измена***, */ Говорят и повторят. / Мне за этаким гоняться – / Надо совесть потерять* [КЧШР]; *Я* ***пошла плясать****, / Дома нечего кусать – / Сухари да корки, / На ногах опорки* [КЧШР]; ***Пляши****, Матвей, /* ***Не жалей лаптей****. / Старые – порвутся, / Новые – найдутся* [КЧШР].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в текстах шекснинских частушек наблюдается процесс лексикализации – превращения сочетания элементов языка в эквивалентную слову словарную единицу [Логвиненко: 158]. Обычно в языкознании процесс лексикализации рассматривают относительно фразеологических сочетаний (с разной степенью смысловой самостоятельности отдельных слов), функционирующих в литературном языке. Однако исследуемые

нами устойчивые сочетания характерны исключительно для языка фольклора. Использование таких сочетаний в нормативном языке и языке литературы мотивируется, как правило, лишь созданием особого фольклорно-поэтического стиля.

В результате проведённого исследования мы выявили наиболее яркие синтаксические особенности поэтики шекснинской частушки, среди которых различные виды параллелизма, повторы, обращения, лексикализация. Некоторые особенности были переняты частушкой у лирической песни, пословицы, однако некоторые приёмы специфичны именно для изучаемого нами жанра: использование большого количества обращений, анафор, многократных повторов, некоторых устойчивых поэтических формул. Использование повторов также мотивируется близостью частушки к живой народной речи. Рассматривая параллельные конструкции шекснинских частушек, мы пришли к необходимости внести уточнение в известную нам классификацию параллелизмов – важную характеристику по степени сохранения символизма, определили символический и логический параллелизм в качестве наиболее распространённых в шекснинских частушках. Подчёркивая важность прямых обращений в текстах шекснинских частушек, мы также подняли вопрос о переходе прямых обращений в некоторых условиях в разряд риторических, словных.

Параллелизм

Яркой специфической чертой, определяющей частушку как жанр, является использование параллелизма [Кулагина 2000: 52].

Современные исследователи определяют несколько видов параллелизма, зависящих от различных условий: уровня языка (звуковой, лексический, грамматический, морфологический, синтаксический), состава конструкции (полный, неполный, конструкционный – характерный для народной поэзии [Хроленко 2010]), количества эквивалентных структур (одночленный, двучленный, многочленный), логической модели (утвердительный, отрицательный), рисунка параллельных структур (прямой, хиастический,

лестничный), расположения внутри текста (внутристрочный, в смежных строках, внутристрофный; внутритекстовый – для прозаических произведений), парадигматических отношений составляющих параллелизм компонентов (основаны на синонимии, антонимии) [Катяян 2017; 9]. К данной классификации, разработанной в связи с исследованием лирики Б. П. Пастернака [Логвиненко] и русской народной сказки [Катяян 2017], мы добавим такую важную для жанра частушек характеристику параллелизма, как **степень сохранения символизма**, и будем, в связи с этим, различать символические, логические, формальные и «игровые» параллелизмы. Символизм, формализм, логический (свободно-поэтический) и игровой характер параллельных конструкций (а также фольклорных формул-зачинов, являющихся первым членом параллельной конструкции частушки) рассмотрены в работах Е. Б. Артеменко [Артеменко 1977: 695-702], И. В. Зырянов [Зырянов 1974: 70-84], С. Г. Лазутин [Лазутин 1981: 71-77].

По нашим наблюдениям, наиболее распространённые виды параллелизма в шекснинской частушке (согласно установленной классификации) можно охарактеризовать следующим образом: синтаксические, конструкционные, двучленные, утвердительные, прямые, внутристрофные, символические и логические (свободно-поэтический), основанные на синонимии. Встречаются также параллелизмы формальные и «игровые», основанные на антонимии и отрицательные. Рассмотрим их подробнее.

Общеизвестно, что параллелизм является одним из самых древних, дотроповых средств художественной выразительности фольклора. Говоря о параллелизме в таком контексте, исследователи, как правило, имеют в виду **параллелизм символического характера**, т.е. основанный на образах-символах, «заимствованных частушкой из традиционных лирических песен» [Лазутин 1981: 80]. Приведём пример шекснинских частушек, в которых используется такой вид параллелизма: *Что-то, белая берёзка, / Ветру нет, но ты шумишь? / Что-то, милоё сердечко, / Горя нет, но ты болишь*? [КЧШР]; *Не от солнышка рябина / Кисти принавесила. / Не от радости девчонка / Голову повесила* [КЧШР] и др.

Символами девичей тоски, печали являются использованные в первых строках частушек традиционные фольклорные образы (*белая берёзка шумит* – в первом примере и *рябина кисти принавесила* – во втором) [Зырянов 1974: 71].

Достаточно распространён в шекснинских частушках и **логический (свободно-поэтический)** вид параллелизма, при котором две образные картины сопоставляются не по какой-то символической связи, а по реальной, логической аналогии [Лазутин 1981: 81]. Такая трансформация возникла, как утверждает С. Г. Лазутин, под влиянием нового времени и реалистического метода, а также восходит к жанру пословиц, часто построенных именно на основе логического параллелизма [Лазутин 1981: 81]. Приведём примеры исследуемых нами текстов с логическим параллелизмом: *Ветерочек поддувает, / Оттого и холодно. / А меня милка забывает, / Оттого и холодно* [КЧШР]; *Под окошечком у нас / Завяли помидорчики. / Подружка, здешние ребята / Нам не ухажёрчики* [КЧШР] и др. Преимущество такого вида параллелизма в том, что он не сковывает создателя частушки никакими символико-поэтическими рамками и канонами, а, наоборот, позволяет втягивать в параллельные поэтические ряды любые образы реальной действительности, дает возможность безгранично расширять тематику частушек [Лазутин 1981: 81].

Гораздо меньше в шекснинской частушке используется **формальный параллелизм**, когда фольклорный символ, на котором основан параллелизм, теряет своё первоначальное значение, а приём используется очень формально (часто – для создания рифмы) [Лазутин 1981: 77-79], например: *Под горою калина, / Под горою малина. / Ну, что ж, кому дело калина, / Ну, кому какое дело малина?* [КЧШР].

«Игровые» параллелизмы основаны на своеобразной игре, «поэтическом озорстве» [Зырянов 1974: 83] – намеренном нарушении создателем частушки традиционной символики. Используется такой вид параллелизма для создания комического и сатирического эффекта. «Игровые» параллелизмы также встречаются в коллекции шекснинских частушек, но достаточно редко – в силу своего позднего происхождения, например: *Во саду ли в огороде, / Выросла*

морковка, / Я, Миколка - дурачок, / Думал сороковка [МОНМЦ]; *Я по бережку ходила, / Берег осыпался, / Я беззубого любила, / Чтобы не кусался* [КЧШР].

Ещё один вид параллелизма, который достаточно редко встречается в шекснинских частушках (но уже не по причине новизны, а напротив, архаичного происхождения), – это **отрицательный параллелизм**, т.е. основанный на отрицании, например: *Ни кокушка ли кокуёт, / Соловеюшко поёт, / Иё бедная головушка / Без папоньки живёт.* [МОНМЦ]; *Не от солнышка рябина / Кисти принавесила. / Не от радости девчонка / Голову повесила* [КЧШР]. Статистка, проведённая исследователем русской народной частушки А. В. Кулагиной, показала, что из 20 000 текстов только 24 частушки построены на основе отрицательного параллелизма (из них лишь двенадцать – это основные тексты, а восемь – варианты) [Кулагина 2000: 54], подобная статистика характерна и для изучаемых нами текстов (на 3000 частушек только 5 – с отрицательным параллелизмом). Причиной непродуктивности рассматриваемого приёма исследователи считают специфику жанра: краткая форма частушки не может вместить развёрнутые формулы отрицательного (и положительно-отрицательного) параллелизма [Кулагина 2000: 55].

В основе некоторых параллелизмов, использованных в шекснинских частушках, лежит **антитеза** – противопоставление образов, например: *Раньше, было, запевала, / Запевалоцькой была. / А тепере запевалоцькой / Товароцька моя* [МОНМЦ]; *Не гармошка завлекает, / Не её весёлый тон, - / То, играя, завлекает, / До чего хороший он* [КЧШР].

Принцип противопоставления вносит наглядность в сюжет (рассказ, изображение) частушки [Клагге 1971: 127]. Усиливать противопоставление могут противительные союзы (чаще всего – союзы *а, зато, да*); слова, противопоставленные по значению (распространённая формула – *раньше – теперь*); слова со противительным значением (нарчение *наоборот*), например: *Девушки после изменушки / Теряют аппетит. / **А** у меня после изменушки / Нажевано летит* [МСЦТНК]; *Лиходей за милашку / Мине сулит могилушку. / Я ему **наоборот** – / Могилу вырою вперёд!* [ЛПВЧ]; *Ой, вспомни,*

милая подружка, / Как мы жили прошлой год, / Ой, ***а теперя*** *все гуляночки / Пошли* ***наоборот*** [МЧЦТНК]; ***Раньше*** *я была такая, / Девушка* ***развитая****, / Ну, а теперь моя головушка / Не тем забитая* [МОНМЦ].

Несмотря на то, что в современных частушках доля параллелизма уменьшается [Кулагина 2000: 52], этот синтаксический приём является неотъемлемой частью шекснинских частушек (являющихся традиционными по своей природе), служит основой для построения композиции, играет важную ритмико-интонационную роль, участвует в формировании поэтического языка символов.

Прямое и риторическое обращение

Особенность поэтического синтаксиса шекснинских частушек заключается также в использовании большого количества обращений, в том числе **риторического** характера, например: *Эх, топни,* ***нога****, / Топни,* ***правенькая*** *– / Всё рано ребята любят, / Хоть и маленькая* [КЧШР]; *Что-то,* ***белая берёзка****, / Ветру нет, но ты шумишь? / Что-то,* ***милоё сердечко****, / Горя нет, но ты болишь?* [КЧШР]. Риторические обращения в частушках служат средством усиления выражаемой мысли [Лазутин 1981: 76].

Однако более весомую часть обращений, используемых в частушках, составляют **обращения прямые**, адресованные конкретному человеку (людям), например: *Ни ходи,* ***милашка****, полём, / Ходи пригородоцькой. / Не могу налюбоваться / Над твоёй походоцькой* [МОНМЦ]; ***Задушевная подруга****, / Где же наши милые? / А неужели не болят / У них сердца ретивые?* [МОНМЦ].

Наличие большого количества прямых обращений в текстах частушек несомненно можно считать спецификой жанра. Исполняемая публично, рассчитанная на обязательную реакцию, частушка всегда имеет смысловую и эмоциональную обращенность [Лазутин 1981: 76].

Лирический герой/героиня чаще всего обращается к милой/милому, родителям, товарищу/товарочке, подругам (девкам), гармонисту, лиходею/лиходейке. В шекснинских частушках встречается также обращение к

конкретному лицу, названному по имени: *Миленький Иванушко, / Подумай про старинушку, / Как сидели на лугу – / Кушали малинушку* [ЯСРД]; *Милый Саша, воля ваша: / Хоть ходи, хоть не ходи. / Наговаривают девушки – / На это не гляди* [ЯСРД]; *Поиграй-ка, Вася, в хромочку, / А я пойду плясать / Не воротишь того времечка / Весёлого опять* [МСЦТНК] и др. Обращения, включенные в частушку, конкретизируют выражаемое ею содержание, точно называют образ, в адрес которого направлены те или иные мысли и чувства. Они во время исполнения облегчают восприятие частушки, говорят о том, кого частушка касается прежде всего, кто ее должен слушать особенно внимательно, кто при желании может на услышанную частушку ответить своей частушкой [Лазутин 1981: 77].

Говоря о прямых обращениях, стоит поднять вопрос о переходе таковых в разряд риторических, условных. Так происходит, во-первых, потому, что обращение приобретает функцию устойчивого поэтического выражения – формулы, которую исполнитель частушки может использовать, например, в качестве зачина: ***Задушевная подруга**, / Трепачи то дешевы. / По одиннадцать копеек / Самые хорошие* [ЛПВЧ]; ***Задушевная подруга**, / На Луне-то я была / Ох, на Луне миня не приняли, / Что пензия мала* [МОНМЦ]. В данных примерах обращение имеет условный характер, используется в качестве формулы-зачина, а основной акцент в тексте делается на содержание 2-4 строк. Во-вторых, функции прямого обращения могут по-разному реализоваться в различных коммуникативных условиях, в которых исполнялась частушка. Например, частушка *Хорошо тебе, **товарищ**, / У тя милка важная / А моя-то – полоротая / Целует каждого!* [МСЦТНК] может быть исполнена даже в отсутствии того самого *товарища*, у которого может даже не быть никакой *важной милки*, но исполнитель поёт именно этот текст, в котором сила переживаний лирического героя подчёркнута противопоставлением *милки*, которая *целует каждого* и *важной милки* товарища. О таких ситуациях нам не единожды сообщали наши информанты в ходе экспедиции в июне 2017 года, указывая на то, что частушки не только сочиняли, импровизируя, но и «*подбирали по ситуации*»,

соответствующей определённому моменту жизни. Ещё с большей степенью приобретает риторический характер прямое обращение в ситуациях, когда молодёжная (по теме, содержанию) частушка исполняется на праздниках, посиделках в кругу пожилых людей – а именно в таком формате продолжает жить частушка в современной деревне.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что поэтическкий язык частушек отличается высокой художественной ценностью. Повышенная экспрессия, психологизм создаются различными стилевыми и синтаксическими средствами (в данном разделе описаны только самые основные). В создании особого стиля частушек участвуют также словообразовательные средства. Традиционные средства языка, характерные для архаичных жанров, сочетаются в частушке со специфично-частушечными средствами.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Изучаемый нами материал представляет собой частушки (*короткие писни*), собранные на протяжении нескольких десятилетий (с 1963 г. по 2017 г.). В данном исследовании установлено влияние различных жанров на язык шекснинской частушки (свадебные причеты и попевки, причитания о покойнике, скоморошьи песни, детские песенки, календарные песни-попевки, лирические песни, былины, пословицы и поговорки).

Главные темы шекснинских частушек – это любовь, разлука, ревность, брак, а также шутливые сюжеты. Это определяет частотные характеристики словаря данного жанра: наиболее частотны названия любимого человека, соперницы (соперника), термины родства, отвлечённые существительные и слова других частей речи, называющие эмоциональные состояния человека.

Шекснинские частушки обладают яркими жанровыми особенностями, выраженными в строении текста, композиции, способе изложения речи. Архаичные приёмы построения композиции соседствуют с приёмами, характерными только для данного жанра.

Самая важная идея (рема – новая информация) двучастных текстов чаще всего заключается в последних двух строках частушек. Первые же строки текста, которые часто содержат обращения, чаще всего являются символической частью параллельной конструкции, выражают распространённую тему частушек – могут приобретать формульный (устойчивый) характер.

Устойчивые формулы в шекснинских частушках используются очень широко и имеют различную синтаксическую структуру: отдельные словоформы, словосочетания разных видов, биномы-репрезентативные пары, простые и осложненные предложения разного состава, экспрессивные параллельные конструкции различного типа. Согласно нашему исследованию, наиболее обширна группа формул – субстантивных словосочетаний. Наличие большого количества подобных формул отражает общефольклорную ситуацию.

В шекснинских частушках встречаются как фольклорные формулы, характерные для других жанров устного народного творчества, так и формулы, присущие исключительно частушкам.

В особую группу мы выделим региональные фольклорные формулы. Такие формулы возникли и получили распространение в силу своеобразия культурно-языковой среды исследуемого региона.

В небольшом объеме текста частушки выражается сжатый сюжет в его кульминации, что определяет повышенную экспрессивность частушки. С этой целью используются различные языковые средства. Во-первых, очень часто встречаются эмоционально-оценочные лексические единицы: междометия, частицы, союзы, а также лексика с экспрессивной и оценочной коннотацией. Во-вторых, часто используются эмоционально-экспрессивные суффиксы с субъективно-оценочной семантикой, двойные приставки, сложные и сложносоставные слова. В-третьих, наблюдаются традиционные и индивидуально-авторские тропы и стилистические фигуры, средства поэтического синтаксиса: параллелизмы, антитеза, риторические вопросы и обращения, гиперболы, метафоры, метонимия, ирония, сарказм и пр. Таким образом, язык шекснинских частушек обладает высокой художественной ценностью.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК

Язык частушек Шекснинскиого района Вологодской области демонстрирует яркие региональные особенности на различных ярусах языка. Задача данной главы – исследовать данные особенности на фонетическом, грамматическом, лескическом уровнях языка.

3.1. Диалектные фонетические особенности языка шекснинских частушек

Задача, которую мы ставим в данном разделе исследования, – выявить диалектные особенности языка шекснинских частушек на фонетическом уровне. Следует отметить, что работ, посвящённых изучению диалектных фонетических особенностей фольклорных текстов (различных жанров) очень мало по объективным причинам: записи фольклорных текстов часто не отражают (или только частично отражают) особенности диалекта на уровне фонетики. Однако более 2/3 текстов нашей коллекции сопровождаются аудиозаписями, многие письменные тексты частично отражают шекснинский говор, поэтому мы имели возможность определить фонетические особенности языка шекснинских частушек.

Речь жителей Шекснинского района Вологодской области хранит черты вологодских и белозерско-бежецких говоров северного наречия [Яцкевич 2017: 149]. Переходный характер этих говоров, их неоднородность наглядно представлена в «Диалектном атласе русского языка» [ДАРЯ].

Среди записей текстов были обнаружены и такие, которые зафиксированы без учёта диалектных особенностей, однако для образования рифмы (иногда – для создания более точной рифмы) требуют использования произношения слова

согласно диалектной специфике. Подобным образом записаны некоторые частушки в тетради Г. И. Писаревой со слов её матери – Е. Т. Назаровой (1914 г. р., д. Б. Игая). Например, записано так: *До свидания дорогой, / Пошла на опера**цию**. / Будут сердце моё резать / За любовь горя**чую*** [КЧШР]. Слова *опера**цию*** - *горя**чую*** в конце строк образуют очень неточную рифму (разница и в гласных, и в согласных рифмующихся слогов), если только не произнести слово *горячую* с характерным для местного говора цоканьем, т.е. с согласным [ц’] в конце слова: *горя**цюю***.

Тексты частушек, содержащие лексемы, произносимые с диалектными особенностями, благодаря которым **образуется (или уточняется) рифма**, - можно назвать уникальными, специфичными для шекснинского района, его конкретных посёлков и деревень. Можно предположить, что подобные тексты гораздо реже заимствовались в культуру другой местности, на территорию иного говора, либо переходили в вариантах с более сложными заменами – строк, слов и пр.

Собранный нами материал позволяет более полно изучить диалектные фонетические особенности шекснинских частушек, поскольку большая часть записей делалась с учётом фонетических особенностей местной речи: это тексты частушек Вологодского областного научно-методического центра культуры [МОНМЦ], Череповецкого центра традиционной культуры [МОНМЦ], Сиземского центра традиционной культуры [МОНМЦ; МСЦТНК]. Ср., например, отражение ёканья в записях Вологодского областного научно-методического центра культуры: *Что́-то, бе́лая берёзка, / Ве́тру нет, но ты шуми́шь? / Что́-то, ми́ло**ё** серде́чко, / Го́ря нет, но ты боли́шь*? [МОНМЦ] И, безусловно, наиболее ярко черты шекснинских говоров отражены в аудиозаписях архивов Вологодского областного научно-методического центра культуры, Череповецкого и Сиземского центров традиционной народной культуры, а также в аудио- и видеозаписях исполнения частушек, которые мы выполнили в ходе экспедиции в Шекснинский район в июне 2017 года [КЧШР].

В результате исследования всех записей текстов, в том числе, видео- и аудиозаписей, которыми мы располагаем, были выявлены следующие фонетические особенности диалектного произношения в шекснинских частушках.

Особенности произношения гласных звуков

Наиболее стабильная фонетическая особенность шекснинских говоров, встречающаяся и в живой речи, и при исполнении частушек, – это **оканье**, произнесение звука [о] на месте фонемы <о> и произнесение звука [а] на месте фонемы <а>, при этом используется характерное для северного наречия (и архаичных вологодских говоров) – полное оканье, т.е. различие [о] и [а] не только в ударном и первом предударном слоге, но и в остальных безударных слогах [Иванов 1957: 25]: *вык**о**л**а́**чив**а**й, з**а**х**о**т**е́**л**о**ся, ск**о́р**о, к**о**р**о**в*а и пр. Например: *Г**о**в**о**рят, что б**о**ев**а**я, / Б**о**евая я и есть. / Я и д**о**м**а** б**о**евая – / Б**о**евы́м б**о**льш**а́**я честь* [КЧШР].

Эта фонетическая особенность неслучайно стала особой темой частушек: *У милого моего / Поговорочка на «о». / Я за эту поговорочку / Любила-то его* [ЯСРД]; *У милого моего. / Поговорочка на «о». / Я за эту поговорочку / Оставила его*. [ЯСРД]; *У милого моего / Поговорочка на «о». / Он на «о» и я на «о» – / Значит, пара ничего* [Пропою 2017]; *У милёнка моего / Поговорочка на «о». / Он на «о» и я на «о» - / В общем, пара – ничего* [КЧШР].

В связи с такой спецификой говора, как оканье, обращает на себя внимание использование в шекснинских частушках приставки *роз-/рос-*, которая сохраняет в текстах своё архаичное северное звучание и практически не имеет вариантов с гласной ***а*** (*раз-/рас-)*: *р**о**злива́ть, р**о**звесёлый, р**о**збуди́ть, р**о**зве́яться, р**о**зойти́сь, р**о**сста́ться, р**о**скопа́ть, р**о**скрути́ть* и пр. Например: *Выхожу́ и выруча́ю / Ми́лую-преми́лую, / А ты, Ви́тя, р**о**зведи́ / Свою́ игру́ люби́мую*. [МОНМЦ]; *Неуже́ли не р**о**ста́ет / У коло́дца льди́ночкя. / Неуже́ли не вернётся / С фро́нту ягоди́ночкя* [МОНМЦ]. Крайне редко встречаются варианты

с приставкой *рас-* (мы зафиксировали всего 4 случая такого варианта приставки в частушках): *р**а**ссказа́ла, р**а**спрокля́тый, р**а**скати́лася, р**а**ссы́палась*.

В окончаниях *-ый* и *-ий* прилагательных и порядковых числительных прослеживается звук [о] вместо [ы]/[и]: *нечёсан**ой*** (*нечёсаный*), *берёзов**ой*** (*берёзовый*), *вели́кой* (*великий*), *а́л**ой*** (*алый*), *моло́деньк**ой*** (*молоденький*), *роди́м**ой*** (*родимый*), *ро́зов**ой*** (*розовый*), *некраси́в**ой*** (*некрасивый*) и пр. Например: *Мы с това́рищом вдвоём / Пень берёзов**ой** метём, / Собира́лися идти́ / Оси́ну го́рькую метти́*. [МОНМЦ]; *Ны́нче Ма́сленца сгоре́ла, / Настаёт Вели́к**ой** пост, / Си́дит ко́шка на око́шке, / Вышива́ет себе хво́ст* [МОНМЦ]; *Не краси́вая сосна́, / Краси́в**ой** подсосёночок. / Не краси́вая сама́, / Краси́в**ой** помилёночок*. [МОНМЦ].

Наблюдается в текстах шекснинских частушек и так называемое ёканье – переход звука [э] после мягких согласных в слабой позиции в звук [о] (чаще всего в написании обозначен буквой Ё): *се́рдц**ё*** (*сердце*), *сьпи́т**ё*** (*спите*), *вы́рост**ё**т* (*вырастет*), *сыгра́йт**ё*** (*сыграйте*), *зо́лотц**ё*** (*золотце*), *отвеча́**ё**т* (*отвечает*), *помилёноч**о**к* (*помилёночек*), *си́н**ё*** (*сине*), *мо́р**ё*** (*море*) и пр. Например: *Сьпи́т**ё**, па́вловськие ба́бы, / Сьпи́т**ё**, сьпи́т**ё**, тётушки, / Сыновёй ваши́х ни лю́бим, / Сьпи́т**ё** без зобо́тушки* [МОНМЦ]; *Я тогда́ тибя́ забу́ду, / Ягоди́нка дорого́й, / Ко́гда вы́рост**ё**т на ка́мешке / Цвето́чек голубо́й* [МОНМЦ].

В шекснинских частушках прослеживается архаичная черта произношения, связанная с судьбой звука, обозначавшегося на письме буквой Ѣ. Между мягкими согласными под ударением на месте бывшего Ять произносится чаще всего звук [и], но перед твёрдыми согласными и в конце слова – [э]: *л**е**с*, но *в л**и**се* (*в лесу*); *бес**е**да*, но на *бис**и**де* (*на беседе*); *п**и́**сьни п**и́**ть* (*песни петь*); *погледи́ть* (*поглядеть*); *свид**и́**тели* (*свидетели*) и пр. Приведём пример текста: *Не коку́й, коку́шка, в л**и́**се, / На оси́не проклято́й. / Седь на бе́лую берёзку, / Зво́нкой пта́шечкой запо́й* [МОНМЦ]; *Вересовы те кустечки – / Мои свид**и**тели. / Не сами с миленьким расстались – / Развели родители* [Яцкевич 2011]

На месте буквы Ѣ в прилагательных и наречиях в форме сравнительной степени на *–ее* вместо звука [э] после мягкого согласного под ударением в некоторых словах произносится звук [а]: *весел**я́**е* (*веселее*), *повесел**я́**е* (*повеселее*), *шустр**я́**е* (*шустрее*). *Поигра́й повесел**я́**е / Сизьмари́ пошли́ пляса́ть / А мы – дивчо́нки боёвы́е / И не хо́чем уныва́ть* [МСЦТНК].

В шекснинских частушках прослеживается замена звука [э]/[э^{и}] на [и]/[и^{э}] и в некоторых словах, где [э] находится в слабой позиции (первой и второй предударной, заударной) перед мягким согласным: *в**и**сёлый*, *в**и**селе́е*, *разв**и**сёлый*, *м**и**ня́*, *т**и**бя́*, *со́в**и**сь* (*совесть*) и пр. *Наговáривают дрóле, / Наговáривают все, / Чтóбы он м**и**ня́ остáвил, / Как травúночку в овсé* [КЧШР]; *Выхожу́ и выручаю, / Задуше́вная, тибя́. / То́лько ты не выруча́ешь / Ни в како́й беде́ м**и**ня́* [МОНМЦ]; *Поигра́й пов**и**селя́е, / Перебóрчик ми́лова. / Потихóнечку игрáй, / Не задева́й ретúвова* [МОНМЦ].

В шекснинских частушках отражена ещё одна архаичная черта, свойственная вологодским говорам, – это незавершённая деназализация [Преображенская 1977: 38-49]. В результате этого процесса на месте носового звука (обозначавшегося ранее на письме буквой Ѧ) под ударением, в позиции между мягкими согласными, где в литературном языке звучит гласный [а], а в шекснинских говорах может звучать [э]: *с**é**дь* (*сядь*), *гул**é**ли* (*гуляли*), *пр**é**ли* (*пряли*), *отвор**é**й* (*отворяй*), *укор**é**й* (*укоряй*). *Не коку́й, коку́шка, в ли́се, / На оси́не проклятóй. / С**е**дь на бе́лую берёзку, / Звóнкой пта́шечкой запóй*. [МОНМЦ]; *А лиходе́йка у двере́й, / А говори́т: «Не отвор**é**й!». / А я тебе́ не лиходе́йка, / Ты меня́ не укор**é**й* [МОНМЦ].

Особенности произношения согласных звуков

В шекснинских говорах наблюдаются диалектные особенности и в произношении согласных звуков.

Яркая черта, представленная в текстах шекснинских частушек и характерная для некоторых говоров северного наречия, - это цоканье, т.е.

неразличение аффрикат [ц] и [ч’], совпадение их в звуке [ц’] (реже – [ц]): *восемна́**ц**ять* (*восемнадцать*), *се́р**ц**ё* (*сердце*), *клю**ц**я́м* (*кючам*), *но**ц**я́м* (*ночам*), ***ц**ево́* (*чего*), ***ц**е́рез* (*через*) и пр. Например: *Ми́лый се́рдица по **ц**ё, / **Ц**е́рез **ц**ё, по **ц**ё, на **ц**ё. / Али де́вки **ц**ё сказа́ли, / Али сам у**цю́**ял **ц**ё*? [КЧШР]; *Серогла́зенький ты мой, / **Ц**ево́наде́лал надо мно́й? / Безо спи́**ц**ёк, без огня́ / Разжёг серде́**ц**ькё у меня́* [КЧШР].

В шекснинских частушках наблюдается регрессивная ассимиляция по мягкости согласного звука [к]: он произносится мягко – [к’] – после предшествующего ему мягкого согласного: *ско́ль**к**ё* (*сколько*), *то́ль**к**ё* (*только*), *ке́поч**к**ёй* (*кепочкой*), *тяжелёхонь**к**ё* (*тяжелёхонько*), *го́рь**к**ё* (*горько*), *дро́леч**к**ёй* (*дролечкой*), *ёлоч**к**ёй* (*ёлочкой*), *крыле́ч**к**ё* (*крылечко*), *ягоди́ноць**к**я* (*ягодиночка*), *дро́ль**к**я* (*дролька*), *ке́поць**к**я* (*кепочка*), *а́ленько**я**я* (*аленькая*), *това́роч**к**я* (*товарочка*) и пр. Например: *Ягоди́ноч**к**я пое́хал, / Се́рой ке́поч**кё**й махну́л. / Он, наве́рно, в э́то вре́мя / Тяжеле́хонь**кё** вздохну́л*. [МОНМЦ]; *Я от го́ря убега́ю, / Го́рё всё за мно́й идёт; / Я от го́ря – в си́нё мо́рё, / Го́рё у́точ**кё**й плывёт*. [МОНМЦ]; *Я иду́, да го́рь**кё** пла́чу, / Отвеча́ёт солове́й: / «Не верну́ть любо́вь по-ста́рому, / Напра́сно слёз не ле́й»*. [МОНМЦ]; *Неуже́ли не расте́ет / У коло́дца льди́ноч**к**я. / Неуже́ли не вернётся / С фро́нту ягоди́ноч**к**я*. [МОНМЦ].

На месте сочетания *чт* в текстах шекснинских частушек произносится [штш] или [с’ц’]: ***штш**о* (*что*), *по**штш**о́* (*почто*), ***сьц**ё* (*что*), ***сьц**ёбы* (*чтобы*) и пр. *Запери́тё мо́ё се́рцё / Восемна́дцати клюця́м, / **Штш**о́бы ста́рой ягоди́ноцькя / Не сни́лся по ноця́м* [КЧШР.]; *Ты не ду́май, ягоди́нцька, / **Штш**о ты у меня́ оди́н: / Есть и в Чу́ровских, и в Ча́ромских, / И в Си́зьме ни оди́н* [КЧШР.]; ***Сьц**ё ты дро́лецькя не хо́дишь / Или це́м не угоди́л. / На свида́ньицё оно́цесь / Не любу́ю пригласи́л* [ЛПВЧ].

Звук [ш̄’] в шекснинских частушках чаще всего произносится как твёрдый [ш̄]: *про**шш**а́й* (*прощай*), *у**шш**ипну́* (*ущипну*), *голени́**шш**а* (*голеница*), *опу**шш**у́* (*опущу*), ***шш**ипа́ли* (*щипали*) и пр.. Например: *Под око́шечком у нас / Завя́ла ро́за а́лая. / Здра́вствуй, но́вая любо́вь, / Про**шш**а́й, изме́на ста́рая* [КЧШР]; *За реку́*

*гуля́ть не хо́дим – / Голени́**шша** коротки́, / А голени́**шша** розогнём, да / За реку́ гуля́ть пойдём* [МОНМЦ]. Также звук [ш̄’] реализуется и в сочетание [шч]: *та**шч**и́лася, ни**шч**ета́, про**шч**а́й*. Например: *Ны́нче Ма́сленца прохо́дит, / Настаёт Вели́кий пост. / Все корзи́нки пригоре́ли, / Ни**шч**ета́ поджа́ла хво́ст*. [МОНМЦ]; *Ох, проводи́ла дорого́ва / До доро́жки то́рные / Проводи́ла, да сказа́ла: / - Про**шч**а́й, гла́зки чёрные* [МОНМЦ]. Заметим, что варианты произношения [ш̄]/[штш] наблюдаются как в речи разных информантов, так и в речи одного информанта.

В некоторых словах шекснинских частушек отмечается ассимиляция согласных, с удвоением согласной: *ме**тт**и́* (*мести*), *и**тт**и́* (*идти*), *на**тт**и́* (*найти*), *до**жж**а́тьца* (*дождаться*), *о**мм**очи́ла* (*обмочила*), *зано́си**сс**я* (*заносишься*). Например: *Ягоди́ночкя уби́т, / Пило́точкя валя́етцо. / Не до**жж**а́тьца мине́, / Когда́ он из а́рмии придёт* [МОНМЦ]; *На гачу́люшке гача́лась, / Под гачу́люшкой – вода́, / Пла́тье бе́ло о**мм**очи́ла, / Это ма́мина беда́* [МОНМЦ].

В произношении некоторых слов наблюдается нерезко выраженное противопоставление шумных глухих и звонких согласных [Касаткин 1999]. В слове *качель*, а также во всех формах этого слова и в однокоренных лексемах (*качаться, качелюшки* и пр.) в корне вместо глухого согласного звука [к] произносится звонкий [г]: ***г**ачи́ли, **г**ачу́люшкой*, *гача́лась*. Например: *На **г**аце́люшке **г**аця́лась, / Не боя́лась высоты́. / Дро́ля вы́хватил гребёноцьку / Из ру́сые косы́* [МОНМЦ]. Звук [х] в заимствованных словах *хулиган* и *характер* произносится как [к]: ***к**улига́н*, ***к**ара́ктер*. Например: *Я люби́ла те́бя, дро́лечка, / Люби́ла и люблю́. / За **к**ара́ктер уважи́тельный, / За со́вись ве́рную* [МСЦТНК]. Звук [ф] в слове *шкаф* (в нашем примере – *шкафик*) произносится как [п]: *шка́**п**ик*. Например: *Не под то сапо́жки ши́ты, / Што́бы в шка́**п**ике лёжа́ть. / Не под то мы зароди́лись, / Штоб от ка́ждого дрожа́ть* [МОНМЦ].

Особенности произношения отдельных слов

В шекснинских частушках наблюдается также специфичное произношение некоторых звуков в отдельных словах.

Слова *кукушка, куковать, прокуковать* в текстах шекснинских частушек в преобладающем количестве употреблений произносятся с корневым гласным [о]/[оᵘ] вместо общерусского [у]: *к**о**ку́шка, к**о**ку́ет, прок**о**ку́й. Ни к**о**ку́шка ли к**о**ку́ёт, / Соловéюшко поёт, / Иё бéдная голóвушка / Без пáпоньки живёт* [МОНМЦ]; *А не натти́ такóва мéста, / Где к**о**ку́шка клáлася, / А не натти́ такóва дро́лечки, / С каки́м росстáлася* [МОНМЦ]

Наблюдая за живой речью жителей Шекснинского района во время экспедиции 2017 года, а также исследуя репортажные аудиозаписи фольклористов за 1999-2009 года, мы отметили, что некоторые из перечисленных выше диалектных особенностей, встречающихся при исполнении частушек, в живой речи могут использоваться очень непоследовательно или совсем не использоваться информантами.

Так, например, происходит со специфичной особенностью – цоканьем. «*Рáньше говори́ли не «чевó», а «цевó»*» [КЧШР], - сообщает нам И. П. Ляпичева (жительница д. Малый Овинец, 1939 г. р.), признавая тем самым и разрушение этой черты говора в современной речи жителей Шекснинского района. (Действительно, наблюдая за речью жителей шекснинского района, молодёжи, мы не часто встречали проявление цоканья, это было, скорее, исключением). В живой речи И. П. Ляпичевой звучат слова как с характерным «цокающим» произношением (***ц**евó*, *дев**ц**ёнки*), так и с произношением в рамках литературной нормы (*на**ч**ало*), а также произношением ***ч*** как звука, среднего между [ч’] и [ц'] (*трави́но**ч**ек*). Однако ряд частушек исполняются Ингой Павловной исключительно с мягким цоканьем, т.к. такое произношение играет наиважнейшую роль в формировании общего звукового образа частушки: *Ми́лый се́рди**ц**я по **ц**ё, / **Ц**е́рез **ц**ё, по **ц**ё, на **ц**ё. / Али дéвки **ц**ё сказа́ли, / Али сам у**ц**ю́ял **ц**ё*? [КЧШР]; *Я с подру́жкой «**ц**ё» да «**ц**ё», / Да но́**ц**ькю всю трезвóнила. / До**ц**евóкали*

до де́ла / - *Ми́лку проворо́нила* [ЛПАЧ]. Игра звуков в этих частушках повышает общую эмоциональность, экспрессию текста, нарочитые повторы звука [ц’] создают также и комический эффект, придают тексту шутливый характер, свойственный частушке как жанру. И, безусловно, цоканье сохраняет в частушке местный колорит, выделяет их среди прочих. Неслучайно сиземские собиратели, признавая особый характер таких текстов, объединяют их в разделе «Частушечки на «ЦЁ» [ЛПВЧ].

Исполнители шекснинского фольклора также с особым вниманием относятся к фонетическим особенностям частушек, поэтому фиксируют и сохраняют их аутентичное звучание в исполнении, принимая во внимание важность этих особенностей в создании особого местного колорита и звукового образа частушки [МСЦТНК].

Подводя итоги, отметим, что исследование фонетических особенностей языка частушек Шекснинского района Вологодской области стало возможным благодаря наличию текстов, записанных с частичным фиксированием фонетических особенностей языка, а также благодаря наличию большого количества аудиозаписей с исполнением частушек. Были отмечены особенности языка частушек на уровне фонетики, характерные для северного наречия (вологодских и белозерско-бежецких говоров) и проявившие себя именно в текстах частушек (но не в диалектной речи в целом). Многие особенности диалектной речи проявляются в шекснинских частушках непоследовательно, что обусловлено влиянием литературного языка. В более высокой степени претерпевает изменение живая обыденная речь, в то время как в шекснинских частушках диалектные фонетические особенности встречаются чаще. Таким образом, мы можем говорить о том, что частушка иллюстрирует архаичные элементы речи и, следовательно, является ценнейшим источником для изучения истории языка и народной культуры. А также частушка, сохранившая старинное, специфичное для изучаемого нами района произношение, является и культурным

феноменом: она не только придаёт текстам местный колорит, но и служит предметом гордости и средством самоидентификации местного населения.

3.2. Специфика грамматических форм языка шекснинских частушек

По нашим наблюдениям, в языке шекснинских частушек встречается очень большое количество диалектных форм архаичного характера. В настоящее время не существует специальных исследований, посвящённых архаичным диалектным грамматическим формам в языке частушек. Задача данного раздела – выявить и описать архаичные особенности языка шекснинских частушек на уровне грамматики.

Располагая большим количеством материала (более 3500 текстов и вариантов), собранного в течение нескольких десятилетий, мы выдвинули гипотезу, что язык частушек, зафиксированных в разные годы от исполнителей разного возраста, может иметь отличия, в том числе обладать некоторыми архаичными чертами.

Архаичными (или реликтовыми) грамматическими формами мы будем называть такие формы слова, которые не являются продуктивными или не используются в современном литературном языке, в то время как эти формы были характерны для русского языка XIX века и более ранних его периодов.

Рассмотрим далее, какие реликтовые грамматические формы сохранились в употреблении разных частей речи в языке шекснинских частушек.

Архаичные грамматические формы имён существительных

Длительный процесс разрушения системы склонений древнерусского языка и становления новой системы был сложным, включавшим в себя ряд важных моментов взаимодействия разных типов склонения [Иванов 1990: 253]. В результате этого процесса в русском языке XIX века в системе склонений образовались варианты падежных форм, которые были широко распространены

как в книжном, так и в живом разговорном языке. При этом попытки узаконить ту или иную форму как «правильную» - не всегда увенчивались успехом, иногда грамматики даже противоречили друг другу [Очерки 1964: 166-276]. Такая вариативность форм, характерная для языка XIX века, нашла отражение в говорах, а также в фольклорных текстах, зафиксированных в XX-XXI столетиях, в том числе и в частушках Шекснинского района Вологодской области.

Приведём примеры употребления существительных в формах **единственного числа** (в косвенных падежах), которые не используются в современном русском литературном языке или употребляются, но обладают особой стилистической окраской.

- Форма Ед. ч. Р. п. с флексией *–у*: *Лиходеечка моя, / Маленького ростик**у**. / Она похожа на собачку, / Только нету хвостик**у*** [ЛПВЧ]; *Балалайка семиструнная / Пылится от песк**у**. / Балалаечник девчоночку / Наводит на тоску* [ЯСРД]; *Будет, будет – поскрипели / От мороз**у** сапоги. / Ты не то что на колени – / Из кута не выходи* [ЯСРД]; *Над угором много верес**у**, / Зелёных ёлочек. / Я не думаю гоняться / За тобой, милёночек* [МСЦТНК]. В современном русском языке форма существительных Ед. ч. Р. п. на *–у* распространена менее, чем форма на *–а* (и активно вытесняется этой формой) в силу того, что существуют лексико-семантические и стилистические ограничениях употребления формы на *–у*: она применяется для существительных, обозначающих часть целого или некоторые абстрактные понятия, а также используется во фразеологизмах. Основной сферой бытования рассматриваемой формы является разговорная речь [Русская грамматика 1980: 486].

- Форма Ед. ч. Д. п. существительного *путь* с флексией *–е*: *Девушки-матушки, / И Бог по пут**е**. / Кого любила да жалела, / И тот в забытье* [ЯСРД]. В древнерусском языке форма Д. п. на *–е* соответствует склонению существительных с основой на *ā,* так что вариант *пут**е*** появился в языке в связи с процессами взаимодействием склонений и сохранился в говорах. В современном русском языке используется более архаичный вариант склонения (*пут**и***), который фиксировался до разрушения системы склонений древнерусского языка.

- Форма Ед. ч. Т. п.: *Золотое-то колечко / С нутряною проб**ою**. / Поздравляю, милый, вас / С новою зазноб**ою*** [ЯСРД]; *Под гор**ою** калина, / Под гор**ою** малина. / Ну, что ж, кому дело калина, / Ну, кому какое дело малина*? [КТАР]. Окончания *–ою* свойственны для формы Т. п. ед. ч. древнерусского существительного с основой на *ā* [Иванов 1990: 247]. В современном русском языке существительные женского рода в форме ед. ч. Т. п. имеют окончание *–ой*, а формы на *–ою* используются редко, являются стилистически окрашенными (просторечными или поэтическими).

- Форма Ед. ч. Пр. п. с флексией *–у*: *Квасюнята-ёжики, / Да во карманах ножики, / Большая гиря на вес**у**, / Пистолет на пояс**у*** [ЯСРД]; *Потеряла я колечушко / На улице в лом**у**. / Нету старого родителя / У милого в дом**у*** [ЯСРД]. Уже в русском языке XIX века форма на *–у* считается разговорной, в то время как форма на *–е* – предпочтительной [Очерки, 1964, 193]. В современном русском языке слова в форме ед. ч. Пр. п. с предлогами *на, в* и оканчивающиеся на *–у* могут считаться как стилистически нейтральными (например, *на весу* – сочетание, которое используется в качестве наречия), так и книжными или разговорными, просторечным (например, *в дому*) [Русская грамматика 1980: 486].

В текстах шекснинских частушек также встречаются существительные в реликтовой форме **двойственного числа**.

В частности, в языке частушек используются устаревшие формы двойственного числа существительных в Винит. п., например: *Кабы были крылышк**а**, / Так улетела б девушка / На приёмное крыльцо – / Стоит забрито золотцо* [ЯСРД]; *К быстрой речке подошла, / Пала на коленочк**а**. / Посмотри, родимая, / Тону из-за милёночка* [ЯСРД]. В приведённых примерах существительные среднего рода *крылышко* и *коленочко* в форме двойственного числа винительного падежа имеют флексию *-а*, свойственную для этих форм в русском языке начала и середины XIX века [Очерки… 1964: 230], однако указанные слова в данной форме не употребляются в современном литературном языке.

Одним из основных признаков севернорусского наречия, является совпадение форм дательного и творительного падежа в форме дательного падежа. [Малахов 2013: 42]. В шекснинских частушках мы обнаружили несколько примеров, демонстрирующих подобное явление: *Лиходеечки не знала – / Указал залётка сам. / А не особенно красива: / Жидконогая, с кос**ам*** [КЧШР]; *Хулиганская головушка / Бинт**ам** замотана, / Принудиловка дана, / И та не отработана* [МОНМЦ]; *Все я реки и озёра / Принаполнила слез**ам**. / Надоело мене девушке / Шататься по людям* [ЯСРД]; *Клялся миленький, божился, / Он сидел под образ**ам**. / Сделал девушке изменушку – / Замаялся глаз**ам*** [ЯСРД]; *Ты не ной, моё сердечушко, / Под белымя груд**ям**. / Накажу милому весточку / С хорошимя люд**ям*** [ЯСРД]. *На горе милого дом – / Вся усадьба видно. / С чужак**ам** буду гулять - / Своим обидно* [ЯСРД]. Все приведённые выше тексты являются наиболее ранними из того материала, которым мы располагаем. По нашим наблюдениям, сделанным во время экспедиции в Шекснинский район в 2017 году, и молодые, и пожилые информанты (жители исследуемого нами района) в настоящее время в живой речи не используют указанную форму, в силу чего использование формы дательного вместо творительного падежа можно считать устаревшим.

Архаичные грамматические формы имён прилагательных

Яркой особенностью языка шекснинских частушек является использование в текстах большого количества кратких прилагательных. Безусловно, краткие прилагательные используются и в современном языке, однако функции их ограничены: чаще всего они выступают в качестве предиката [Русская грамматика 1980: 555].

В текстах шекснинских частушек также встречаются краткие прилагательные в функции предиката, например: *Юбка нов**а**, шаль пухов**а**, / Кофта разноцветная. / Дролю цветиком зовут, / Наверно, стоит этого* [МСЦТНК].

Однако в большей степени обращают на себя внимание так называемые усечённые прилагательные – особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах [Кулёва 2008а: 6].

В шекснинских частушках можно наблюдать большое количество усечённых прилагательных, например: *Я надену юбку* ***синю*** */ Ремешок-то лаковый. / У нас, милёночек, с тобой / Характер одинаковый* [МСЦТНК]; *Буду пить* ***холодну*** *воду / Изо всех текучих рек. / Буду лить* ***текучи*** *слёзы / По тебе, милаша, век* [ЯСРД]; *Любила* ***розовы*** *цветочки / По канавам собирать. / Любила серенькие глазки, / Да придётся забывать* [ЯСРД]. Многие усечённые прилагательные являются частью фольклорных формул (устойчивых выражений, словосочетаний), встречающихся не только в частушках, но и в других жанрах фольклора: *чисто поле, бела рубаха, буйна голова, родна матушка* и пр. В современном языке усечённые прилагательные употребляются крайне редко, как правило, в устойчивых выражениях, в целях создания народнопоэтического колорита [Русская грамматика 1980: 555].

В текстах шекснинских частушек встречаются отдельные случаи использования архаичных форм склонения прилагательных, например: *Ты не ной, моё сердечушко, / Под белы****мя*** *грудям. / Накажу милому весточку / С хороши****мя*** *людям* [ЯСРД]. Прилагательные *белымя* и *хорошимя* употреблены в архаичной форме женского рода множественного числа, которая в современном языке совпадает с формами мужского и среднего рода множественного числа (*белыми, хорошими*).

Архаичные формы наблюдаются также в использовании сравнительных степеней прилагательных. Во-первых, в текстах встречаются случаи использования архаичной формы на *–ае*, сформировавшейся в древнерусском языке [Иванов 1990: 301], например: *Иссушил меня милой, / Суш****ае*** *травки полевой. / Я иссушила милого, / Суш****ае*** *куста ивова* [ЯСРД]; *Моего милёночка /*

*Его сгубила водочка. / Пил бы сладкое вино – / Мил**яе** не было б его* [ЯСРД]. Во-вторых, обращает на себя внимание образование форм сравнительной степени с морфом *–ее* от относительных прилагательных: *Сяду я на лавочку, / Которая **покатее**. / Полюблю, не ошибусь, / Который **побогатее**.* [ЯСРД]; ***Сиротее, сиротее, / Сиротее** не одна, да. / **Сиротее** задушевная / Товарочка моя* [КЧШР]. В современном литературном языке такое образование формы сравнительной степени не считается продуктивным [Русская грамматика 1980: 560], в то время как в говорах формы на *–ее* распространены шире [Иванов 1990: 301].

Архаичные грамматические формы имён числительных

Тексты шекснинских частушек содержат примеры архаичных грамматических форм имён числительных.

Так, в древнерусском языке числительные *пять* и *десять* склонялись по типу существительных женского рода с основой на *i* (как существительное *кость*) [Павлович 1972: 61]. Подобный тип склонения характерен и для современного русского языка, однако числительные в дистрибутивном (распределительном) значении в сочетании с предлогом *по* – выступают в форме именительного падежа (а не дательного): *по **пять** рублей, по **девятнадцать** раз*. В шекснинских частушках мы можем наблюдать сохранение традиционного варианта склонения (характерного в том числе для современного книжного языка [Русская грамматика 1980: 578]): *Ой, рожь – по пят**и**, / Греча – по пятнадцат**и**. / Меня милый целовал / Раз по девятнадцат**и*** [ЯСРД].

В текстах шекснинских частушек мы также встречаем примеры склонения сложных числительных, характерных для древнерусского языка, в таких случаях при склонении числительного вторая его часть не изменяется, например: *Под гармошку плясать – / Это очень просто, / Будем весело гулять / Годов до девяност**о*** [ОНМЦ]. Не стоит исключать того, что в приведённом примере форма *девяност**о*** могла сохраниться в том числе благодаря влиянию рифмы, образованной словом *пр**осто***.

Архаичные грамматические формы местоимений

В шекснинских частушках обнаруживаются архаичные грамматические формы местоимений.

В XIX веке личное местоимения 3-го лица женского рода *она* в форме родительного падежа при употреблении с предлогом *у* имело несколько форм: *ея /её/ей* и *нея/неё/ней* [Очерки… 1964: 572]. В книжной речи чаще использовалась форма с начальной *н*’, при этом во второй половине XIX века форма *ней* (*у ней*) употреблялась очень часто наряду с *неё* (*нея*) [Очерки… 1964: 574-575]. Первую форму (*у ней*) мы можем наблюдать и в шекснинских частушках: *У соперницы моей / Кудри вьются до бровей, / Ухажёров у* ***ней*** *много, / Зато мало трудодней* [КЧШР]; *Мама веники вязала, / Я земляночку брала. / Канарейка песню пела, / Я у* ***ней*** *переняла* [КЧШР].

Вместе с тем, согласно исследованиям, в говорах отмечается непоследовательное использование форм личного местоимения 3-го лица женского рода *она* в форме родительного падежа с предлогами (с начальной *н*’ и без неё) [Очерки… 1964: 574], что также отражено в исследуемых нами текстах: *Старушка старая-престарая / На кочечке сидит. / У* ***ей*** *из-под подола / Самогоночка бежит* [КЧШР].

Ещё один важный процесс истории русского языка также отражён в языке шекснинских частушек: выравнивание основ косвенных падежей личных местоимений единственного числа. В результате этого процесса характерной особенностью южновеликорусских говоров, а также белозерских и белозерско-бежецких говоров северного наречия становится образование форм родительного, дательного, винительного и предложного падежа местоимения 1 лица ед. ч. от обобщённой основы *мен-* [Горшкова 1981: 255]. В шекснинских частушках, собранных в различное время от самых разных информантов, мы обнаруживаем очень много примеров подобных форм: *Всё играют да не под ногу, / Не как надо* ***мен****е. / Износила свою молодость / На левой стороне!* [ЯСРД]; *Говорят,* ***мен****е измена, / Я и не потужила, / Только жалко прогуляла / Семьдесят три ужина*

[ЯСРД]; ***Мен**е милый изменил – / На козле уехал. / Я измены не дала – / На козлухе догнала* [КЧШР].

Следует отметить и большое количество кратких форм личного местоимения *тебя* (*тя*) в форме родительного падежа в языке шекснинских частушек: *У милашки матка-бес – / Выбирает всё невест. / Погляди на сына милого, / Какой он у **тя** есть.* [ЯСРД] *Лиходейка съела пестик, / Нечем яблоки толчи. / Я у **тя** не отбивала, / Жидконогая, молчи* [КЧШР]; *Дроля, мне не интересно, / Что у **тя** платочек мой. / Изорви его на ленточки / И брось передо мной* [ЛПВЧ]; *Хорошо тебе, товарищ, / У **тя** милка важная / А моя-то – полоротая / Целует каждого!* [МСЦТНК].

В науке вопрос о появлении таких форм в диалектах и разговорном языке окончательно не решён, основной теорией их происхождения считается редукция полных местоимений, однако не исключается влияние энклитических форм винительного падежа местоимений (*мя, тя, ся*), которые, согласно данным лингвистической географии, достаточно долго сохранялись именно в северных говорах [Горшкова 1981: 252].

Архаичные грамматические формы наречий

Наречие – относительно молодая, неизменяемая часть речи, в силу чего удалось определить лишь одну архаичную особенность: формы сравнительной степени наречий (как и прилагательных), образуются с помощью морфа *–ае*. Приведём примеры: *Ты играй повесел**яе**, / Нравится играньицо / Да и я-то розвесёлая – / Люблю гуляньицо* [МОНМЦ]; *Ты играй, тальяночка – / Играй повесел**яе**. / Времечко скушливое / Катися поскор**яе*** [ЯСРД].

Архаичные грамматические формы глаголов

Важной особенностью языка шекснинских частушек является использование большого количества глаголов в архаичной форме страдательного залога, образованной с помощью постфикса *-ся*, тогда как, руководствуясь правилами современного русского языка, необходимо использовать вариант

постфикса – -*сь*, например: *уселась, поругалась, раскатилась, отправляюсь, явились, научились, напилась, влюбилась, боюсь, боялась, тянулась, вернулась, приклонялась, рассталась, остались, интересуюсь, сойтись, испугались, собирались, просилась, гонялись, запинаюсь, запираюсь, веселитесь, заблудилась, дождалась, изорвалась, вдавайтесь, выливались, нахлебалась, каталась, маюсь, наскиталась, наплясалась* и т.д.

Обращает на себя внимание то, что в некоторых случаях использование формы глагола с постфиксом -*ся* (с нарушением правила современного литературного языка) в тексте частушки необходимо для сохранения ритма или уточнения рифмы, например: *Изменил да и подходит: / - Здравствуй, ухажёрочка. / Теперь на все четыре стороны / Катись, дролечка!* [КЧШР]. В некоторых же текстах глаголы в форме страдательного залога с постфиксом *–ся* можно заменить на такие же глаголы с постфиксом *–сь* (характерная форма для современного литературного языка), не нарушая ритма и рифмы, однако информанты сохраняют более архаичную форму: *В самоходчку пошла, / Мамы не спросилась. / До калиточки дошла – / Обратно воротилась* [КЧШР]; *Дроля в армию уехал, / За вагон держалась. / Он уехал, я на линии / Одна осталась* [КЧШР]; *Поиграй, красивый парень, / Я ещё понежусь. / Ты хорош, а я плоха, / На шею не повешусь* [МСЦТНК]. Подобные примеры могут не только свидетельствовать о стремлении исполнителя сохранить каноничный фольклорный текст и специфику жанра, но и говорят о вероятности использования таких форм исполнителями в живой речи.

В текстах шекснинских частушек сохранилось достаточно много форм глаголов, иллюстрирующих архаичную форму сложного будущего времени, например: *Изминил миня залётка / И сказал: «Гуляй одна!» / А я одна* ***гулять*** *не* ***стану****, / Хватит этова добра* [МОНМЦ]; *Гармонист, гармонист, / Ты меня не бойся, /* ***Завлекать*** *тебя не* ***стану****, / Ты не беспокойся* [МСЦТНК]; *Сошью юбочку с валаном, / Пускай улицу метёт. / Я* ***ухаживать*** *не* ***стану****, / Пока сам не подойдёт* [МСЦТНК] и пр. Сохранившиеся в фольклоре диалектные формы будущего сложного времени со вспомогательным глаголом *стать* представляют

собой реликтовое явление, восходящее к древнерусским формам первого будущего времени. Такие формы были распространены до утверждения глагола *быть* в качестве вспомогательного (после XVI в.) [Малахов 2013: 48].

В шекснинских частушках также встречаются отдельные архаичные глагольные формы. Например, формы с исконным архаичным суффиксом инфинитива *–ти* в безударном положении (вместо современного *–ть* [Иванов 1990: 355]) в глаголе *есть* (*ис**ти***) и *поесть* (*поис**ти***): *Завтра праздничек Господен, / Налитушек напекут. / Не помажут, не покажут / И поис**ти** не дадут* [ЯСРД]; *У меня у пояса / Голубые кисти. / Дочего доцеловались – / Захотелось ис**ти*** [ЯСРД].

Несвойственные современному русскому языку формы полных и кратких причастий, образованных с помощью архаичного суффикса *–уч-* также используются в текстах шекснинских частушек, однако эти словоформы в рассматриваемых нами текстах уже не мыслятся как причастия, но переходят в разряд прилагательных, например: *Голоску у мня не стало, / Стала я хрип**уч**ая, / То любовь, а то измена / Девушку замуцила* [МОНМЦ]; *Залёточка, залёточка, / Верт**уч**ие глаза, / На тебя, моя залёточка, / Надеяться нельзя* [КЧШР]; *Буду пить холодну воду / Изо всех текучих рек. / Буду лить тек**уч**и слёзы / По тебе, милаша, век* [ЯСРД].

Деепричастия, образованные с помощью архаичных суффиксов *–ви-* и *–уч-* (непродуктивных в современном русском языке) также представлены в текстах шекснинских частушек, например: *Ты красивый, боевой, / Зачем ухаживал за мной, / Ты зачем, склони**ви**и голову, / Стоял передо мной* [МОНМЦ]; *Все я глазки проглядела, / Его ожида**юч**и. / Своей товарке надоела, / Его вспомина**юч**и* [ЯСРД].

Обобщая всё вышесказанное, отметим, что в шекснинских частушках, зафиксированных с 1963 по 2017 годы, было выявлено большое количество архаичных грамматических форм в употреблении различных частей речи. Наиболее частое использование таких форм наблюдается в частушках, зафиксированных в середине XX столетия от информантов, родившихся в к. XIX

– н. XX вв. Реже подобные формы встречаются в частушках, записанных от информантов, родившихся в середине XX века.

Важным фактом является то, что употребление слов в архаичных формах не всегда мотивируется только сохранением ритма и рифмы в тексте: информанты не используют возможность заменить архаичную форму на общеупотребимую форму литературного языка даже в тех случаях, когда литературная форма не нарушит рифму и ритм стиха. В силу чего можно заключить, что архаичные грамматические формы использовались исполнителями в качестве способа сохранения жанрового своеобразия частушки как фольклорного произведения, а также устаревшие формы могли использоваться информантом в живой речи.

Таким образом, изучение реликтовых грамматических форм языка частушек является важнейшим шагом в исследовании общей картины развития частушки как жанра. При этом тексты частушек разных периодов языкового развития представляют большую ценность для исследователей истории русского языка и его диалектов.

3.3. Лексические особенности языка шекснинских частушек

В данном разделе ставится задача – выявить региональное своеобразие текстов шекснинских частушек на лексическом уровне. Региональные лексические особенности фольклорных текстов давно привлекали внимание исследователей (А.Ф. Гильфердинг, Н.И. Костомаров, И.А. Осовецкий, Н.И. Толстой и др.).

Принимая во внимание специфику изучаемого нами фольклорного жанра, мы можем предположить, что языковое пространство частушки – это зона пересечения и слияния диалектно-бытовой речи и языка фольклорной традиции. Данная гипотеза соответствует выводам представителей курской школы лингвофольклористики, которые считают, что язык русского фольклора

представляет собой **функционально-стилевую разновидность диалекта**, генетически связанную с диалектно-бытовой речью и отличающуюся от неё своей функцией и жанровой дифференциацией [Праведников 2010: 24].

В данном разделе будут исследована диалектная лексика, имена собственные и фольклорные формулы, имеющие региональный характер.

3.3.1. Диалектная лексика шекснинских частушек

В последние десятилетия активно обсуждается вопрос о роли диалекта (а также существовании наддиалекта) в фольклорном произведении [Праведников 2010: 24], поэтому актуальной задачей является исследование регионального фактического материала в текстах шекснинских частушек.

Практически все собиратели фольклора признавали язык произведений устного народного творчества **диалектным** по своей генетической основе, при этом исследователи отмечают, что влияние диалекта различно в различных жанрах [Праведников 2010: 23]. Частушка часто создавалась как поэтическая импровизация [БСЭ], ей свойственна реалистичность – всё это даёт основание полагать, что живая (диалектно-бытовая) речь оказала большое влияние на язык частушек.

Для описания диалектной лексики шекснинских частушек была поставлена задача – составить словник и фрагмент словаря диалектных слов и выражений использованных в текстах частушек Шекснинского района Вологодской области (в перспективе планируется продолжение работы по составлению словаря).

Проблема составления словарей фольклорных произведений исследуется специалистами курской школы лингвофольклористики, подробно освещается в монографии М. А. Бобуновой «Фольклорная лексикография» [Бобунова 2004].

В настоящей работе при определении лексического значения слов использовались исторические и диалектные словари, а также «Словарь диалектных слов и местных фольклоризмов, употребляемых в Квасюнинских частушках», составленный профессором Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2017]. Кроме

того, устанавливая лексическое значение слова, мы опирались на словообразовательные связи лексемы, на контекст употребления (сочетаемость является главнейшим критерием анализа сематической структуры слова [Бобунова 2004: 164]), а также на экспедиционные репортажные записи.

При описании каждого включённого в словарь слова ставились следующие задачи: 1) дать принятую в лексикографической практике грамматическую характеристику слова; 2) определить лексическое значение (или значения) слова, опираясь на его лингвистический и культурно-смысловой контекст в данных частушках; 3) сопоставить установленное контекстуальное значение слова с лексикографическими данными, если это слово или родственные с ним слова описаны в толковых словарях современного русского языка, словарях русских народных говоров, исторических словарях.

В состав словаря вошли диалектные слова и выражения, а также окказиональные слова, использованные в шекснинских частушках. Под окказиональными словами понимаются лексемы, не описанные в диалектных и прочих словарях, имеющие структурно-фонетическую модификацию или образованные вследствие развития омонимии (как от общеязыковых производящих основ, так и от диалектных) [Климас 2009: 73-75].

В поэтической речи окказиональные слова часто возникают вследствие языковой игры и (или) стремлению к сохранению метрической структуры текста. В коллекции шекснинских частушек зафиксированы тексты, шутливый контекст в которых создаётся с помощью языковой игры, окказиональной лексики: *Купил миленький* ***шарьюварью*** *-/ Не может и носить. / Купил* ***чуварью*** *с* ***верёварью*** */* ***Шарьюварью*** *возить* [ЯСРД] (данный текст соотносится с частушкой: *Купил миленький тальяночку / Не может и носить. / Купил саночки с верёвочкой / Тальяночку возить* [ЯСРД]).

Лексемы в словаре расположены в алфавитном порядке. Однокоренные слова помещены в разных словарных статьях. В конце каждой словарной статьи приводятся примеры текстов, иллюстрирующих словоупотребление, а также

указываются номера частушек, соответствующие порядковым номерам текстов «Коллекции частушек Шекснинского района» (Приложение 1).

Фрагмент словаря диалектных, слов, выражений и окказионализмов, употребляемых в частушках жителей Шекснинского района Вологодской области

Ба́сенки, *-нок, мн. Разговоры, рассказы* [СРГК: 1: 43]. Песенки да басенки, / Болит сердце по Васеньке. / Ретивое моё жжёт, / Оно не скоро заживёт (1867).

Ба́ско, *нар. Красиво, нарядно* [СВГ]. Гармониста любить – / Нужно баско ходить, / Нужно пудриться и мазаться, / И брови подводить (354; 355).

Бахва́л, *-а. Лгун, обманщик* [СВГ: 1: 25]. Осмеять дроля хотел, / Только ходко отлетел. / Накопил бахвал ума, / Смеяться я не поддана (1810).

Бахва́лить, *-ят, несов., неперех. Хвастаясь, смеяться над кем-либо* [СВГ: 1: 25]. Супостаточка моя / Высоко брови подняла. / Она бахвалит-то люто, / её не любит-то никто (2421; 2531).

Безольго́тный, *-ого. Не имеющий льготы, поэтому подлежащий призыву на военную службу* [Яцкевич 2017: 150]. Кабы знала, так не стала / Безольготного любить. Каково четыре годика / Без милого прожить (986).

Белола́пенький, *-ая. С белыми лапками* [СРГК: 1: 56] Сидит кошка на окошке, / Белолапенький коток. / Прошла масляна неделя, / Настаёт Великий пост (2335).

Беломе́хая, *-ой. В знач. сущ. Гармонь с белыми мехами* [Яцкевич: 2017: 150]. Заиграла беломехая / Во нашем полюшке. / Вспоминаю дролю старого / Во всяком горюшке (857; 873).

Белохрёбтый, *-ая. С белым хребтом, спиной (о корове*) [СРГК: 1: 57]. Всех коров передоила, Под быка уселася. Белохрёбтая корова / Со смеху надселася (289).

Беля́ночка, - *и. Женщина, девушка с красивым лицом* [СРНГ: 2: 240]. Девочки-беляночки / Ходите на гуляночки. / Когда вы бабам будите, / Гуляночки забудите (599).

Бесе́да, -*ы*. *Вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют* [СВГ: 1: 30]. Прибежал я на беседу – / Моя милка занята. / Засучил портки до пупа / И с беседы ла-та-та (530; 1009; 1451-1453; 1566; 1967; 2045; 2153; 2154; 2159).

Бесе́душка, -*и. Ум.-ласк. к* **беседа**. На беседушку пришёл / Ростопорщился. / Три копейки прогулял – / Не поморщился (93; 262; 738; 1226; 1454-1458; 1577; 1578; 1570; 1626; 2118; 2159; 2390).

Бесе́дничек, -*а. Молодой человек, участник беседы* [Яцкевич 2017: 150]. Дорогой ты мой беседничек, / Повыйди из кута (657).

Богомо́ленка, -*и. Любящая молиться, набожная женщина, богомолка*; *употребляется также в значении староверка* [СРНГ: 3: 52]. Моя милка-староверка / Богомоленка была. / Шубу лисью промолила, / Полушалок пропила (1352).

Богомо́льничать, -*ают, несов*., *неперех. Молиться Богу* [Яцкевич 2017: 150]. Я к обеденке ходила, / Богомольничала (2920).

Боёвушка, -*и*. *Проворная, ловкая, активная девушка*. Говорят, што, боевая, / Правда, я, боёвушка, / Мине и дома от родителей / Большая волюшка (490).

Божа́тко, -*и, м. Крестный отец* [СВГ: 1: 35]. Все урядники знакомы, / Да старшина - божатко мой (267).

Бо́ле, *ср. ст. к прил и нареч. В большем количестве, больше* [СРНГ: 3: 61]. Моего милёночка / На рынке продавали. / Два зелёные гроша - / Боле не давали (115; 1036; 1321).

Большой, -*ая. Старший по возрасту* [СВГ: 1: 38]. Попоём, товарка, песен. / Попоём, удалая. / Ты люби большого брата, / А я буду малого (2112).

Бори́стый, -ая. *Имеющий складки (боры)*. Давай, товарочка, оденем / Фартуки бористые. / Завлекём, так и походят / Из-за речки быстрые (560; 2448).

Брюши́на, -*ы. Живот* [СВГ: 1: 46]. Сталин Ленина будил – / По брюшине колотил. / Ты вставай-ко, сотона, / Пятилетка сорвана (2405).

Бура́к, -*а*. *Сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо* [СРНГ: 3: 280]. Наклонилася, напилася / Воды из **бурака**. / Не заметила – влюбилася / В такого дурака (1553).

Бурдо́вый, -*ая. Тёмно-красный, бордовый* [СРНГ: 3: 384]. Я на миленьком рубашечку / Бурдовую люблю. / За него дома ругают – / Я расстаться не могу (2986).

Буя́вый, -*ая*. Сильный, порывистый (о ветре). Ветерок какой буявый, / Ветку тополя сломил, / А ты зачем неуважительную / Дролечку любил (185).

Верёва́рья, -*и. Слово, образованное в результате звуковой игры* [Яцкевич 2017: 151]*, формально соотносится с лексемой* ***верёвка***. Купил миленький шарьюварью -/ Не может и носить. / Купил чуварью с верёварью / Шарьюварью возить (1069). (Данный текст соотносится с частушкой *Купил миленький тальяночку / Не может и носить. / Купил саночки с верёвочкой / Тальяночку возить* (1068)).

Ве́рес, -*а*. *Можжевельник* [СВГ: 1]. Зажигала верес я, / Горел, колючий от огня. / Забывала дролю я, / Горело сердце у меня (1317; 1545).

Вереси́ночка, -*и. Ум-ласк. к* ***верес***. А вересиночка и ёлочка / Стояли обе врозь. / А давай, дролечка, по-старому - / Свои капризы брось (2; 167-169; 869; 2973).

Вереси́ться, *-ят, несов., неперех. Расти (о можжевельнике (вересе)).* Вересовые кусточки, / Где вы вересилися? / Золотые ваши ручки / Где играть училися? (173).

Употребление в шекснинских частушках некоторых диалектных слов способствует появлению вариантов общерусских текстов частушек. Так, распространённая во многих областях России частушка: *Разрешите поплясать, / Разрешите топнуть. / Неужели в вашем доме / Половицы лопнут?* - в Чаромском и Сизьме звучит так: *Разрешите поплясать, / Разрешите топнуть. / Неужели в вашем доме / **Переводы** лопнут?* [КЧШР] (*перевод* – ‘толстая балка, служащая опорой для пола, потолка или полатей’ [СВГ: 7: 32; СРНГ: 26: 53]).

В шекснинских частушках одним из наиболее часто используемых названий любимого человека является слово *дроля,* означающее ‘возлюбленный, возлюбленная, милый, милая’ [СРНГ: 8: 199]. Слово *дроля* характеризуется как преимущественно «частушечное» [Судаков 2016: 116], так как чаще употребляется именно в данном жанре фольклора. Действительно, в исследуемых нами текстах это слово в различных формах встречается 340 раз, в том числе в составе устойчивых формул, например: ***Вспомни, дроля, как гуляли**, / И чего ты говорил. / Я твои слова запомнила, / А ты мои забыл* [КЧШР]; *Ты запой, как раньше пила / На берёзе синечка. / **Вспомни, дроля, как гуляли**, / Вспомни, ягодиночка* [КЧШР]; ***Вспомни, дроля, как гуляли**, / Как и уговаривал. / Под ногами белый снег / До земли растаивал* [ПВЧЛ].

Большую группу диалектных слов составляют лексемы, имеющие иное значение, чем в литературном языке (возникают в результате развития омоними илипараллельного словообразования), например:

- *заку́тать* ‘затворять, закрывать дверь’ [СРНГ: 10: 182] (*Из колхоза побежала, / Двери не **закутала**. / Перед зеркалом стояла, / Свои кудри путала* [КЧШР]); *пригоре́ть* ‘сгореть без остатка’ (*Нынче Масленца проходит, / Настаёт Великий пост. / Все корзинки **пригорели**, / Нищета поджала хвост* [МОНМЦ]);

- *любо́й* ‘милый, любимый, дорогой’ (*Дай, сударушка, платочик, / Дай, сударушка, другой, / Дай, сударушка, и третьий, / Если я тебе* ***любой*** [МСЦТНК]);

- *чу́чело* ‘игра’ [Яцкевич 2017] (*Веретенечко напряла / И другое начала. / Девки матушки сидите. / Я пошла на* ***чучела*** [ЯСРД]).

В меньшей степени в словаре диалектных слов шекснинских частушек встречаются этнографизмы (менее 1% от всех диалектных слов) – названия предметов, явлений, не имеющие аналогов в литературном языке [Горская, 2009], например:

- *бура́к* ‘сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо’ [СРНГ: 3: 280] (*Наклонилася, напилася / Воды из* ***бурака****. / Не заметила – влюбилася / В такого дурака* [ПВЧЛ]);

- *налиту́шка*, ‘открытый пирог, сверху политый жидкой картофельной, творожной, ягодной или крупяной начинкой' [СВГ 1990: 48] (*Завтра праздничек Господен, / Налитушек напекут. / Не помажут, не покажут / И поисти не дадут* [ЯСРД]).

Наличие небольшой доли этнографизмов в частушках может объясняться тем, что основная тема жанра – это любовь, отношения молодых людей, а этнографические диалектизмы чаще всего называют предметы быта, явления, связанные с ведением хозяйства, т.е. относятся к иной тематической группе слов.

Таким образом, диалектные слова отражают реалии народной культуры, ярко представляют в текстах частушек живую народную речь, выполняют важную стилистическую функцию – создают неповторимый региональный колорит текстов шекснинских частушек.

Диалектная лексика становится средством художественной выразительности, формирует специфичные для частушек (и других жанров) устойчивые фольклорные формулы. В то же время диалектная лексика остаётся и примером живой народной речи, зафиксированной в частушке. Таким образом, шекснинская частушка, является зоной пересечения живой диалектной речи и фольклорной традиции, а также пространством, в котором происходит трансформация

диалектно-бытовой речи в особую функционально-стилевую разновидность диалекта.

3.3.2. Имена собственные в шекснинских частушках

Исследование имён собственных в контексте шекнинских частушек является важной задачей, поскольку «имена собственные обладают особо прочной культурной памятью» [Смольников 2006: 9], топоническая лексика придаёт частушкам особый местный колорит, сохраняет региональную соотнесённость.

Специальных работ, посвящённых изучению имён собственных в общерусских (и шекснинских) частушках, не существует. Однако в последние десятелетия исследователи всё чаще обращают внимание на вопрос о роли имён собственных в частушках различных регионов России. Так, роль топонимов и антропонимов в той или иной степени исследована в костромских [Цветкова 2014], ивановских [Батырева 2013], новгородских частушках [Климкова 2013]. Топонимическая лексика д. Квасюнино Шекснинского района отражена в словаре имён собственных малых жанров фольклора д. Квасюнино, составленном проф. Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2017].

Задача, которую мы ставим в данном разделе – изучить специфику использования имён собственных в частушках Шекснинского района Вологодской области.

В шекснинских частушках встречается различные типы имён собственных. Рассмотрим далее специфику наиболее распространённых видов.

3.3.2.1. Топонимы в шекснинских частушках

Топонимическая лексика является ярким маркером региональной специфики фольклорного текста, т.к. указывает на определённую территорию. Наиболее древней частью топонимической лексики считаются **гидронимы** [Правдеников 2010: 55]. Согласно результатам, полученным С. П. Правдениковым

при изучении русских народных необрядовых песен различных регионов, некоторые названия реально существующих рек являются символическими и используются как образ реки в целом [Праведников 2010]. В сборнике шекснинских частушек встречаются тексты с подобными символичными названиями рек (*Дунайка, Волга*), например: *За рекой, за рекой / За* ***Дунайкою****, / Я милашку провожал / С балалайкою* [ЯСРД]; *Ой,* ***Волга*** *- реченька течёт, / Куда она торопится, / Ой, вот и кончилась любовь, / Обратно не воротится* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Эка* ***Волга****, эка долга! / На ней тоненький ледок. / Целовал милашку в губы. / Губки сладки, как медок* [ЯСРД]. Символичным для частушек шекснинского района можно считать и название реки *Дон*, указывающий на удалённое, «нездешнее» пространство: *У мня тятенька не дома, / А и мама на* ***Дону****. / Меня, бедную головушку, / Оставили одну* [ЯСРД].

Жиелям современного Шекснинского района были хорошо известны водоёмы других регионов из-за хорошо развитого пароходства. Образы удалённых рек используются в качестве сравнения в символичной части параллелизма, например: *Наша речка не* ***Онега****, / Не нагонено судов. / У милого братьев много – / Не настроено домов* [ЯСРД]. Встречается в текстах шекснинских частушек и упоминание Ладожского озера, связанного с символом разлуки (с матерью): *Не гляди, мама, в окошко, / Не гляди и не рыдай, / Из-за* ***Ладожского*** *озера / Меня не ожидай* [МОНМЦ; МЧЦТНК].

Частушка – это жанр, который в большей мере соотносится с личным, индивидуальным, реалистичным (в отличие от лирических песен), поэтому в текстах шекснинских частушек встречаются гидронимы – названия **местных рек** (*Сизьма, Улома, Тошенька (Тошня), Лапсора*), а также прилагательные, образованные от указанных названий, например: *Мне не кашивать, не кашивать / На* ***Сизьме*** *на реке. / Мне не нашивать, не нашивать / Колечка на руке* [МСЦТНК]; *Эй, вот и* ***Улома****-река да, / Переход берёзовой. Эх, жо! / А переходит сероглазая, / Платочек розовой. Эх, жо!* [МОНМЦ*]; Мы ребята – хулиганы / Из-за* ***Тошеньки****-реки. Ох! / Ох, скоро хулиганов / Увезут на Соловки. Ох!* [МОНМЦ]; *Сколько ворон не кружился, / Сел на* ***Лапсору*** *на лёд. / Сколько милый не*

куражился, / Уважил наперёд [МСЦТНК]; *Речка* ***Чурова*** *расколется – / Куда же лёд пойдёт? / Лёд пойдёт под лавеньки. / Расстались с дролей на́веки* [КЧШР].

Ещё более многочисленная (по сравнению с гидронимами) в текстах шекснинских частушек группа **ойконимов** – названий различных населённых пунктов (а также прилагательных, образованных от этих названий).

Среди ойконимов наиболее часто употребляются названия **местных сёл и деревень** (а также прилагательные, образованные от названий этих деревень, и катойконимы – названия жителей этих населённых пунктов), приведём примеры ойконимов с указанием частотности употребления в исследуемых текстах: *Квасюнино (21), Сизьма (15), Чаромское (8), Чуровское (5), Мачёво (3), Плешаково (3), Дураково (2), Красново (2), Мала Сизьма (2), Матвеевско (2), Репино (2), Телибаново (2), Шигоево (2), Бакланово (1), Барово (1), Высокое (1), Ефимово (1), Жабино (1) , Зверинец (1), Игая (1), Ирма (1), Костыгово (1), Лукинки (1), Малыгино (1), Овинец (1), Пешково (1), Синицино (1), Шелухино (1), Шипицино (1).* Численность группы топонимов, называющих населённые пункты и регионы, удалённые исследуемого района, гораздо ниже: *Питер* (7), *Вологда* (6), *Ленинград* (5), *Соловки* (2), *Воронеж* (1), *Петроград* (1), *Севастополь* (1), *Урал* (1). В шекснинских частушках употребляются также хоронимы – названия стран: *Германия* (12), *Япония* (1), *Украина* (1). Рассмотрим далее каждую группу ойконимов (названия близлежащих и удалённых населённых пунктов) и хорономы.

Ойконимы, называющие **деревни и сёла исследуемого региона**, часто употребляются в положительном контексте (актуализируются мотивы «*милая сторона», «славить жителей какой-либо деревни*»), например: ***Сизьма*** *– милая сторонушка, / Гористые поля. / Любить бы сиземского дролечку, / Да воля не своя* [КЧШР]; *Ах, любимая ты,* ***Сизьма,*** */ Любо-налюбо-люба. / Жаль, что только в этой* ***Сизьме*** */ Мне не выпала судьба* [МСЦТНК]; ***Дураковские*** *девчонки – / Нигде не пропадём. / Сами музыку составим, / Сами спляшем и споём* [МСЦТНК]; *А мы из* ***Мачёво*** *деревёнки / Четыре, как одна. / Некоторая не выдаст – / Ни товарочка, ни я* [МОНМЦ]; *Огороды затрешшали / С* ***Телибанова*** *идут. / Два*

Петрушины братаники, / Да два Виташки тут [МСЦТНК]; ***Ирма*** *– милая сторонушка, / Гористые поля, / Ишо* ***Шигоево*** *– деревенка / Любимая моя* [МОНМЦ; МЧЦТНК]*; Не пойду в* ***Зверинец*** *замуж, / Копны сенные возить. / Лучше выйду в* ***Малу Сизьму****, / Буду барыней ходить* [МСЦТНК]; *Раньше* ***Сизьму*** *не любила, /* ***Сизьму*** *ненавидела. / А на* ***Сизьму*** *вышла замуж – / Стала* ***Сизьма*** *милая* [МСЦТНК]; *Мы с подругой боевые, / Росту невысокого, / Самых лучших гармонистов / Завлекли с* ***Высокова*** [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Наша* ***Игая****-деревенька – / Кругом зелёный лес. / В эту милую деревеньку / Ходить не надоест* [КЧШР].

Названия местных сёл и деревень звучат также и в ироническом контексте, например: ***Дураково****-то деревню / Можно городом назвать. / Можно лавочек настроить, / Каленкором торговать* [МСЦТНК]; ***Костыгово*** *– то деревня, / Ровно мышой городок, / Не квашонок, не мутовок, / Ровно лешой уволок* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *На* ***Овинце*** *на горушке / Нету хлеба не краюшки, / Летом яблоки едят, / Зиму голодом сидят* [МСЦТНК]; ***Плешаково****-то деревня, / Ровно мыший городок: / Нет ни ложки, ни мутовки, / Ровно леший уволок* [МОНМЦ]; *Коля, Коля, ты отколе? / Коля из* ***Бакланова****. / Напоили Колю пивом / Из ведра поганого* [КЧШР]; *От* ***Шигоево*** *до* ***Жабино*** */ Дорожка криулём, / Моя милка убежала / Из-под шубы босиком* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Ты не думай, ягодинцька, / Шчо ты у меня один: / Есть и в* ***Чуровских****, и в* ***Чаромских****, / И в* ***Сизьме*** *ни один* [КЧШР].

Мотив «*корить какую-либо деревню/её жителей*» часто звучит в «*парнечьих*» (мужских) частушках, которые исполнялись для подстрекания к драке соперников, например: *А* ***Копосиха*** *да* ***Квасюнино*** *– / Большие города, / А Копосиха разойдётся – / Дак Квасюнину – беда!* [КЧШР]. В девичьих частушках насмешка звучит над бедными, нелюбимыми женихами из определённых деревень. Так, например, жительница д. Плешаково К. М. Полетаева (1914 г.р.) вспоминает о том, что в её молодости *девки не любили Плешаково*, потому как там было много бедных, кривых, косых, из-за чего и *сочиняли очень колкие песни* про

эту деревню: ***Плешаково**-то деревня – / Удивительной народ: / То кривые, то слепые, / У ково болит живот* [МОНМЦ].

Многие хвалебные и (чаще) корильные частушки Шекснинского района содержат названия местных деревень, включённых в формулы «*наименование деревни – можно городом назвать*», «*наименование деревни, ровно мыший городок*», в которых ойконим может изменяться, подбираться – согласно воле исполнителя, например: ***Плешаково**-то деревня, / Ровно мыший городок* [МОНМЦ]; ***Костыгово**-то деревня, / Ровно мышой городок* [МОНМЦ]; *Ой, **Мачёво** – деревня, / Можно городом назвать* [МОНМЦ]; ***Телибаново** деревню / Можно городом назвать* [МОНМЦ]; ***Дураково**-то деревню / Можно городом назвать* [МСЦТНК]; *И **Квасюнино** деревню / Можно городом назвать* [ЯСРД].

В шекснинских частушках дважды упоминается название колхоза «*Советская Россия*» (в качестве обозначения места): *Я пойду да перескину / Платьицо турецкоё, / Не на то ли россердилсе – / Не взяла в «**Советскую**»* [МОНМЦ]; *В колхозе «**Советская Россия**» / Залобанили быка, / Бригадиру дали уши, / Председателю – рога* [КЧШР].

В одном из текстов шекснинских частушек Сизьма названа *Украиночкой*: *Задушевная подружка, / **Сизьма** – **Украиночка**. / Где берёзка выше дому – / Там и ягодиночка* [КЧШР]. Такое именование не указывает на прямую (георграфическую) связь Сизьмы с Украиной, но является образным сравнением. Как нам разъяснили информанты, в середине XX века, Украина славилась своими богатыми урожаями, перевыполнением экономических планов, сытой и богатой (по сравнению с Русским Севером) жизнью селян; Сизьма также прославилась многократным перевыполнением планов, богатым колхозом, отчего и появилось в народе сравнение её Украиной [КЧШР].

Прилагательные, образованные от названий посёлков и деревень Шекснинского района, главным образом указывают на жителей этих населённых пунктов, например: *Ой, Матвеевско идти, / Всё овины новые, / А **Матвеевски ребята**, / Всё большеголовые* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; ***Малосиземские***

***девки** / Стали слишком модные. / Гвоздём кудри завивают, / Говорят, природные* [МСЦТНК]; ***Плешаковские** уроды, / Городите огороды, / Штобы кони не скакали, / Наши травы не шшипали* [МОНМЦ]; *Мне сегодня на гулянье / У почётных у людей: / У **трофимовских у девушек**, / У белых лебедей* [КЧШР].

В текстах шекснинских частушек обнаруживаются также микротопонимы – названия гор (возвышенных мест), полей, которые выражены прилагательными: *Как на **Чаромскую гору** / Накидаем стуликов, / Чтобы леший не нашёл / Чаромских мазуриков* [КЧШР]; *Проводила дорогова / До **Шелухинских полей**. / Проводила и сказала: / - Сухари не потерей* [МСЦТНК]; *Как в **Квасюнинскую гору**, / Гору выбегу бегом. / Хоть какая ночка тёмная – / Увижу дролин дом* [ЯСРД].

Некоторые прилагательные, образованные от ойконимов, называют церкви, которые упоминаются в шекснинских частушках: *Ах, **сиземская церковь** – / Высоко сияет крест. / Не наказывай поклонов, / Без поклонов сердце ест* [МСЦТНК]; *У **чаромской-то церкви** / Золотые главушки. / Завлеку, пуская поноет / Сердце у сударушки* [КЧШР]; ***Чаромская церковь** – / Золотые клочушки. / Запою, дак забасит / Сердечко у сударушки* [КЧШР].

В шекснинских частушках обнаруживается традиционное название жителей п. Сизьма – *сизьмари* (в речи современных журналистов чаще употребляется наименование *сизьмичи*): *Поиграй повеселяе – / **Сизьмари** пошли плясать. / А мы – дивчонки боёвые / И не хочем унывать* [МСЦТНК]. Отражено в шекснинских частушках также окказиональное шутливое название жителей д. Квасюнино: ***Квасюнята**-ёжики, / Да во карманах ножики, / Большая гиря на весу, / Писталет на поясу* [ЯСРД].

В шекснинских частушках упоминаются ойконимы (и соответствующие прилагательные), называющие **отдалённые** от изучаемого нами района населённые пункты. Тональность таких текстов значительно отличается от тональности частушек, содержащих названия местных (ближайших) деревень и сёл. Основной мотив текстов, содержащих наименования удалённых городов и регионов, - это «*разлука*», «*родная сторона – чужая сторона*», например:

Полюбила лейтенанта, / Вот и думала, что мой, / Он довёз меня до ***Вологды****, / Скомандовал: «Домой!»* [КЧШР]; *Скоро, скоро я уеду, / Скоро леший унесёт, /* ***Вологодская*** *машина / Повезёт, не затрясёт* [КЧШР]; *Ты не езди, милый, в* ***Питер****. / Там чужая сторона. / Ты полюбишь питеряночку – / Забудешь про меня* [ЯСРД]; *У мня милой хи́тер-хи́тер – / На машину да и в* ***Питер****. / Я его ещё хитрей – / На машину - да скорей* [ЯСРД]; *Пароходики идут – / Сердце замирает. / Милый в* ***Питере*** *живёт, / Письма не посылает* [ЯСРД].

Наименования «*чужой стороны*» часто используются в текстах, которые входят в группу «арестантских» частушек, таких текстах особенно остро звучит мотив «*разлука*», а также «*тоска по родной стороне*»: *А* ***Соловки*** *– красиво место, / Сине морюшко кругом; / Посадили за решёточку, / Прошшай, родимой дом* [МОНМЦ]; *Мы ребята – хулиганы / Из-за Тошеньки-реки. Ох! / Ох, скоро хулиганов / Увезут на* ***Соловки****. Ох!* [МОНМЦ]; *Ох, из тюремново окошка / Видно* ***Вологды*** *конец. / Приниси, милашка хлеба, / Ни забудь и огурец* [МОНМЦ] (ср. с текстом, содержащим гидроним – название реки Череповецкого района: *Из тюремного окошка / Видно* ***Ягорбу****-реку. / Принеси, милашка, хлеба, / Не забудь и табаку* [ЯСРД]); ***Ленинградская*** *тюрьма да / Тёсом обнесённая. / На свиданье приходила / Милка невесёлая* [МОНМЦ].

Название удалённых от Шекснинского района городов звучит в частушке военной тематики (с горьким мотивом «*смерть любимого*»): *Ягодиночку убили / Под* ***Воронежом*** *в бою. / Я его не хороняла, / Не поверю некому* [МОНМЦ]; *Ягодиночка убит, / Лежит под* ***Севастополем****. / Ему вырыта могилушка / В саду под тополем* [ЯСРД].

Все хоронимы-названия стран используются в текстах частушек военной тематики (в таких текстах часто встречаются мотивы «чужая сторона», «смерть любимого», «разлука с милым»): *Ты, сударушка моя, / Да поднимается война. / Нас в* ***Японию*** *угонят – / Ты останешься одна* [ЯСРД]; *По ту сторону* ***Германии*** */ Окопы копаны. / Наши дроли чернобровенькие / Там ухлопаны* [МОНМЦ]; *Распроклятая* ***Германия****, / Страна не верная. / Заключила с нами договор, / Напала первая* [МОНМЦ]; *Роспроклятая* ***Германия****, /* ***Германская***

война. / Розлучила и оставила / Без дролечки миня [МОНМЦ]; *Распроклятый царь германский, / Наделал много слёз: / У баб – мушщин, у девок – дролечок / В* ***Германию*** *увёз* [МОНМЦ]; *Всех ребят поубивали, / Всех ребят поранили. / Реки крови протекали / Около* ***Германии*** [МОНМЦ]; *Расставаться с ягодиночкой / Неволя привела. / Разлучила с ягодиночкой /* ***Германия****-война* [КЧШР]; *По* ***Германии*** *ходила, / Всё искала ивушку, / Всё искала, примечала / Милкину могилушку* [КЧШР].

Топонимы *Вологда* и *Ленинград* обнаруживаются в частушках с мотивом «*деревня – город*», «*милый – горожанин*», при этом мотив «*разлука*» также звучит в данных частушках: ***Ленинград*** *– красивый город, / Пододвинься ближе к нам. / У меня и у товарочки / По дроле есё там* [ЯСРД]; *Встану на гору крутую, / Погляжу на Ленинград. / В* ***Ленинграде*** *много учится / Хорошеньких ребят* [МСЦТНК]; *В город* ***Вологду*** *приеду / На горбатый мост взойду. / Деревенского забуду – / С городским гулять пойду* [ЯСРД].

В одной из старинных частушек д. Квасюнино Шекснинского района название города (*Ленинград-Петроград*) становится центральным мотивом текста политической тематики: *Говорят все –* ***Ленинград****, / Ну а надо –* ***Петроград****. / Его Первый Пётр построил, / А не ты, плешивый гад* [ЯСРД].

3.3.2.2. Антропонимы в шекснинских частушках

Личные имена составляют весьма заметную группу слов, употребляемых в русских частушках [Мануйлова 2005]. В шекснинских частушках встречается большое количество антропонимов – личных имён (56 словоформ). Приведём список антропонимов с указанием частотности их употребления в текстах: **Иван** (*Ваня* (10), *Ванюша* (4), *Иван* (4), *Ванюшка* (3), *Ванька* (2), *Иванушка* (2), *Иванов* (2), *Ивановна* (2)), **Николай** (*Коля* (12), *Николай* (4), *Никола* (1), *Николашка* (1), Миколка (1)), **Александр** (*Саша* (8), *Шура* (7), *Саня* (1), *Санька* (1)), **Алексей** (*Алёша* (3), *Алёшка* (3), *Лёша* (1), *Олёшекнька* (1)), **Василий** (*Васька* (3), *Васенька* (3), *Вася* (1)), **Валентин** (*Валя* (5), *Валентин* (2), *Валентина* (1)), **Владимир** (*Володя* (3), *Владимир* (1), *Вова* (1)), **Михаил** (*Миша* (2), *Мишка* (1), *Мишенька*

(1), *Мишутка* (1)), **Пётр** (*Пётр* (1), *Петя* (1), *Петенька* (1), *Петька* (1), *Петруша* (1)), **Илья** (*Илья* (3), *Ильюшок* (1)), **Виктор/Виталий** (*Витя* (3), *Виташка* (1)), **Фёдор** (*Федя* (2), *Федька* (1)), **Константин** (*Костя* (2), *Костюшечка* (1)), **Сергей** (*Серёжка* (1), *Серёженька* (1)), **Арсентьевич** (1), **Егор** (1), **Матвей** (1), **Стафий** (1); **Татьяна** (*Таня* (2), *Танька* (2), *Танин* (1)), **Мария** (*Маша* (2), *Машка* (2), *Марика* (1)), **Анна** (*Анна* (2), *Анюта* (1)), **Евдокия** (*Дуся* (1), *Дюнюшка* (2)), **Тонька** (1), **Катюша** (1), **Нина** (1), **Руфа** (1), **Дина** (1), **Инна** (1), **Зинка** (1); **Беляев** (1), **Виноградыч** (1), **Горев** (1), **Девятков** (1), **Матехин** (1), **Рогов** (1), **Шмонин** (1); **Алька** (1), **Арбуз** (1), **Жубрик** (1), **Калёный** (1), **Лебедиха** (1), **Матеха** (1), **Слатёна** (1), **Уханиха** (1); **Гитлер** (4), **Ленин** (3), **Сталин** (3), **Пётр Первый** (1).

Наибольшее количество имён (в т.ч. фамилий, прозвищ) являются мужскими, что объясняется тем, что лирической героиней большинства частушек является молодая девушка (поющая о возлюбленном или, напротив, о своём обидчике и пр.). Ласкательные и разговорные формы имён преобладают над полными, т.к. разговорная речь в большой степени повлияла на язык частушек. Отчества в шекснинских частушках практически не встречаются, за исключением *коротких песен*, предназначенных для начала бесед, и соотносящихся со свадебными припевками, в которых традиционно использовались имена и отчества: *Вить-перевить, / Хорошая риць, / **Михаил Арсеньевиць**!* [МОНМЦ]. Прозвища более всего употребляются в мужских (*парнечьих*) частушках, что соответствует традиции использования прозвищ в парничьих группах-ватагах (*шатиях*). Рассмотрим далее основные группы текстов с личными именами.

Все тексты шекснинских частушек, содержащие антропонимы, можно разделить на **три группы**: тексты с именами, называющими реальных жителей деревень и сёл Шекснинского района, тексты с именами известных политических деятелей и тексты с именами, указывающими на обобщённый образ (парня, девки, возлюбленного).

Большую группу составляют тексты, содержащие имена **реальных людей**, проживавших когда-либо в деревнях и сёлах Шекснинского района. Главным

основанием для того, чтобы отнести текст к данной категории, служат комментарии информантов о создании и бытовании текстов, а также документальные записи собирателей частушек, фиксирующие имена исполнителей (часто отражённых в текстах), и прочие наблюдения исследователей, изучавших бытование частушек в данном районе. Имена, фамилии, прозвища реальных жителей деревни Квасюнино Шекснинского района отражены в «Словаре имён собственных малых жанров д. Квасюнино» [Яцкевич 2017: 117-127].

Сюжеты частушек могут представлять самые разные ситуации, произошедшие в реальной жизни с людьми, имена которых зафиксированы в текстах. Жительница д. М. Овинец Н. А. Хлынова (1939 г.р.) в беседе с нами вспоминает о том, как её дед разбил розлив (глиняный сосуд), полный молока, и, очень переживая, сочинил частушку про свою супругу (бабушку Н. А. Хлыновой – **Евдокию**): *Обряжался, торопился – / У меня розлив розбился. / Скоро* ***Дюнюшка*** *придёт, / Мине по горбу накладёт* [КЧШР] (имя *Дюнюшка* – ласкательная форма имени Евдокия). Жительница д. Чаромское Валентина Фёдоровна Панфилова (1955 г.р.) исполнила частушку, в которой упоминает своё имя: *Коля, Коля, дровца колет, / Коля клеточку кладёт. / Коля* ***Валю*** *провожает, /* ***Валя*** *песенки поёт* [КЧШР]. Распространённое в частушках имя **Коля** также не является случайным в приведённом выше примере, в одной из частушек В. Ф. Панфиловой мы встречаем это имя вместе с фамилией-прозвищем **Коля Панфилёночек**: *У меня милёночек – /* ***Коля Панфилёночек****. / Через годик, через два / Буду я его жена* [КЧШР]. В силу того, что фамилия Валентины Фёдоровнына на момент фиксирования частушек – **Панфилова**, можно предположить, что история, отразившаяся в тексте исполненной ею частушки, действительно закончилась замужеством.

Очень распространено в частушках обращение по имени к тому, кто аккомпанирует на каком-либо музыкальном инструменте во время исполнения частушек. Во время записи песен в д. Дёмсино исполнительница частушек Д. В. Меньшикова (1933 г.р.) спела частушку, адресованную **Дине** Ивановне

Ивановой, аккомпонимирующей на балалайке: *Я с окошка на окошко / Переставлю баночку да. / Как удобно подыграет / **Дина** в балалаечку* [МОНМЦ]. Часто исполнители частушек обращались по имени к гармонисту, например, во время записи в д. Ефимово исполнительница Ю. М. Смекалова (1938 г.р.) пела частушки, обращаясь к гармонисту (и её супругу) **Ивану** Ивановичу Смекалову: *Поиграй-ко, **Ваня**, в веночку, / А я пойду плясать* <неразб.> [МОНМЦ]; *Вот спасибо тебе, **Ваня**, / Вот спасибо, дорогой. / Это я тибя замучила / Весёлою игрой* [МОНМЦ]. В Шекснинском районе была распространена традиция игры «*под язык*» (или «*игры ротиком*»): при отсутствии гармониста женщины пели и плясали, имитируя голосом и специальной артикуляцией звучание наигрышей гармони, балалайки. Женщин, умеющих *играть ротиком* уважали не меньше, чем гармониста, что отразилось и в текстах частушек. Жительница с. Сизьма **Руфина** Васильевна Комиссарова (1931 г.р.) исполнила такую частушку: *У товарочки жакеточка / Ошита котиком. / **Руфа** – серенькие глазки, / Поиграй-ко ротиком* [МСЦТНК]. Вариант данной частушки спела жительница д. М. Овинец Инга Павловна Ляпичева (1939 г.р.), также известная в округе исполнительница частушек, умеющая *играть ротиком*: *У товарочки жакеточка / Обшита котиком. / Вот спасибо тебе, **Инна**, / Поиграла ротиком!* [КЧШР].

Ещё одна категория антропонимов, называющий реальных жителей Шекснинского района, - это уникальные имена: прозвища, фамилии, имена и отчества. Приведём примеры текстов с такими антропонимами: *Как укатана гора, / Укатали два друзья - / **Михаил Арсеньтьевиць** / И **Анна Ивановна*** [МОНМЦ]; *Топни-ко, ножка, / Резинова колошка. / До чего парень хорош - / У **Морева** Алёшка* [ЯСРД]; *Огороды затрешшали / С Телибанова идут. / Два **Петрушины** братаники, / Да два **Виташки** тут* [МСЦТНК]; *Поиграй-ка, Миша, милый, / **Миша Виноградыч**. / Самая лучшая из сада. / Выбранная ягода* [КЧШР]; *Сидите, девушки, на лавочке / У новых косяков. / Любите **Васеньку Иванова** – / Не будет пустяков* [ЯСРД]; *Где **Матехина** порезали, / Не выросла трава. / Где его похоронили, / Там посохли дерева* [ЯСРД]; *Вот застукали колеса / И зафыркал*

паровоз: / Хулигана ***Саньку Шмонина*** */ В услонию повез* [ЯСРД]; *А по деревёнке пройдём, / Пройдём, да и проухаём. / А* ***Уханиха*** *будто с брюхом, / Подойдём, понюхаём. А!* [МОНМЦ]; *А на колхозную роботу /* ***Лебедиха*** *не пошла, / Бригадиру отказала, / С торгова ступня пошла* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; ***Слатёна*** *сладкая, как мёд, / На Квасюнине живёт. / Не проехать, не пойти, / Чтобы к* ***Слатёне*** *не зайти* [ЯСРД]; *Всё на свете голубое, / Нету и зелёного. / Нет* ***Матехи****, нет* ***Арбуза****, / Нету и* ***Калёного*** [ЯСРД].

Образы реальных жителей Шекснинского района ярко определяются контекстом частушки. История, отражённая в частушке, не всегда является реальной (***Коля***, ***Коля****, ты отколе? /* ***Коля*** *из Бакланова. / Напоили* ***Колю*** *пивом / Из ведра поганого* [КЧШР]), однако объект иронии определён очень точно, распространённое в частушках имя Коля конкретизируется топонимом (*Коля из Бакланова*). Не вызывает сомнения, что некоторые частушки очень ярко, детально отражают подмеченную исполнителем жизненную ситуацию, например: *В том краю собака лает, / Чья-то парочка идёт: /* ***Зинка*** *в беленьких носочках, /* ***Альку*** *пьяного ведёт* [МОНМЦ]. Специфичные формы имён собственных (*Зинка, Алька*), а также некоторые детали, отражённые в контексте (*Зинка в беленьких носочках*), указывают на связь сюжета с реальной жизнью.

В сборнике шекснинских частушек обнаруживаются тексты, в которых используются личные имена в качестве **обобщённого наименования** милого, парня, ребёнка, например: *Ой, не ходите, девки, замуж, / Замужом не шутка. / Ой, через год аль через два, / Появится* ***Мишутка*** [МОНМЦ; МЧЦТНК] (имя *Мишутка* используется в значении ‘ребёнок’, участвует в формировании точной рифмы ***шутка****-Ми****шутка***); *Пляши,* ***Матвей****, / Не жалей лаптей. / Старые – порвутся, / Новые – найдутся* [КЧШР] (общерусская частушка; имя *Матвей* используется в значении ‘милый’, участвует в формировании рифмы *Матв****ей****-лапт****ей***); *Топится, топится / В огороде баня. / Женится, женится / Мой милёнок* ***Ваня*** [КЧШР] (общерусская частушка; имя *Ваня* используется в значении ‘милый’, ‘парень’, участвует в формировании рифмы *б****аня****-В****аня***); *Ёлки-палки, лес густой, / Ходит* ***Ваня*** *холостой, / А когда бык отелится, / Тогда и* ***Ваня*** *женится*

[МСЦТНК] (общерусская частушка; имя *Ваня* используется в значении ‘парень’); *Тына, тына, тына, тына, / Девки сделали* ***Мартына****, / Посадили в уголок да, / Чтобы чёрт не уволок* [МСЦТНК] (шутливая частушка; имя *Мартын* используется в значении ‘кукла’; ‘парень’); *Помидоры, помидоры, / Помидоры овощи. / Не любите, девки,* ***Вовок****, / Все* ***Володьки*** *– сволочи* [КЧШР] (имя Владимир (*Вова*, *Володька)* называет не конкретного человека, но относится ко всем парням с таким именем).

Границы между группой имён реальных людей (особенно выраженными одной лексемой, без фамилии, отчества) и обобщённых имён не являются чёткими, потому как частушка, исполненная с употреблением того или иного имени, но не адресованная конкретному человеку, переводит это имя в разряд обобщённых. В то же время обобщённые, «частушечные» имена могут переходить в разряд имени реального человека в ситуациях, когда частушка исполняется в присутствии человека с упомянутым в тексте именем (или подразумевает реального человека, адресуется конкретному ему). Так, например, имя *Петенька* в частушке, исполненной в различных ситуациях, может как относиться к реальному человеку (возлюбленному исполнительницы), так и быть обобщённым наименованием *милого*: *Не ругай меня, мамаша, / Что сметану пролила, / Под окошком шёл* ***Петенька*** *– / Я без памяти была* [КЧШР]. К подобной группе можно отнести и множество других текстов: *У подруги дроля –* ***Коля****, / И мине бы завести. / Говорят, что с* ***Николаем*** */ Хорошо любовь вести* [КЧШР] (распространённое в частушках имя *Коля* может относиться к реальному человеку, если у подруги исполнительницы действительно есть возлюбленный *Коля*); *Мне не надо пуд муки, / Мне не надо жита. / Если* ***Мишка*** *поцелует, / Я неделю сыта* [МСЦТНК] (имя *Мишка* может относиться к реальному человеку).

Тексты частушек с антропонимами (как и тексты частушек с топонимами) могут иметь варианты – в зависимости от имени, которое используют исполнители, подбирая наиболее подходящее по ситуации (имя своего возлюбленного и пр.), например: *Топится, топится / В огороде баня. / Женится,*

женится / Мой милёнок ***Ваня*** [КЧШР]; *Топится, топится / В огороде баня. / Женится, женится / Мой милёнок* ***Саша*** [КЧШР].

Третья группа текстов шекснинских частушек содержит антропонимы – **имена общеизвестных политических деятелей**. Темы таких частушек отражают острые общественные проблемы, тексты содержат укор, горечь от несправедливых действий, и, вместе с тем, полны иронии, сарказма: *При царе при* ***Николашке*** */ Ели белые олашки. / У царя у* ***Ленина*** */ Съели хвост от мерина* [ЯСРД]; ***Сталин Ленина*** *будил – / По брюшине колотил. / Ты вставай-ко, сотона, / Пятилетка сорвана* [ЯСРД]; *Говорят все – Ленинград, / Ну а надо – Петроград. / Его* ***Первый Пётр*** *построил, / А не ты, плешивый гад* [ЯСРД]; *Сидит* ***Гитлер*** *на берёзе, / Вяжет лапти языком, / Чтобы вшивая команда / Не ходила босиком* [КЧШР].

Таким образом, антропонимы играют важную роль в текстах шекснинских частушек: указывают на реальных людей (и ситуации, с ними происходившие), называют любимых (даже при использовании обобщённого имени), адресуют сообщение конкретным лицам. Использование антропонимов часто делает текст уникальным, а его содержание – реалистичным, адресным.

3.3.2.3. Теонимы, агионимы, названия православных праздников и календарных событий

Культура жителей Шекснинского района была тесно связана с православной традицией. В текстах частушек часто упоминает Бог, в том числе с именованием *Бог* (в 23 текстах), *Господь* (в 6 текстах), например: *Матушка родимая, / Да не ругай за милова. / Лучше* ***Богу*** *помолись, / Чтобы моя кончалась жизь* [КЧШР]; *Милый мой, побойся* ***Бога*** *– / Полюби меня навек. / Мы с тобой, цветочек аленький, / Знакомы с малых лет* [КЧШР]; *Я не пьяница, не вор. / Я не огурешник. / А Серебриху полюбил, / Так перед* ***Богом*** *грешник* [ПВБ]; *Хулиган, мальчишка, я, / Вся деревня – на меня. / Все старухи Богу молят, / Штобы не было миня* [МОНМЦ]; *Не за любого отдают. /* ***Богу*** *помолилися. / Мы, товарочка, с тобой / Обе наревилися* [ЯСРД]; *Изменил милаша клятвой. / Ему счастья* ***Бог*** *не*

даст. / Не даст ни счастья, ни ума – / Зачем обманывал меня [ЯСРД]; *На беседушку пришла, / **Богу** помолилася: / «Слава тебе, **Господи**! / Любовь решилася»* [ЯСРД]; *Мене милый изменил, / Думает, заплакаю. / Я такого, прости **Господи**, / Из глины сляпаю* [КЧШР].

В текстах шекснинских частушек встречается агионим – Никола, который употребляется в значении – ‘название праздника’: *Сегодня праздничек **Никола**. / Нет милого никакого. / Надо, надо завести – / Хотя бы гривен за шести* [КЧШР]. Название иконы Казанской Божьей Матери также употребляется в шекснинских частушках в значении ‘название праздника’: *Не дождаться, девушки, / **Казанские осённые**, / Со **Казанские** пойдут / Вечера весёлые* [МОНМЦ] (по воспоминаниям информантов, с этого осеннего праздника в исследуемом районе начинались долгожданные молодёжные посиделки).

Кроме вышеуказанных праздников, в текстах частушек встречаются такие православные (и церковно-народные) праздники, как *Троица*, *Покров*, *Масленица*, а также период православного календаря – *Великий пост*: *Нынче **Масленца** сгорела, / Настаёт **Великой пост**, / Сидит кошка на окошке, / Вышивает себе хвост* [МОНМЦ]; *Скоро **Масленка** придёт, / Кто нас покатает? / У окошек простоим, / До земли протаем* [КЧШР]; *Сидит кошка на окошке, / Пришивает коту хвост, / Скоро **Масленица** будет. / А за ней – **Великий пост*** [КЧШР]; *Скоро **Троица**, / Берёзоньки покроются. / Скоро милова увижу - / Сердце успокоится* [КЧШР]; *Скоро, девки, **Троица**, / Березонька покроетца. / Земля белым снежком, / А невеста женишком* [МОНМЦ]; *Скоро, девушки, **Покров**, / Скоро нам гуляночка. / Скоро, скоро заиграет / Милого тальяночка* [МСЦТНК].

Таким образом, топонимы, антропонимы, теонимы являются яркой характеристикой, показывающей территориальную принадлежность рассматриваемых текстов к Шекснинскому району Вологодской области, а также отражают культурные и духовные ценности жителей исследуемого района.

3.3.3. Региональные особенности фольклорных формул

В разделе 2.3 второй главы настоящего исследования мы освещали типы и семантику фольклорных формул, наиболее характктерных для частушек. В особую группу мы выделим формулы, частотность которых особо высока в частушках Шекснинского района. Отметим, что выводы о региональном характере исследуемых формул носят предварительный характер, поскольку мы не располагаем в полной мере данными по использованию таких формул в других регионах.

Особые формулы могли получить широкое распространение в силу своеобразия культурно-языковой среды исследуемого региона.

В шекснинских частушках очень широкое распространение получила формула-мотив «*серые глаза*». Обращение к глазам как зеркалу души очень свойственно для фольклора в целом и для текстов шекснинских частушек, однако если формула «*серые глаза*» в целом встречается в 50 текстах в коллекции шекснинских частушек, то формула «*голубые глаза*» встречается только 6 раз, «*чёрные глаза*» - 4 раза. Формула «*серые глаза милого/милой/мои/твои*» обнаруживается в том числе в вариантах сочетаний «*серые глаза*» (23 текста), «*сероглазый милашка/дроля/паренёк*» (14 текстов), «*сероглазая сударушка/милашка*» (8 текстов), «*сероглазая моя*» (6 текстов), например: *На высокой на горе / Стоят четыре дубика, / А,* ***сероглазая милашка****, / Пожалей мазурика* [МОНМЦ; МЧЦТНК]; *Не забриют, забракуют – / Сей зиму женюся я. /* ***Сероглазая сударушка****, / Пойдёшь ли за меня?* [ЯСРД]; ***У залётки глазки серы, / Серы-сероватые****. / Он завлёк, а я влюбилась / – Оба виноватые* [МСЦТНК]; ***У залётки глазки серые****, / Похожи на мои. / Не судьба ли, ягодиночка, / Не будем ли свои?* [МСЦТНК]; *Твои глазки, мои брови / Довели нас до любови. /* ***Твои серые глаза*** */ Сердце режут без ножа* [ЯСРД].

В коллекции шекснинских частушек существуют тексты, в которых формула «*серые глаза*» метонимически означает не только лирического героя, но и характеризует его (чаще – с положительной точки зрения, иногда – в противовес

владельца глаз другого оттенка), например: *Голубые глаза – злые, / Карие – лукавые, / А у милого – **серые**, / Весёлые и смелые!* [КЧШР]; *Мне не надо никаких / Ни чёрных глаз, ни голубых. / Только надо **серые** – / Весёлые и смелые* [МСЦТНК].

Причиной частого использования данной формулы (и положительного отношения к серому цвету глаз) могло стать то, что население Шекснинского района Вологодской области (как и всего Русского Севера) имеет преимущественно серый, серо-голубой оттенок глаз.

Формула-мотив «***верес / вересовый куст***» также обращает на себя внимание, фиксируется в 20 текстах шекснинских частушек, например: *Зажигала **верес** я, / Горел колючий от огня. / Забывала дролю я, / Горело сердце у меня* [ЛППВЧ]; ***Вересовый куст** зелёный / Голубые ягоды. / За измену, сероглазенький, / Любить не надо бы* [МСЦТНК]; ***Вересовые кусточки**, / Где ж вы вересилися? / Золотые Ваши ручки, / Где играть училися?* [МСЦТНК].

Вересом в диалектах Русского Севера называют можжевельник [СРНГ: 4] – растение, которое использовалось в календарной, социальной, бытовой обрядности [СДЭС: 3]. Особенное отношение к вересу можно объяснить тем, что, с одной стороны, данное растение использовалось в практике языческих обрядов, например, *верес* поджигали и использовали в очистительных и оздоровительных целях, окуривали им больных, помещения [СДЭС: 3]. В Череповецком уезде (в состав которого входил исследуемый нами район) было принято вешать тряпочки и полотенца с нашитыми на них красными или черными крестиками на огромные почитаемые деревья можжевельника [СДЭС: 3]. С другой стороны, отношение к вересу как сакральному дереву перешло и в фольклорное (народное) православие, *верес* называли святым, божественным, *Христовым деревом* (кустом), о котором на Русском Севере бытовало немало легенд. Так, например, считалось, что Христос родился под *вересом*, прятался под ним, скрываясь от нечистой силы; считалось также, что *верес* «ближе всех других деревьев к Богу» [СДЭС: 3]. Особенное отношение к вересу отразилось и в одной их шекснинских частушек: *Дорогому за измену / Это что же подарить? / **Вересовой ветки жалко**, / Надо*

ёлочки сломить [КЧШР]. Формула «*вересовые кусточки*» наравне с прочими формулами растительной тематики входит в состав символической части параллельных конструкций в текстах шекснинских частушек, относящихся к самым разным тематическим группам, например:

- «любовь»: *Я люблю, как расцветает / В саду* ***вересиночка****, / Я люблю, как завлекает / Меня ягодиночка* [КЧШР];

- «разлука»: ***Вересовые кусточки*** */ Изломаю в ломики. / Во своей деревне милой, / Да не рядом домики* [ЯСРД];

- «несчастная любовь»: *Зажигала верес я, / Горел колючий от огня. / Забывала дролю я – / Горело сердце у меня* [ЛПВЧ];

- «измена, ревность»: ***Вересиночку колючую*** */ В руках не удержать. / Ты трепач, а я ревнивая, / Любовь не содержать* [ЛПВЧ]; ***Вересовый куст*** *зелёный / Голубые ягоды. / За измену, сероглазенький, / Любить не надо бы* [МСЦТНК];

- «разлука»: ***А вересиночка*** *и ёлочка / Стояли обе врозь, / А давай, дролечка по-старому / Свои капризы брось* [МОНМЦ];

- «людская слава»: ***Вересовый куст*** *зелёный / Вырос на долинушке. / Так и знала, что нахают / Дорогому милушке* [МСЦТНК];

- «музыка, игра на гармони»: ***Вересовые кусточки****, / Где ж вы вересилися? / Золотые Ваши ручки, / Где играть учились?* [МСЦТНК].

Региональных характер также имеют устойчивые элементы текста шекснинских частушек ***жо / эх, жо*** и ***р-р-р***, связанные со спецификой исполнения частушки. К сожалению, случаев употребления данных междометий и частиц в текстах шекснинских частушек, зафиксировано мало: 5 текстов с элементом *р-р-р* и 2 текста с элементом *жо/ эх, жо* . Причин, по которым данные междометия и частицы не фиксировались, несколько: во-первых, они характерны для мужских частушек, а бóльшая часть информантов – женщины; во-вторых, далеко не все тексты нашей коллекции зафиксированы вместе с междометиями и частицами – в том числе в силу того, что информанты не всегда пели частушку, но часто проговаривали текст для записи (или даже записывали его в тетрадь), упуская

частицы, междометия, союзы, которые обычно использовались в условиях реального исполнения. Однако данные элементы речи были характерны при исполнении частушек в Шекснинском районе: информанты упоминают о существовавшей в районе **традиции** использования данных выражений при исполнении мужских (*парнечьих*) частушек. Так, например, житель д. Левинская А. П. Ваганов (1935 г. р.) вспоминает о том, что парни, когда плясали, то «*рыкали*», и «*жикали*» (уточняя также, что «*рыкать*» могли после 2 и 4 строк текста), и демонстрирует это в исполнении частушки: *Хулиган, мальчишка, я, / Не любят девушки миня. Р-р-р! / Только любят городские, / Да и то за денежки! Р-р-р!* [МОНМЦ]. О «рыканьи» вспоминает и жительница д. Княже Е. М. Серова (1939 г. р.): *Кто дак «р-р-р» всё споют, дак «р-р-р»… Не стало голубя на крыше, / Соловея – пеуна.* ***Р-р-р!*** */ Не стало верного товарииша, / Теперя у меня.* ***Р-р-р!*** [МОНМЦ]. Жители д. Починок А. Ф. Груничев (1929 г.р.) и Г. Груничева (1929 г.р.) вспоминая о деревенских драках, исполняют следующую мужскую частушку: ***Р-р-р****, картошина, / Сбоку опалённая, / Сероглазая моя / Осталась нелюблённая* [МОНМЦ; МЧЦТНК]. Подобную *парнечью* частушку вспоминает жительница д. Малый Овинец И. П. Ляпичева (1939 г.р.): ***Р-р-р****, картошина, / Сбоку опалилася. / Денисёнкина Фаинка / В ямку закатилася* [МОНМЦ; МЧЦТНК]. И. П. Ляпичева также исполняет целую серию «хулиганских» частушек с «рыканьем» в конце текста, однако запись с данным исполнением очень неразборчива, в том числе вследствие того, что информанты активно плясали под звуки гармошки (т.е. были воссозданы **реалистичные условия** исполнения частушек в жизни).

Использование данных устойчивых элементов именно в мужских частушках очень оправдано с точки зрения фоносемантики: резкие (до неприятного) звуки повышают экспрессию, передают агрессивное настроение исполнителя. «Рыканье» в частушках информанты неслучайно вспоминают часто в связи с драками. Вероятно, «рыканье» возникло как звукоподражанье «хорканью» - традиции издавать характерные угрожающие хрипящие звуки перед дракой (а именно перед дракой очень часто исполнялись мужские частушки).

Исследователи называют «хорканье» одним из «самых впечатляющих приёмов демонстрации агрессивности и презрения к сопернику», известных в западных районах Вологодской области [Морозов 2004]. «Это очень напоминает хрипение зверя. Такие формы поведения естественным образом заводят эмоционально и самих этих людей, и противоположную сторону. Поэтому сама церемония задирания <…> выглядит очень архаично» [Морозов 2006]. О том, что парни «хоркали» перед дракой, вспоминают информанты различных деревень и посёлков Шекснинского района (с. Киргоды, д. Поляны, д. Кузьминское, д. Починок) [МОНМЦ]. Традиции «хорканья» и «рыканья» в частушках сохранилась в воспоминаниях информантов, по всей видимости, благодаря родству с культурой драки (традиция драк, безусловно, являлась частью обрядовой культуры Шекснинского района, «узаконенной формой мужской коммуникации» [Морозов 2004:192]), а драки в исследуемом регионе были очень широко распространены, практически не имели календарной приуроченности, в отличие от строго регламентированных кулачных боев Центральной России и Поволжья [Морозов 2004: 195].

Жители д. Левинская А. П. Ваганов (1935 г.р.) и его супруга К. Т. Ваганова (1941 г.р.) вспоминают также о выкриках *жо* (*милка, жо*) и *эх, жо!* в мужских песнях Шекснинского района, и в качестве примера употребления таких выкриков К. Т. Ваганова исполняет частушку: *Эй, вот и Улома-река, да / Переход берёзовой.* ***Эх, жо!*** */ А переходит сероглазая, / Платочек розовой.* ***Эх, жо!*** [МОНМЦ]. С частицей *жо* исполняет частушку житель д. Прокино А. И. Смирнов (1940 г.р.): *<Запись испорчена> могилу / Милка обходила* ***жо,*** */ Я не сам его зарезал, / Ты сама учила* [МОНМЦ].

Таким образом, в шекснинских частушках встречаются фольклорные формулы и устойчивые элементы языка, характерные для текстов данного региона. Для полного представления о подобных элементах и формулах представляется важным в перспективе выполнить анализ формул частушек других регионов.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Региональные особенности языка шекснинских частушек наиболее серьёзно проявляются на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Исследование фонетических особенностей языка шекснинских частушек стало возможным благодаря наличию текстов, записанных с частичным фиксированием фонетических особенностей языка, а также благодаря наличию большого количества аудиозаписей с исполнением частушек. В результате исследования были отмечены особенности диалекта на уровне фонетики, характерные для северного наречия (вологодских и белозерско-бежецких говоров) и проявившие себя именно в текстах частушек (но не в диалектной речи в целом). Многие особенности диалектной речи в шекснинских частушках проявляются непоследовательно, что обусловлено влиянием литературного языка. Некоторые диалектные фонетические особенности, утраченные носителями говора в живой речи, сохраняются в частушках, создают неповторимый звуковой образ. Шекснинская частушка, сохранившая старинное, специфичное для изучаемого нами района произношение, служит предметом гордости и средством самоидентификации местного населения.

Изучая архаичные грамматические формы диалектной речи в текстах шекснинских частушек, мы пришли к выводу, что наиболее частое использование таких форм наблюдается в частушках, зафиксированных в середине XX столетия от информантов, родившихся в конце XIX – начале XX вв. Гораздо реже подобные формы встречаются в частушках, записанных от информантов, родившихся в середине XX века (и позже). Употребление слов в архаичных формах не всегда мотивируется только сохранением ритма и рифмы в тексте: нередко исполнители не используют возможность заменить архаичную форму на общеупотребимую форму литературного языка даже в тех случаях, когда литературная форма не нарушает рифму и ритм стиха. Таким образом, архаичные грамматические формы использовались в качестве способа сохранения традиционного жанрового своеобразия частушки как фольклорного произведения.

Диалектная природа данных форм подчёркивает региональную специфику шекснинских частушек.

Региональный характер речи ярко представлен в лексике шекснинских частушек. Во-первых, встречается большое количество диалектных слов, которые отражают в тексте частушек живую народную речь прошлого столетия, реалии народной культуры, создавая тем самым неповторимый колорит шекснинской частушки. Во-вторых, региональная специфика языка шекснинских частушек проявляется в использовании значительного количества топонимов и антропонимов. В исследуемых текстах зафиксированы названия различных деревень и сёл Шекснинского района, истории из жизни реальных людей, их имена, фамилии, прозвища. В коллекции шекснинских частушек встречаются тексты, включающие не только названия рек и населённых пунктов Шекснинского района Вологодской области, но и удалённые от исследуемого региона города и реки. В таких текстах счасто используется мотив разлуки, смерти любимого, измены, т.е. они имеют минорную тональность.

Исследование теонимов, названий праздников в текстах шекснинских частушек позволяет сделать вывод о том, что данные тексты отражают некоторые важнейшие ценности духовной культуры жителей Шекснинского района.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая особенности языка частушек Шекснинского района Вологодской области, мы убедились в том, что данный объект исследования заслуживает пристального внимания учёных, а изучение жанровых и региональных особенностей языка и речевой структуры частушек является актуальной задачей лингвофольклористики. Язык шекснинских частушек представляет особую сферу функционирования языка, со специфичными для данного жанра языковыми средствами и региональными чертами. В частушках отразилась история развития словесной культуры народа, в силу чего частушки и их язык являются национальным культурным достоянием.

Важным результатом настоящего исследования является введение в научный оборот текстов шекснинских частушек. Источниками материала для данного диссертационного исследования послужили фольклорно-этнографические фонды центров традиционной культуры г. Вологды, Череповца, села Сизьма, коллекция частушек профессора Л. Г. Яцкевич, а также коллекция частушек, составленная в результате экспедиций в Шекснинский район автором настоящей работы. В результате предпринятой экспедиции в исследуемый район были решены следующие задачи: 1) записаны тексты шекснинских частушек, многие из которых не публиковались ранее в каких-либо источниках и не были предметом специального исследования; 2) в репортажных записях зафиксирован важный для изучения фольклорного текста внеречевой контекст (жизненные ситуации, в которых создавались или исполнялись конкретные частушки); 3) собрана информация о месте бытования текстов, записанных нами и нашими предшественниками; 4) установлены носители традиции – исполнители частушек, зафиксирована специфика их говора, манера исполнения.

Частушка считается сравнительно молодым фольклорным жанром, вобравшим в себя черты множества других жанров устного народного творчества, из-за чего границы частушки определяются исследователями по-разному. Изучаемый нами материал представляет собой частушки (*короткие писни*),

собранные на протяжении нескольких десятилетий (с 1963 г. по 2017 г.). В данном исследовании отмечено влияние различных жанров на язык шекснинской частушки (свадебные причеты и попевки, причитания о покойнике, скоморошьи песни, детские песенки, календарные песни-попевки, лирические песни, былины, пословицы и поговорки).

Было установлено, что функционирование шекснинских частушек в некоторой степени связано с манерой исполнения текстов: 1) частушки, спетые в быстром темпе (чаще – шутливые), иногда с переходом на декламирование (и выкрики), исполнялись под пляс во время календарных праздников, бесед (посиделок), молодёжных встреч, на свадьбах и чаще назывались *частушками*; 2) протяжно исполнялись частушки во время гуляний по деревне, когда ходили на реку, в лес, во время полевых и иных работ, качания на качелях, в качестве застольных песен; такие частушки называли чаще *короткими письнями*; 3) частушки декламировались в качестве «красного словца», афористичного выражения.

Язык шекснинских частушек и построение их текста характеризуются традиционностью. Во-первых, для данного жанра характерен постоянный репертуар тем, наличие тематических циклов, что способствует созданию устойчивых поэтических формул и устойчивых композиционных форм текста. Во-вторых, в связи с этим в текстах частушек сохраняется значительное количество диалектных слов, выпавших из активного запаса жителей сел данного района.

Для фольклорных текстов данного жанра характерна импровизация, тесная связь с ситуацией исполнения частушек, что также находит отражение в построении их текста и в их языке: создаются серии (циклы) вариантных частушек, обычно связанных общими устойчивыми поэтическими формулами.

Жанрообразующими для частушек в основном являются темы любви, разлуки, ревности, брака, а также шутливые сюжеты. Это определяет частотные характеристики словаря данного жанра: наиболее частотны названия любимого человека, соперницы (соперника), термины родства.

В небольшом объеме текста частушки выражается сжатый сюжет в его кульминации, что определяет повышенную экспрессивность частушки. С этой целью используются различные языковые средства. Во-первых, в текстах очень часто встречаются эмоционально-оценочные лексические единицы: наиболее распространены междометия *эх, ух, ох, ах, а, р-р-р,* частицы *то, да, же*, союзы *а, да*, а также лексика с экспрессивной и оценочной коннотацией. Во-вторых, часто используются эмоционально-экспрессивные суффиксы с субъективно-оценочной семантикой, приставки со значением высшей степени проявления признака, двойные приставки, сложные и сложносоставные слова. В-третьих, в текстах шекснинских частушек наблюдаются традиционные и индивидуально-авторские тропы и стилистические фигуры, средства поэтического синтаксиса: параллелизмы, антитеза, риторические вопросы и обращения, гиперболы, метафоры, метонимия, ирония, сарказм и пр.

Шекснинские частушки являются ценным памятником диалектной речи, так как сохраняют многие (порой уже утраченные в живой речи) особенности местного говора на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. В результате исследования были отмечены фонетические особенности языка частушек, характерные для северного наречия (вологодских и белозерско-бежецких говоров) и проявившие себя именно в текстах частушек (но не в диалектной речи в целом). Многие особенности диалектной речи в шекснинских частушках проявляются непоследовательно, что обусловлено влиянием литературного языка. Диалектные фонетические особенности являются ярким региональным маркером, создающим неповторимый звуковой образ шекеснинской частушки.

Наиболее частое использование архаичных диалектных грамматических форм наблюдается в частушках, зафиксированных в середине XX столетия от информантов, родившихся в конце XIX – начале XX вв. Гораздо реже подобные формы встречаются в частушках, записанных от информантов, родившихся в середине XX века (и позже). Архаичные грамматические формы употреблялись в

качестве способа сохранения традиционного жанрового своеобразия частушки как фольклорного произведения.

Поскольку в текстах шекснинских частушек в большом количестве обнаруживаются реликтовые элементы речи, такие тексты можно рассматривать как ценнейший источник для научной реконструкции шекснинских говоров.

Региональный характер речи ярко представлен в лексике шекснинских частушек: в текстах встречается большое количество диалектных слов и выражений.

В текстах шекснинских частушек региональный характер имеют также некоторые поэтические мотивы, сюжеты, фольклорные (частушечные) формулы, создающие местный колорит. Такие тексты отражают местные географические и социальные условия бытования частушек, что также находит отражение в использовании региональных топонимов и антропонимов и создаёт определённые культурные традиции в сфере народного творчества данной местности.

Сохранившая своё старинное, специфичное для изучаемого района произношение, грамматические формы, лексику, шекснинская частушка как культурный феномен, по нашим наблюдениям, служит предметом гордости и средством самоидентификации местного населения.

В перспективе результаты данного исследования могут стать основанием для составления словаря фольклорных формул шекснинских частушек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. КТАР – Карабанов, А. А. Телец. Автобиографический роман: в 2 частях / А. А. Карабанов. - Вологда, 2011.

2. КЧШР – Коллекция частушек (и репортажей) Шекснинского района Вологодской области, составленная по материалам экспедиции А. А. Медведевой в с. Сизьма, с. Чаромское, д. Квасюнино, д. Малый Овинец в июне 2017 г. - Вологда, 2017. – 110 с.

3. ПВБ – Павлов, К. А. Всё было. Петров день. Автобиографическая повесть / К. А. Павлов. – Череповец: Порт-Апрель, 2005.

4. ЛПВЧ – Пропою я вам частушки: Сб. частушек И. П. Ляпичевой. / Сост. Т. Ляпичева; консультант, руководитель Е. Н. Быкова. - Сизьма, 2017.

5. МС – Мамуров, В. Стихотворения / В. Мамуров. – Екатеринбург, 2002.

6. МОНМЦ – Материалы фольклорно-этнографических фондов Вологодского областного научно-методического центра культуры (БУК ВО «Центр народной культуры»). - Вологда, 1999–2006.

7. МСЦТНК – Материалы фольклорно-этнографических фондов центра традиционной народной культуры с. Сизьма (БУК ШМР «РЦТНК»). - Сизьма, 1998–2009.

8. МЧЦТНК – Материалы фольклорно-этнографических фондов центра традиционной народной культуры г. Череповца. - Череповец, 2002 г.

9. ЯСРД – Яцкевич, Л. Г. Слово о родной деревне / Л. Г. Яцкевич. - Вологда, 2011.

СПИСОК ЛИТЕР АТУРЫ

1. Абдулхакова, Л.Р. Из истории русского деепричастия: учеб. пособ. для студ. филол. фак. / Л. Р. Абдулхакова; Казан. гос. ун-т, Филол. фак., Каф. ист. рус. яз. и языкознания. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – 64 с.

2. Адоньева, С. Б. Звуковые формулы в ритуальном фольклоре / С. Б. Адоньева. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva1.htm (дата обращения 15.11.2017). – Текст: электронный.

3. Адоньева, С. Б. Этнография севернорусских причитаний / С. Б. Адоньева // Обрядовая поэзия Русского Севера: Плачи: Приложение № 7 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка / Сост. А.Ю.Кастров, Ю.И.Марченко. СПб., 1998. С. 63-65.

4. Адоньева, С. Б. Прагматика частушки / С. Б. Адоньева // Антропологический форум. – 2004. - № 1. – С. 156-178.

5. Акимова, Т. М. О поэтической природе народной лирической песни / Т. М. Акимова. - Саратов, 1966.

6. Альтшулер, М. С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения / М. С. Альтшулер. – М., 2007.

7. Андреева, Е. П. Коннотативно окрашенная лексика вологодских говоров: к вопросу о средствах выражения экспрессивности / Е. П. Андреева // Вестник КГУ. – Кострома: Изд-во КГУ, 2017. – Специальный выпуск. – С. 12-15.

8. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004.

9. Артеменко, Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е. Б. Артеменко – URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf (дата обращения 16.12.2018). - Текст: электронный.

10. Артеменко, Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е. Б. Артеменко. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1988.

11. Артеменко, Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте её художественной организации. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.

12. Артеменко, Е. Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция / Е. Б. Артеменко // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. II. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 99-108.

13. Астафьева, Л. А. Сравнение в частушках / Л. А. Астафьева // Фольклор как искусство слова / Отв. ред. Н. И. Кравцов. – М: Изд-во МГУ, 1975. – Вып. 3. – С.142-156.

14. Банкова, Т. Б. Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / Т. Б. Банкова и др. Под ред. О. И. Блиновой. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006 - 392 с.

15. Батырева, Л. П. Ивановская частушка: учебные материалы / Л. П. Батырева, М. Н. Сербул. – URL: http://sspu.ru/projects/serbul/index.html (Дата последнего обращения: 9.04.2019). – 2013. - Текст: электронный.

16. Батырева, Л. П. Принципы классификации частушек // Ивановская частушка: учебные материалы / Л. П. Батырева, М. Н. Сербул. – URL: http://sspu.ru/projects/serbul/prinsipi.html (Дата последнего обращения: 11.05.2019). – 2013 (а). - Текст: электронный.

17. Бейли, Дж. Эпический стих четырех поколений сказителей в семье Рябининых: вольные хореи / Дж. Бейли // Русский фольклор : [материалы и исследования] / отв. ред. А. Ю. Кастров. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 33. – С. 153-167.

18. Бейли, Дж. Ритмическая модель стиха некоторых пудожских причитаний // Русский фольклор: материалы и исследования. / [отв. ред. Ю. И. Марченко]. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 31.– С. 140-149.

19. Белов, А. Что поёт наш народ // Северный край / А. Белов. - 1902, № 133. - С. 22-38.

20. Белов, В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М: Молодая гвардия, 1982. – С. 242-244.

21. Бобунова, М. А. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. – Курск: Изд-во КГУ, 2007. – 258 с.

22. Бобунова, М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с.

23. Бобунова, М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы / М. А. Бобунова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 240 с.

24. Богатырёв, В. П. Вопросы теории народного искусства / В. П. Богатырёв. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.

25. Бурцев А. Народный быт великого Севера / А. Бурцев. - М., - 1898.

26. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка / Соч. Фёдора Буслаева.– URL: http://books.e-heritage.ru/book/10075847 (дата обращения: 16.04.2019). Ч. 1-2. – М.: Университетская типография, 1844. – Т. 1 – С. [4], II, V, 335. – Т. 2. – С. [4], III, 375. - Текст: электронный.

27. Васильев, А. Г. Композиционные особенности похоронных причитаний А. Г. Васильев // Русский фольклор. - Л., 1971. - Т. 12. - С. 91-101.

28. Великорусские народные песни / Сост. А. И. Соболевский. – С-Пб., 1902. – Т. 7.

29. Вершинина, Е. Б. Жанровые разновидности тамбовских частушек // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство Е. Б. Вершинина. – Тамбов, 2012.

30. Веселовский, А. Н. Избранное: Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – С-Пб.: Университетская книга, 2011. – 687 с.

31. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989.

32. Веселовский, А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А.Н. Веселовский. - 1898. - 45 с. - Критика. - Режим доступа: https://rucont.ru/efd/12353 (дата последнего обращения: 25.02.2019 г.). – Текст: электронный.

33. Власова, З. И. О приёмах композиции в частушках / З. И. Власова // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Вып. V. – С. 231-246.

34. Власова, З. И. Скоморохи и фольклор / З. И. Власова. – С-Пб.: Алтейя, 2001. – 524 с.

35. Вологодские частушки, пословицы, поговорки / Ред.-Сост. С. В. Викулов. – Вологда, 1957.

36. Вологодские частушки / Сост. С. П. Багров. – Вологда, 2003. – 32 с.

37. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / Предисл. О. И. Бродович. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Ленанд, 2006. – 248 с.

38. Герасимова, Н. М. Поэтика плача в севернорусских причитаниях / Н. М. Герасимова // Обрядовая поэзия Русского Севера: Плачи: Приложение № 7 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка / Сост. А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко. СПб., 1998. С.13-37.

39. Герасимова, Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) / Н. М. Герасимова // Н. М. Герасимова. Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура. СПб., 2012. Впервые статья опубликована: Советская этнография. 1978. - № 5. - С. 18-28.

40. Головина, Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Р. В. Головина. – Курск, 2008.

41. Голубева, Е. Л. Прилагательные с суффиксами -УЧ-(-ЮЧ), -АЧ-(ЯЧ-) в русских памятниках XVII в. / Е. Л. Голубева // Lietuvos TSR Aukstuju Mokyklu Mokslo Dalbai, Kalbotyra, VI, 1963. – С. 217-228. URL: http://baltnexus.lt/uploads/publikacijos/Kalbotyra/Kalbotyra%20VI/06_14_E.%20L.%20Golubeva.pdf (дата обращения 8.04.2018).

42. Горелов, А. А. Русская народная поэзия: Лирическая поэзия / А. А. Горелов. – Л.: Художественная литература, 1984. – 582с.

43. Горская, С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография: практикум / С. А. Горская. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 137 с.

44. Горшкова, К. В. Историческая диалектология русского языка / К. В. Горшкова. – М.: Просвещение, 1972. – 160 с.

45. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / К. В. Горшкова, Г. А. Хабругаев. – М.: Высш. школа, 1981. – 359 с.

46. Гриневич, А. А. Устойчивые элементы поэтической системы обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: поэтическая формула / А. А. Гриневич // Сибирский филологический журнал. – 2016. - № 4. – С. 19-28.

47. Гусев, В. Е. О художественном методе народной поэзии В. Е. Гусев // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Вып. V. – С. 25-55.

48. Деревенская частушка XX века / Сост. С. Б. Адоньева. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2006. – 534 с.

49. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. — М.: Наука, 1986.

50. Дранникова, Н. В. Традиции скоморошества и северно-русская частушка / Н. В. Дранникова // Рябининские чтения – 1995. Музей-заповедник «Кижи». – Петрозаводск, 1997. - 432 с. – URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/134.html (Дата обращения: 15.04.2018). – Текст: электронный.

51. Дранникова, Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (На материалах Архангельской области): автореферат диссертации на соикакние учёной степени кандидата филологических наук / Н. В. Дранникова. – М., 1994.

52. Друцкая, М. В. Частушка как доминирующий жанр народно-песенной традиции Тамбовской области / М. В. Друцкая // Филологическая регионалистика. – Тамбов, 2014. - № 1. – С. 77-80.

53. Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. / А. П. Евгеньева; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.; Л.: изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 346 с.

54. Евгеньева, А. П. «Слово о полку Игореве» и русский литературный язык старшего периода / А. П. Евгеньева // Пути изучения древнерус. литературы и письменности: Сб. статей. - Л., 1970. - С. 31-42.

55. Егорова, О. А. Традиционные формулы как знаковая характеристика фольклорного произведения / О. А. Егорова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М: Научное издательство «Институт стратегических исследований», 2016. - № 9-1. – С. 270-274.

56. Егорова, О. А. Традиционные формулы как явление народной культуры: На материале русской и английской фольклорной сказки: автореф. диссерт. на соискание учён. ст. кандид. культурол. наук / О. А. Егорова. – Москва, 2002.

57. Еремина, В. И. Историко-этнографические истоки «общих мест» похоронных причитаний / В. И. Еремина // Поэтика русского фольклора (Русский фольклор XXI). – Л.: Наука, 1981. – С. 70-87.

58. Ефименкова, Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и Кокшенги (Вологодская область) / Б. Б. Ефименкова. – М.: Советский композитор, 1980. – 392 с.

59. Ехалов А. К. Как у наших у ворот: истории о гармошке и частушке, о неунывающей русской душе и к ним 500 самолучших частушек / А. К. Ехалов. – Вологда: Вологодская неделя, 2005. – 153 с.

60. Журавлёв, А. П. Звуки и смысл / А. П. Журавлёв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

61. Зуева, Т.В. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений / И. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М.: Флинта: Наука, 2002

62. Зырянов, И. В. О внутри жанровой классификации частушек / И. В. Зырянов // Русский фольклор. - Т.IX. - М.-Л., 1964.

63. Зырянов, И. В. Поэтика русской частушки / И. В. Зырянов. – Пермь: Пермский Гос. Пед. Институт, 1974.

64. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. В. Иванов. - 3-е изд., перераб. и доп. / В. В. Иванов. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

65. Иванов, В. В. Русские народные говоры. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957.

66. Иванова, Т. Г. Сопоставление типических мест как приём исследования былин / Т. Г. Иванова // Поэтика русского фольклора (Русский фольклор XXI). – Л.: Наука, 1981. – С. 127-155.

67. Исхакова, Г. Г. Лингвофольклористика и её значение в изучении языка фольклорных текстов (на примере синтаксических особенностей башкирских заговоров / Г. Г. Исхакова // Вестник Башкирского университета. - 2009. - Том 14. - №1. -С. 166-169.

68. Исхакова, Г. Г. Языковые и стилистические особенности башкирских заговоров: диссертация на соискательство учёной степени кандидата филологических наук / Г. Г. Исхакова. – Уфа, 2009. – URL: http://www.dissercat.com/content/yazykovye-i-stilisticheskie-osobennosti-bashkirskikh-zagovorov. – Текст: электронный.

69. Калашникова, Е. А. Синтаксический параллелизм как средство организации эпического текста: На материале былин киев. цикла и рун "Калевалы": диссертация на соискание учен. ст. кандид. филолог. наук / Е. А. Калашникова. – Петрозаводск, 1998.

70. Касаткин, Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л. Л. Касаткин. - М.: Языки славянской культуры, 1999. - 516 с.

71. Катяян, Р. Синтаксический параллелизм, его виды и функции в текстах русских народных сказок / Р. Катяян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2017. - № 2(68). - Ч. 2. - С. 134-139.

72. Киндрекнехт, А. С. Состав поэтических формул с компонентом "сердце" в русской поэзии начала XX века: автореф. диссерт. кандид. филол. наук А. С. Киндрекнехт. – Пермь, 2001. – URL: http://www.dissercat.com/content/sostav-poeticheskikh-formul-s-komponentom-serdtse-v-russkoi-poezii-nachala-xx-veka. – Текст: электронный.

73. Клагге, И. О композиции частушки / И. Клагге // Русский фольклор: [материалы и исследования]. - Т. 12. Из истории русской народной поэзии. – Л., 1971. – С. 123-134.

74. Климас, И. С. Русское фольклорное слово. Курс лекций для магистрантов / И. С. Климас. - Курск, 2009.

75. Климкова, Л. А. Нижегородская частушка: лексический аспект / Л. А. Климкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачесвского. – 2013. - № 6 (2). – с. 94-97.

76. Климкова, Л. А. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции / Л. А. Климкова // Приволжский научный вестник. – 2013. - № 8 (24). – Т. 2. – С. 28-37.

77. Князев, В. В. Жизнь дореволюционной деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. / В. В. Князев. – С-Пб., 1913.

78. Князев, С. В. Русская диалектная фонетика: Учебное пособие / С. В. Князев. – М, 2008. – 42 с.

79. Колпакова, Н. П. Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпакова. - М.-Л., 1962.

80. Колпакова, Н. П. Типы народной частушки / Н. П. Колпакова // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. - М.-Л.: Наука, 1966. - Вып. 10. - с. 264-288.

81. Комякова, Ж. О. Вологодские частушки / Ж. О. Комякова // Русская традиционная культура. Северные традиции: усть-цилёмская горка и вологодские частушки / Ред.-сост. С. Л. Браз. - М: Родник, 2000.- № 1. - С. 28-74.

82. Краткая литературная энциклопедия. – М: Изд-во МГУ, 1975. – Вып. 3. – С.151.

83. Крылова, М. Н. И это всё сравнение: разнообразие структурных типов / М. Н. Крылова / М. Н. Крылова // Русский язык и литература для школьников. – 2013. - № 4. – С. 3-12.

84. Кулагина, А. В. Параллелизм и символика в частушках / А. В. Кулагина // Фольклор как искусство слова, - Вып. 5. -М., 1981.- С. 102-126.

85. Кулагина, А. В. Поэтический мир частушки / А. В. Кулагина. – М.: Наука, 2000. – 303 с.

86. Кулёва, А. С. Усечённые прилагательные в языке русской поэзии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Рос. АН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. - М., 2008. – 30 с.

87. Кулёва, С. Р. Неизвестная частушка / С. Р. Кулёва. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2008а. – 248 с.

88. Кулёва, С. Р. Обрядовая частушка в устюженской традиции / С. Р. Кулёва // Рябининские чтения – 2003. – Петрозаводск, 2003.

89. Кулёва, С. Р. Частушки в культурных традициях Белозерья. Опыт комплексного исследования: диссертация… кандидата искусствоведения: 17.00.02. / Кулёва София Робертовна. – Санкт-Петербург, 2008б. – 260 с.

90. Кулёва, С. Р. Частушка и «короткая песня»: к вопросу о внутрижанровой классификации / С. Р. Кулёва. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastushki-i-korotkie-pesni-k-voprosu-o-vnutrizhanrovoy-klassifikatsii (дата последнего обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.

91. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов]/ С. Г. Лазутин. - М.: Высш. школа, 1981.

92. Лазутин, С. Г. Поэтическая символика русских народных лирических песен // Поэтика русского фольклора: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов]/ С. Г. Лазутин. - М.: Высш. школа, 1981.

93. Лазутин, С. Г. Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования жанра / С. Г. Лазутин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1960. – 262 с.

94. Лазутин, С. Г. Частушка // Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1978. - Т. 29.

95. Логачева, Е. В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С. А. Есенина «Бобыль и Дружок» / Е. В. Логачева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М., 2017. - № 4. – С. 26-33.

96. Логвиненко, И. А. Формальный параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б. Л. Пастернака) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.academia.edU6519743/Формальный_параллелизм_в_поэтическом_произведении (дата обращения: 17.08.2018). – Текст: электронный.

97. Львов, И. Я. Новое время, новые песни / И. Я. Львов. - В.Устюг, 1891. - 31 с.

98. Люксенбург, И.И. Поэтика уральской частушки / И. И. Люксенбург // Тезисы 7 итоговой научной конференции: Секция гуманитарных наук (февраль 1983г.) - Челябинск, 1983. - С. 54-55.

99. Малахов, А. С. Русская диалектология: теория и практика: учеб. пособие / А. С. Малахов; Владим. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. – 111 с.

100. Мальцев, Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Г. И. Мальцев. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.

101. Мануйлова, О. А. Ключевая лексика, формирующая пейзажно-фоновые микрополя частушек / О. А. Мануйлова. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4775. - (Дата обращения: 10.05.2019). – Текст: электронный.

102. Мануйлова, О. А. Экспрессивно-семантическая структура русской народной частушки как жанра художественной речи и лексические средства ее формирования: диссертация на соискательство учёной степени кандидата филологических наук / О. А. Мануйлова. – Армавир, 2005.

103. Матвеева, Т. В. Экспрессивностьрусского слова / Т. В. Матвеева. – Саарбрюккен: Pulmarium Academis Publishing, 2013. – 173 с.

104. Мелетинский, Е. М. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров / Е. М. Мелетинский // Русский фольклор. Материалы и исследования. – Вып. V. - М.-Л., 1960. - с. 83-101.

105. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе: Учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров» / Е. М. Мелетинский. – М., 2001. – 169 с.

106. Мешкова, О. В. О классификации частушек / О. В. Мешкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001.

107. Мешкова, О. В. Эстетическая природа частушки: автореф. диссерт. на соискание учён. ст. кандид. филол. наук / О. В. Мешкова. – Челябинск, 2000. http://www.dissercat.com/content/esteticheskaya-priroda-chastushki

108. Морозов, И. А. Мужчина и женщина. Праздничные драки // Эфир радио «Свобода» от 30.04.2006. – URL: https://www.svoboda.org/a/156143.html. – (Дата обращения: 20.04.2019). – Текст: электронный.

109. Морозов, И. А. Праздничные драки / И. А. Морозова, И. С. Слепцова // Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). – М.: Индрик, 2004. – С. 192-207.

110. Мочалова, Т. И. Русская диалектология: Учебно-методическое пособие / Т. И. Молчанова. – 98 с.

111. Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. С.П. Бушкевич. - Москва, «Лабиринт», 2001. – 224 с.

112. Ованесян, Л. Г. Тутнярские частушки как словесно-музыкальный феномен. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Л. Г. Ованесян. – Челябинск, 2011.

113. О работе над частушкой. – М., 1957. – 39 с.

114. Оссовецкий, И. А. О языке русского традиционного фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. - № 5.

115. Основы литературоведения: учеб. пособие / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов, Н. П. Кубарева, М. Н. Сербул / Под ред. В. П. Мещерякова. — М., 2000. — С. 78.

116. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 600 с.

117. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964.

118. Павлович, А. И. Историческая грамматика русского языка / А. И. Павлович. – М.: Просвещение, 1972.

119. Павлович, Н. А. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. А. Павлович. – М, 1995.

120. Песни Севера, частушки, пословицы, загадки / Сост. К. Коничев. – Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1955. – 168 с.

121. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. - М.: Высшая школа, 1990. - 344 с

122. Поэтика русского фольклора (Русский фольклор, т. XXI). – Л.: Наука, 1981. – 227 с.

123. Праведников, С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / С. П. Праведников. – Курск, 2011.

124. Праведников, С. П. Основы фольклорной диалектологии / С. П. Праведников. – Курск: Курский государственный университет, 2010. – 231 с.

125. Преображенская, М. Н. О принципах параллелизма в структуре вокализма некоторых окающих говоров / М. Н. Преображенская // Диалектологические исследования по русскому языку. – М.: Наука, 1977. – С. 38-49.

126. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп; Ред. Г. Н. Шелогурова; Сост. и коммент. А. Н. Мартыновой. - М.: Лабиринт, 1998. - 351с.

127. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / В. Я. Пропп; Ред. и послесл. Ю. С. Рассказова. - М.: Лабиринт, 1999. - 285 с.

128. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / В. Я. Пропп; Ред. и послесл. Ю. С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 1999а. - 285 с.

129. Пропп, В.Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп; Ред. С. П. Бушкевич и сост. С. П. Бушкевич; Предисл. Н. А. Криничной. - М.: Лабиринт, 1999б. - 636 с.

130. Пропп, В. Я. Сказка. Эпос. Песня/ В. Я. Пропп; Ред. В.Ф.Шевченко.- Москва: Лабиринт, 2001. – 367 с.

131. Путилов, А. Н. Фольклор и народная культура / А. Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994.

132. Разова, И. И. Похоронный обряд Белозерского района Вологодской области / И. И. Разова // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1. – Вологда: Издательство «Русь», 1994. – 288 с. – С. 168-189.

133. Розенфельд, Б. Л. К вопросу о происхождении и формировании жанра современной частушки / Б. Л. Розенфельд // Художественный фольклор, Т. IV-V. – М, 1929, С. 177.

134. Розов, А. Н. К сравнительному изучению поэтики календарных песен // Поэтика русского фольклора (Русский фольклор XXI) / А. Н. Розов. – Л.: Наука, 1981. – С. 47-70.

135. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. – М.: Наука, 1974.

136. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1 — М., 1980.

137. Русская диалектология: Учеб. пособ. для филол. фак. и ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; Под ред. В. В. Колесова. – М.: Высш. шк., 1990. – 207 с.

138. Русский фольклор: Материалы и исследования. – Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Вып. V. – 471 с.

139. Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. - М: Издание Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе, 1914.

140. Сборник деревенских частушек / Сост. В. И. Симаков. – Ярославль, 1913.

141. Семьянинов, Я. В. Тамбовские частушки: история, коммуникативные формы, жанрово-стилевая классификация. Диссертация на соискание учен. ст. искусствоведения / Я. В. Семьянинов. – Саратов, 2016.

142. Сидельников, В. М. Поэтика русской народной лирики / В. М. Сидельников. - М., 1959.

143. Снегирёв, И. М. Русские в своих пословицах / И. М. Снегирёв. - Кн. 1-4. — М.: Университ. типография, 1831-1834.

144. Сказки, песни, частушки Вологодского края. Составитель В. В. Гура / Под ред. В. В. Гура. – Вологда, 1965. – 332 с.

145. Смольников, С. Н. На золотом пороге немеркнущих времён: Поэтика имён собственных в произведениях Н. Клюева / С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2006. – 262 с.

146. Соколова, Т. С. Фольклорный вербальный код этнокультурной информации / Т. С. Соколова // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика, 2005. - № 2. – С. 109-115.

147. Судаков, Г. В. Милый мой – моя утеха / Г. В. Судаков // Русская речь. – М.: Наука, 2017. – С. 98-106.

148. Судаков, Г. В. Названия любимого человека в вологодских частушках / Г. В. Судаков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. - № 6. - С. 111-120.

149. Судаков, Г. В. О нашем, о русском: мир русского человека в зеркале русского языка / Г. В. Судаков. – Вологда: «Легия», 2006. – 177, [1] с. – (Серия «Живое русское слово»).

150. Судаков, Г. В. Образ народа – защитника отечества в частушке / Г. В. Судаков // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления. – Вологда: ВоГУ, 2016а. – С.17-24.

151. Тарланов, З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора: учебное пособие по спецкурсу / З. К. Тарланов. – Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, Петрозаводский государственный университет им О.В. Куусинена, 1981. – 102 с.

152. Теория литературы: Учебное пособие для суд. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. – М: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

153. Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа. – М.: Наука, 1975.

154. Толстая, С. М. Образ мира в тексте и ритуале / С. М. Толстая. – М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2015. – 528 с.

155. Успенский, Г. И. Новые народные песни: (Из деревенских заметок) // Русские ведомости. — 1889. — №110. — С. 2—3.

156. Устюженская частушка 1920-х – 1930-х годов (из собрания Устюженского краеведческого музея) // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. / Адм. Устюженского р-на Вологод. обл. и др.; [гл. ред. и сост. М. А. Березин]. – Вологда: Русь, 1995. – С. 371-391.

157. Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 4. / Адм.

Устюженского р-на Вологод. обл. и др.; [гл. ред. и сост. М. А. Березин]. – Вологда: Легия, 2000. – С. 249-261.

158. Фесенко, Э. Я. Теория литературы: учебное пособие для вузов / Э.Я. Фесенко. – Изд. 3-е, доп. и испр. — М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.

159. Флоренский, П. А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда [Вступительная статья к изданию: Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909] / П. А. Флоренский // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 1. - М: Мысль, 1994. - С. 663-681.

160. Холтобина, А. С. Диалектизмы в былинных текстах Т. Г. Рябинина // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3 (27). Т. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/dialektizmy-v-bylinnyh-tekstah-t-g-ryabinina (дата последнего обращения 18.11.2018). – Текст: электронный.

161. Хроленко, А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике / А. Т. Хроленко // Поэтика русского фольклора XXI. – Л.: Наука, 1981. – С. 3-12.

162. Хроленко, А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – М: Флинта: наука, 2010. – 192 с.

163. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – 229 с.

164. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика: перспективы развития / А. Т. Хроленко // Родная речь. – М., 2017. - № 6. – URL: http://www.russkayarech.ru/files/issues/2017/6/0025_0030_Xrolenko.pdf (дата последнего обращения 6.01.2019). – Текст: электронный.

165. Хроленко, А. Т. Образовательный потенциал лингвофольклористики/ А. Т. Хроленко // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции (16-19 сентября 2015 года, г. Петрозаводск) / отв. Ред. Н. В. Патроева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос.

бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозавод. Гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. – 170 с. – С. 12-14.

166. Хроленко, А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А. Т. Хроленко. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.

167. Хроленко, А. Т. Территориальная «вибрация» народно-песенного лексикона / А. Т. Хроленко // Дело всей жизни: сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С.182-191.

168. Хроленко, А.Т. Что такое лингвофольклористика? / А. Т. Хроленко // Русская речь. - 1974. - № 1. - С. 36–41.

169. Цветкова, Е. В. Топонимы в костромском фольклоре / Е. В. Цветкова // Русская речь. – 2014. - № 2. – С. 94-97.

170. Частушка в записи современного времени / Сост. З. И. Власова, А. А. Горелов. – М., 1968.

171. Частушки / Сост. С. Викулов – Вологда, 1952.

172. Частушки 1940 — 1950-х годов (из собрания Марии Васильевны Кудрявцевой) // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3. / Адм. Устюженского р-на Вологод. обл. и др.; [гл. ред. и сост. М. А. Березин]. – Вологда: Русь, 1995. – С. 391-414.

173. Частушки 50-х-60-х годов, дер. Щукарево Вологодского района / [Вспомнила и записала М.А. Малозёмова (Неелова)]. - Вологда: Евстолий, 1999. - 43с.

174. Частушки, пословицы, загадки / Сост. К. Коничев. – Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1954. – 123 с.

175. Червинский, П. П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики / П. П. Червинский. – Тернополь: Крок, 2010. – 380 с.

176. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера / О. А. Черепанова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. – 168 с.

177. Чернец, Л. В. Поэтический синтаксис. Фигуры / Л. В. Чернец // Введение в литературоведение / Под ред Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 442-455.

178. Черноусова, И. П. Фольклорные формулы: на пересечении традиции и текста (на материале былин) / И. П. Черноусова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. - 2012. - № 2.

179. Чистов, К.В. Русская причеть / К. В. Чистов // Причитания. Л., 1960. С. 5-44.

180. Шейн, П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / П.В. Шейн. – Т. 1. - СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. - 376 с.

181. Шетухина, Е. П. Фонетические приёмы фольклора как способ организации звуков в процессе построения рекламного сообщения Е. П. Шетухина // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. - № 5 (61). – С. 263-265.

182. Шуплецова, Ю. А. Поэтическая фразеология: к вопросу разграничения понятий «фольклорная фразеология» и «фразеология фольклора». – URL: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2014/2014-2-27.pdf. – Текст: электронный.

183. Якобсон, Р. О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. - М.: Прогресс, 1987. - С. 99-132.

184. Яцкевич, Л. Г. Поэтическое слово Николая Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина, С. Б. Виноградова. – Вологда: Русь, 2005. – 248 с.

185. Яцкевич, Л. Г. Квасюнинская поговорочка: Язык малых жанров фольклора / Под ред. Г.В. Судакова. – Вологда: ВоГУ, 2017. - 168 с.

186. Яцкевич, Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2010. – 280 с.

187. Яцкевич, Л. Г. Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино. Конкорданс / Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2016. (Машинопись. 230 с.)

188. Яцкевич, Л.Г. Словесное творчество жителей деревни Квасюнино (первая половина XX века)/ Л. Г. Яцкевич // Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров. – Вологда: ВГПУ, 2013. – С. 182- 190.

189. Яцкевич, Л. Г. Слово о родной деревне / Л. Г. Яцкевич. - Вологда, 2011. – 272 с.

190. Яцкевич, Л. Г. Фольклоризмы в поэзии Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Язык и поэзия русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции (16-19 сентября 2015 года, г. Петрозаводск) / Отв. ред. Н. В. Патроева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозавод. гос. университет. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. – 170 с. – С. 133-136.

191. Parry, M. Studies in the epic technique of oral verse-making. I. Homer and homeric style / M. Perry // The Making of Homeric Verse. Oxford: At the Clarendon Press, 1971. P. 266– 324.

192. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. – URL: https://ich.unesco.org/en/convention (дата обращения 12.07.2018). – Текст: электронный.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СПРАВОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БСЭ – Большая советская энциклопедия. – М.: Советская Россия, 1978. – Т. 29.

2. БАС – Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. – СПб.: Изд-во «Наука», 2004–2017.

2. ВС – Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики. / отв. ред. Л. Ю. Зорина; Вологод. гос. пед. ун-т. – Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: ВГПУ, 2011. – 344 с.

3. Герасимов М. К. Словарь Череповецкого уездного говора. – Санкт-Петербург, 1910.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Москва: Прогресс; Универс, 1994. - Т. 1–4.

5. ДКСБ – Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь [Текст] / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский и др.; отв. ред. И. А. Морозов. – М., 1997. – 432 с.

6. ЗР – Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л.Ю.Зорина; М-во образ. и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

7. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская Энциклопедия, 1966.

8. Книгин, И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин. – Саратов: Лицей, 2006. – 270 с.

9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1991. - 258 с.

10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. - (Дата обращения 12.11.2018).

11. СЛТ – Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-

Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. - М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

12. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков: В 2 т. / Н. В. Павлович. – М: Эдиториал УРСС, 2007. – 848 с.

14. СДЭС – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. - Т. 1-5. - М., 1995, 1999, 2004, 2009, 2012.

15. СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983-2006.

16. СЛТ – Словарь литературоведческих терминов. / Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

17. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Ленинград: Наука, 1991.